Russian Society of Psychiatrists,
Pussian Psychological Society, Russian Sociological Association, Russian Philosophic Society, Department of Political Science (RPS), Professional Psychotherapeutic League, National Psychoanalytic Federation

Psychology and psychopathology of terrorism

Humanitarian strategies of antiterror

Edited
by Dr. Prof. Mikhail Reshetnikov

East-European
Psychoanalytic Institute
Saint Petersburg
2004

Российское Общество Психиатров,
Российское Психологическое Общество, Российская Социологическая Ассоциация, Российское Философское Общество, Секция Политологии РПО, Профессиональная Психотерапевтическая Лига, Национальная Федерация Психоанализа

Психология и психопатология терроризма

Гуманитарные стратегии антитеррора

Сборник статей
под редакцией проф. М. М. Решетникова

Восточно-Европейский
Институт Психоанализа
Санкт-Петербург
2004

ББК 88.3

Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора. Сборник статей под ред. проф. М. М. Решетникова. — СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2004. — 352 с.

В сборнике статей представлены подготовленные для печати основные доклады участников Форума «Психология и психология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора» (Санкт-Петербург, Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 23-25 мая 2004), в ходе которого была предпринята попытка междисциплинарного осмысления одной из наиболее актуальных проблем современного мира. Как свидетельствуют публикуемые материалы, основное внимание участников привлекли такие темы, как: гуманитарные стратегии разрешения конфликтов, базовое доверие, биотерроризм, информационные аспекты терроризма, модификация общества, организация и тактика деятельности психолого-психиатрических бригад, отставленные реакции и отдаленные последствия, посттравматические стрессовые расстройства, проблема идентичности и «других», клиническая и социальная реабилитация, ситуации утраты, современная мифология, социальная терапия, стратегии переговорного процесса и примирения, цели и «мишени» терррактов, чрезвычайные ситуации, чувство вины, эстетика насилия, этнические конфликты.

Книга представляет интерес для специалистов управленческих и силовых структур, а также для психопатологов, психологов, политологов, социологов и философов.

Содержание

Введение
Терроризм: «активные» и «пассивные» «союзники» 13

Я. И. Гилинский
Современный терроризм:
кто «виноват» и что делать? 19

С. В. Цыцарев
Социальная психология
и психопатология терроризма 26

М. М. Решетников
Клинический метод в изучении и разрешении межнациональных конфликтов 37

А. И. Юрьев
Политическая психология терроризма 64

Б. В. Марков
Социально-культурные предпосылки терроризма 87

Н. М. Савченкова
Террор: символический акт или абстрактная агрессия? 93

В. А. Медведев
Террор как основание коммуникативной культуры XXI века: от понимания к интерпретации 102

С. В. Чермянин, В. А. Корзунин
Социально-психологическая реадаптация военнослужащих, принимавших участие в контртеррористических операциях . . 130

Ю. В. Лобзин, В. М. Волжанин
Некоторые аспекты биотерроризма 144

О. Е. Кашкарова, М. В. Семенова Тян-Шанская, А. В. Курпатов, М. В. Бухарина
Задачи кризисной службы в оказании помощи жертвам террористических актов 156

А. М. Ялов
Возможности решение-ориентированной психотерапии в оказании помощи людям, пострадавшим в результате террористических актов 163

Ю. Л. Бердникова
Круги на воде или «неизвестные пострадавшие» 169

В. В. Горанчук, Б. В. Овчинников, С. П. Шклярук
Концептуальные подходы к подготовке «переговорщиков» . . . 176

С. Н. Ениколопов
Современный терроризм и агрессивное поведение 181

О. А. Лежнина
Психология войны: смена мифологий 194

Информационное агентство «Росбалт»
Информационные аспекты террористических актов 204

М. В. Павлова
Экстренная психологическая помощь пострадавшим в результате террористического акта 219

В. Д. Бекренев
Стратегии информирования населения СМИ о деятельности МЧС России, связанной с профилактикой и ликвидацией последствий террористических актов 222

С. В. Чермянин, В. А. Корзунин, О. В. Иванов, А. Г. Маклаков, В. Л. Ситников
Влияние информационного обеспечения контртеррористических операций на состояние военнослужащих 227

А. Л. Катков
Метамодель социальной психотерапии 238

А. А.Рудовский, И. А.Волошина, И. В. Аксенова
Отдел экстренной психологической помощи МСПП и его участие в ликвидации последствий драматических февральских событий 2004 г. в г. Москве 248

А. А. Бакин, Т. Ю. Маликова, А. Г. Журкин
Особенности психической дезадаптации у девочек-подростков, пострадавших в чрезвычайных ситуациях 253

С. П. Шклярук, В. В. Горанчук
Ресурсные кризисы, этнические конфликты и терроризм 257

Н. Л. Иванова
Социальная идентичность и проблема разрешения межгрупповых конфликтов 262

А. Н. Лавров
Психологическое насилие в тоталитарных сектах 270

И. А. Акиндинова
К проблеме психологической реабилитации лиц, задействованных в ликвидации последствий ЧС 279

В. Б.Куликов, П. Е. Суслонов
Социально-психологический аспект политического экстремизма и терроризма 287

Приложение

М. М. Решетников
Глобализация – самый общий взгляд 292
Исламское противостояние и проблема терроризма 308
Что происходит с парламентаризмом и демократией? 333
Наброски к психологическому портрету террориста 341

Contents

Introduction
Terrorism. «Active» and «passive» allies. 13

Jakov Gilinskiy
Modern terrorism. Who is to blame and what 's to be done? 19

Sergei Tsitsarev
Social psychology and psychopatology of terrorism 26

Mikhail Reshetnikov
Clinical method in studying and settling the ethnic conflicts 37

Alexander Yuriev
The political psychology of terrorism 64

Boris Markov
Social and cultural prequisities of terrorism 87

Nina Savchenkova
Terror: symbolic act or abstract aggression? 93

Vladimir Medvedev
Terror as the foundation of XXI century communicative culture. From comprehension to interpretation 102

Sergey Chermianin, Vladimir Korzunin
Soldiers' social and psychological readaptation after contrterrorist operations 130

Yuriy Lobzin, Valeriy Volzhanin
Some aspects of bioterrorism 144

Oksana Kashkarova, Maria Semenova Tien Shanskaya, Andrei Kurpatov, Maria Bukharina
Aiding the victims of the act of terrorism 156

Anatoliy Yalov
Solution-oriented therapy in aiding the victims of the act of terrorism . . 163

Yulia Berdnikova
Ripples in the water or «unknown victims» 169

Vladimir Goranchuk, Boris Ovchinnikov, Sergey Shkliaruk
Conceptual method of training for negotiating 176

Sergey Enikolopov
Modern terrorism and aggressive behaviour 181

Olga Lezhnina
Psychology of the war. Changing mythologies 194

«Rosbalt» News Agency
An informational aspect of the act of terrorism 204

Maria Pavlova
Urgent aiding victims of the act of terrorism 219

Vladimir Bekrenev
Strategies of informing the population about EMERCOM contrterrorist activity 222

Sergey Chermianin, Vladimir Korzunin, Oleg Ivanov, Anatoliy Maklakov, Vladimir Sitnikov
Information about contrterrorist operations and soldiers condition 227

Alexei Katkov
Metamodel of social psychotherapy 238

Alexander Rudovskiy, Irina Voloshina, Irina Aksenova
Urgent psychological help in Moscow 248

Anatoliy Bakin, Tatiana Malikova, Alexandre Zhurkin
Psychic disadaptation of the adolescent girls victims 253

Sergey Shkliaruk, Vladimir Goranchuk
Crisis of resources, ethnic conflicts and terrorism 257

Natalia Ivanova
Social identity and the problem of settling intergroup conflicts . . 262

Alexei Lavrov
Psychological violence 270

Irina Akindinova
Psychological reabilitation 279

Vladimir Kulikov, Pavel Suslonov
Social and psychological aspects of political extremism and terrorism 287

Appendix

Mikhail Reshetnikov
Globalisation. The general approach 292
Islamic confrontation and a problem of terrorism 308
What is the matter with parliamentarism and democracy in Russia? 333
The psychological portrait of a terrorist 341

Терроризм:
«активные» и «пассивные» «союзники»
Введение

Около года назад появилась идея, которая уже давно витала в воздухе: организовать гуманитарный Форум по проблеме терроризма с участием политологов, психологов, психиатров, психотерапевтов, социологов и философов.

Основная задача Форума определялась как междисциплинарное осмысление вопросов генезиса современного терроризма, вопреки получившему широкое распространение в мире силовому подходу к решению проблемы. Эта задача была сформулирована в девизе нашего Форума: «Должны быть другие пути!».

Предложенный для обсуждения подход ни в коей мере не ставил под сомнение необходимость силового противодействия терроризму. Однако наша основная задача была лишь относительно связана с контртеррористическими операциями, ликвидацией последствий или реабилитацией пострадавших. Несмотря на огромные усилия, предпринимаемые мировым сообществом, нужно признать, что это все-таки борьба с «симптомами» или с последствиями. А что с самим «заболеванием», с его причинами? Многого ли мы достигнем с уничтожением главных вдохновителей и идеологов?

Было бы неверно не сказать, что по мере подготовки Форума неожиданно проявилась, хотя и не слишком явная, тенденция дистанцирования от этой проблемы российского гуманитарного со-

общества. Одни из авторитетных профессионалов ссылались на то, что им пока нечего сказать, другие сетовали на то, что даже если что-то и будет сказано, это не будет услышано. Третьи определяли свое отношение как «синдром 1993 года»... У меня нет точного ответа на вопрос: «Почему это происходит?» — но есть надежда, что этот «разрыв» между властью и мыслящей интеллигенцией будет преодолен.

Несмотря на некоторый скепсис части научной элиты, общими усилиями участников Форума удалось подготовить достаточно представительную программу — и по содержанию, и по авторскому участию, о чем свидетельствуют публикуемые материалы.

Из заявленных в предварительной рассылке ключевых вопросов пока практически не нашли реализации такие темы, как социально-психологический дебрифинг, информационное противодействие, панические реакции, специфика ролей «спасателя», «спасителя» и «мстителя», а также так называемый «современный шахидизм» (укоренившееся наименование которого не соответствует сути явления[1]) и, вероятно, многие другие. Но нет сомнений, что это лишь первый гуманитарный форум такой направленности и, безусловно, будут другие, с более широким охватом актуальных проблем и более глубоким проникновением в их суть и содержание.

По предварительной оценке, можно констатировать, что особое внимание участников привлекли такие темы, как гуманитарные стратегии разрешения конфликтов, базовое доверие, биотерроризм, модификация общества, организация и тактика деятельности психолого-психиатрических бригад, отставленные реакции и отдаленные последствия, посттравматические стрессовые расстройства, проблема идентичности и «других», клиническая и социальная реабилитация, ситуации утраты, современная мифология, социальная терапия, стратегии переговорного процесса и примирения, цели и «мишени» терратков, чрезвычайные ситуации, чувство вины, эстетика насилия, этнические конфликты.

Существует множество определений терроризма. Например, самое распространенное, американское, апеллирует к действиям,

[1] Точнее было бы говорить, как предлагает проф. С. В. Цыцарев, о «суицидальных террористах» (с. 28), или «террористах-смертниках».

направленным на угрозу демократии или американскому правительству. Но, как представляется, оно весьма неполно. В наиболее общем виде можно было бы сформулировать это определение следующим образом: «Терроризм — это любое насильственное действие, осуществляемое вне законодательства и культуры, основанное на угрозе и запугивании, при этом — непосредственные объекты насилия (так называемые “мишени”) не являются главными целями исполнителей теракта и его заказчиков». В процессе Форума были даны и другие определения. И думаю, достаточно важно как можно более точно определить и понять: с каким же явлением мы столкнулись на рубеже тысячелетий?

В силу мобильности современной жизни и широкой доступности «орудий» терроризма (авиалайнеры, АЭС, химические производства, водохранилища и т. д.) терроризм становится всеобъемлющей проблемой, а любой гражданин, как бы законопослушен он не был, может стать его потенциальным объектом.

Современный терроризм обязательно предполагает информационную составляющую, при этом он не во всех случаях связан с разрушениями или убийствами, но всегда — с угрозой первого и второго. Отсюда вытекает еще один существенный вывод: главной целью терроризма является общественная паника, то есть провокация иррационального массового ужаса (далеко за пределами места и времени теракта), даже там, где реально для этого нет причин. Но многократно тиражируемая информация возбуждает фантазии и приводит миллионы «косвенных» жертв во власть целенаправленно «патологизируемого» воображения, откуда идут самые сильные страхи. Этим индуцированным на расстоянии тысяч километров фобиям были посвящены несколько докладов.

Поскольку за исключением некоторых случаев (например, в Испании) террористы не выдвигали каких-либо требований, в части докладов особое внимание уделялось попыткам вскрыть символизм этих зловещих «посланий».

Как представляется, комплексный подход к феномену терроризма (с учетом исторических, политико-экономических, социально-психологических, психиатрических и информационных аспектов) только формируется. И хотелось бы надеяться, что прошедший Форум внес определенный вклад в этот процесс.

Количество серьезных исследований по терроризму пока невелико, а характерная особенность части из них состоит в том, что они пишутся на уровне здравого смысла и апеллируют к обыденному опыту и «частным случаям», поэтому некоторые феномены и общие закономерности терроризма (включая его иррациональную составляющую) остаются практически неизвестными. Вместе с этим, большинство специалистов сходятся во мнении, что основной целью современного терроризма является дестабилизация общества, и не столько в результате самих терактов, сколько путем воздействия через СМИ. И эта проблема пока не получила должного осмысления. В результате появления феномена терроризма мир качественно изменился, а стратегия деятельности СМИ осталась прежней...

Наша гордость — высокие технологии, как оказалось, это в равной степени и гарантия нашей защищенности, и легкая доступность для террористов самых мощных орудий разрушения в нашем глубоком тылу. И мы вынуждены усиливать охрану этих несметных арсеналов «двойного назначения».

Но одно из самых мощных видов оружия и самых мощных высоких технологий мы сами представляем террористам. Что имеется в виду? Как уже отмечалось, современный терроризм немыслим без мощного информационного обеспечения. И большая часть террористических актов рассчитана именно на информационно-эмоциональный эффект. И СМИ всех государств (без просьб, напоминаний и оплаты) регулярно предоставляют весь свой высокотехнологичный арсенал в безусловное распоряжение террористов (которые при подготовке своих операций всегда уверены — этот «союзник» не подведет).

Останутся ли СМИ этим «активным союзником» террористов? Не лукавят ли они, когда, отстаивая приоритеты свободы слова (а в равной степени — ориентацию на поддержание собственных рейтингов через легкодоступный «информационный повод») стократно транслируют и тиражируют, безусловно, психотравмирующие, шокирующие и устрашающие видеоряды?

Существуют социально значимые товары и социально пагубные. В качестве последних можно упомянуть алкоголь и наркотики. И политика государства в отношении их рекламы кардинально отличается. Информация — это тоже товар. И также может

иметь характеристики социально пагубного товара. Как психопатолог, я абсолютно уверен, что ничем не обузданная реклама терроризма и насилия, с точки зрения социального здоровья народов, недопустима. Но как найти точный и взвешенный подход к этой проблеме? Это вопрос, требующий нестандартного подхода и решения, которые, скорее всего, способны найти только сами СМИ.

Мы знаем, что наиболее мощным воздействием на психику обладает визуальный ряд или зрелищный эффект, то есть то, что представляется электронными и в иллюстрациях печатных СМИ. Более того, уже не нуждается в обосновании тезис о «неизбежности включения субъекта в любое наблюдение». Отсюда же вытекают эффекты «соучастия» (с закономерным чувством вины, страха или унижения — иногда на многие месяцы и даже годы). Не вдаваясь в подробное обоснование этого тезиса, следует признать, что в силу всеобъемлющего характера современных электронных СМИ пострадавшими в результате каждого теракта являются практически все. В том, что именно на это рассчитывают террористы, нет сомнений. Но хотим ли этого мы?

Второй существенный вопрос. Уже упоминалось об определенном дистанцировании научной элиты от проблемы терроризма. В результате этого, на фоне мощного идеологического и религиозно-фанатического обеспечения террористических актов, антитеррористическая деятельность государств и силовых структур оказалась вне содержательного наполнения и информационной поддержки. Наука пока не предложила здесь никаких новых идей, а часть научной элиты более озабочена критикой президента, правительства и силовых структур, чем попытками серьезного анализа проблемы. Было бы ошибочно не понимать, что такое противопоставление общества и государственных структур составляет одну из задач идеологов терроризма, а наша стыдливое «отмежевание» от этих кровавых проблем делает нас своеобразными «пассивными союзниками» последних, а духовным лидерам террористов пока ничего не противопоставлено.

Здесь нет призыва к бескомпромиссной поддержке или соглашательству с силовыми акциями, иногда мало чем отличающимися от действий террористов. Но не стоит забывать и об одном из неписаных прав государства — «праве на санкционированное на-

силие» в интересах всего общества. Тем не менее, большинство участников Форума разделяют тезис о том, что «борьба с террором через "отлавливание" террористов так же фиктивна, как борьба с наводнениями, проводимая путем простого вычерпывания воды» (с. 113). Поэтому нам нужно иметь хотя бы приблизительную научно-обоснованную концепцию происходящего, чтобы попытаться понять психологические истоки роста насилия, а также — определить стратегические направления деятельности, которые позволили бы лишить терроризм его психологической подпитки и социальной базы, из которой он последовательно черпает силы и сторонников. Чтобы те мальчики и девочки, которые родились только сегодня или вчера или родятся завтра, к какой бы национальности или этносу они ни принадлежали, нашими общими усилиями могли быть ограждены от «трансляции» криминального и полукриминального опыта предшествующих поколений.

Проф. М. Решетников
СПб, 18.07.04

Я. И. Гилинский

Современный терроризм: кто «виноват» и что делать?[1]

Терроризм (terror — *лат.* страх, ужас) является одной из серьезнейших глобальных проблем, потенциально или актуально затрагивающих каждого жителя планеты. Как это часто бывает, чем серьезнее, актуальнее и «очевиднее» проблема, тем большим количеством мифов и недоразумений она окружена.

Нет единого понимания терроризма. Вот лишь некоторые из имеющихся определений (всего их насчитывается свыше ста[2]):

- «систематическое устрашение, провоцирование, дестабилизация общества насилием»[3];
- «форма угрозы насилием или применения насилия по политическим мотивам»[4];
- «применение насилия или угрозы насилия против лиц или вещей ради достижения политических целей»[5];

[1] Гилинский Яков Ильич — заведующий сектором Социологического института РАН, профессор Санкт-Петербургского Юридического института Генеральной прокуратуры; член Международной Социологической Ассоциации и Европейского союза криминологов; доктор юридических наук, профессор. E-mail: gilinski@comset.net

[2] *Cassesse A.* Terrorism, Politics and Law. Cambridge: Polity Press, 1989. P. 3.

[3] *Чаликова В.* Терроризм. В: 50/50 Опыт словаря нового мышления. М.: Прогресс, 1989. С. 309.

[4] Das neue taschen Lexikon. Bertelsmann Lexikon Verlag, 1992. Band 16. S. 59–60.

[5] *Шнайдер Г. Й.* Криминология. М.: Прогресс-Универс, 1994. С. 439.

- «систематическое использование убийств, телесных повреждений и разрушений или угроз перечисленных действий для достижения политических целей»[6];
- «метод политической борьбы, который состоит в систематическом применении ничем не ограниченного, не связанного с военными действиями физического принуждения, имеющего целью достижение определенных результатов путем устрашения политических противников»[7].

Из приведенных и других определений вырисовываются *два основных* признака терроризма:

1) применение или угроза применения *насилия;*
2) его политическая *мотивация*.

Но есть еще один существенный признак терроризма как социального явления, а не индивидуального акта политического убийства: *неопределенный круг непосредственных объектов* террористического акта, применение насилия в отношении неопределенного круга лиц ради достижения отдаленной цели — удовлетворения политического (экономического, социального) требования.

На сложность и субъективизм определения терроризма обратил внимание еще Laqueur: «один — террорист, другой — борец за свободу»[8]. Эта тема рассматривается в статье сотрудника Международного полицейского института по контртерроризму B. Ganor[9]. *Как различить терроризм и партизанскую войну, терроризм и революционное насилие, терроризм и борьбу за национальное освобождение? Слишком многое зависит от позиции субъекта оценки тех или иных насильственных действий по политическим мотивам.* Ganor пытается провести различия между анализируемыми феноменами. В обосновываемых им схемах вначале отграничиваются *объявленная война* — между государствами, и *необъявленная война* — между организациями и государством. Последняя включает прежде всего *терроризм* и *партизанскую войну*. Кроме того, к необъявленной войне может относиться деятельность анархистов, борцов за свободу, революционеров, а также действия *ad hoc* (по конкретному случаю). Важнейшее различие между терроризмом и партизанской войной состоит в том, что *партизанская война* ведется *против вооруженных сил*, военных и техники, тогда как *терроризм* направлен *против мирного населения*, «некомбатантов» (*noncombatant*) при сохранении политической мотивации насильственных действий. Это различение весьма существенно и позволяет конкретизировать наши оценки. Правда, и предлагаемое различие условно (мирное население может так же оказаться жертвой партизанских действий, как и «точечных ударов»...). Ganor называет три важнейших элемента терроризма: 1) *применение или угроза применения насилия*; 2) *политические цели (мотивы) деятельности;* 3) *реальными целями* оказывается *мирное население*, граждане[10].

Обычно различают террор и терроризм:

1) *террор* со стороны правящих властных структур (или «насилие сильных над слабыми», присущее, в частности, тоталитарным режимам);
2) *терроризм* как насилие и устрашение «слабыми сильных», оружие слабых, жертв «государственного террора»[11].

Иначе говоря: «Террор является насилием и устрашением, используемым объективно более сильным в отношении более слабых; терроризм — это насилие и устрашение, используемое более слабым в отношении более сильного»[12].

Террористические организации и отдельные террористы-одиночки представляют — осознанно или нет — интересы массы *excluded* («исключенных») в современном мире[13]. Поляризация на очень богатое и властное меньшинство *«включенных»* (included) и

6 *Laquer W.* Terrorism. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1977. P. 79.

7 *Дмитриев А. В., Залысин И. Ю.* Насилие: Социо-политический анализ. М.: РОССПЭН, 2000. С. 53.

8 *Laqueur W.* The Age of Terrorism. Toronto: Little, Brown &Co, 1987. P. 302.

9 *Ganor B.* Defining Terrorism: Is one Man's Terrorist another Man's Freedom Fighter? // Police Practice & Research. An International Journal. 2002. Vol. 3, N 4. P. 287-304.

10 *Ganor B.* Loc. cit. P. 294–295.

11 *Чаликова В.* Указ. соч. С. 310; *Ферро М.* Терроризм. В: 50/50 Опыт словаря нового мышления. М.: Прогресс, 1989. С. 314.

12 *Бернгард А.* Стратегия терроризма. Варшава, 1978. С. 23.

13 *Finer C., Nellis M.* (Eds.) Crime and Social Exclusion. Blackwell Publishers, Ltd., 1998; *Kanfler J.* L'exclusion sociale: Etude de la marginalitй dans les sociйtйs occidentales. Paris: Bureau de Recherches socials, 1965; *Lenoir R.* Les exclus, un fransais sur dix. Paris: Seuil, 1974; *Young J.* The Exclusive Society: Social Exclusion, Crime and Difference in Late Modernity. SAGE Publications, 1999.

очень бедное и бесправное большинство *«исключенных»* (при относительном размывании «среднего класса» — гаранта устойчивости социальных систем) приводит в условиях глобализации экономики, политики и информационных процессов к опасному для всего человечества разделению стран и жителей каждой страны на inclusive/exclusive. Так, различаются «включенные» страны «золотого миллиарда» и «исключенные» — все остальные[14]. «Наихудший из возможных сценариев состоит в том, что общество следующего столетия (т. е. наступившего XXI в. — *Я. Г.*) примет метакод включения/исключения. А это значило бы, что некоторые люди будут личностями, а другие — только индивидами, что некоторые будут включены в функциональные системы, а другие исключены из них, оставаясь существами, которые пытаются дожить до завтра»[15]. *«Исключенные» и составляют основную социальную базу терроризма (равно как преступности, наркотизма и т. п.).*

Этот глобальный процесс и его последствия недостаточно осознаются правящими элитами современного мира. Террор вызывает терроризм. И не важно, кто «первым начал»: за политические игры человечеству приходится расплачиваться горами трупов.

Хотя история политических репрессий (террора) и террористических актов в виде политических убийств уходит вглубь веков[16], однако большинство исследователей отмечают существенные отличия современного терроризма и как «неотъемлемой части государственной политики»[17], и как систематического устрашения общества насилием[18], все возрастающее количество терактов и их жертв, а также глобализацию (интернационализацию) терроризма.

[14] О месте России среди «исключенных» см.: *Моисеев Н. Н.* Расставание с простотой. М.: Аграф, 1998. *Чаликова В.* Указ. соч. С. 310; *Ферро М.* Терроризм. В: 50/50 Опыт словаря нового мышления. М.: Прогресс, 1989. С. 314.

[15] *Луман Н.* Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество. В: Социология на пороге XXI века: Новые направления исследований. М.: Интеллект. 1998. С. 107.

[16] Применительно к России см.: *Будницкий О. В.* (автор-составитель). История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.

[17] *Ферро М.* Указ. соч. С. 313.

[18] *Kressel N.* Mass Hate: The Global Rise of Genocide and Terror. Plenum Press, 1996.

Нью-йоркская трагедия 11 сентября 2001 г.[19] стала страшным символом новых реалий XXI века (таким же, как Освенцим — символом бесчеловечности XX века). Показательно, что в качестве объекта самого страшного террористического акта в мировой истории были выбраны Нью-Йорк и Международный Торговый центр — своеобразные символы стран «Золотого миллиарда» («включенных»).

Многочисленны проявления и методы терроризма: захват транспортных средств и заложников; уничтожение транспортных коммуникаций; взрывы, поджоги; военные действия, включая партизанские; отравление источников питания и водоснабжения; применение отравляющих веществ; угрозы применения этих и иных мер и др. А неопределенность, размытость и многоликость терроризма приводят к многочисленным его классификациям по разным основаниям[20].

Не останавливаясь на юридическом (уголовно-правовом) аспекте проблемы терроризма[21], рассмотрим некоторые социально-политические вопросы. Терроризм, приводя к бесчисленным жертвам и принося неисчислимые страдания, является *преступной* деятельностью (преступлением) и заслуживает суровой оценки. Но социально-политическая сущность терроризма и желание противодействовать ему требуют более широкого подхода. Да, террористам нет оправдания с общечеловеческой, принятой мировым сообществом и международными организациями точки зрения. Но все же *терроризм — преступление «особого рода»*. С точки зрения террористов, организаций и движений, прибегающих к террористическим методам, их требования, отстаиваемые идеи —

[19] Подробное описание см.: *Alexander D., Alexander Y.* Terrorism and Business. The Impact of September 11, 2001. Transnational Publishers, Inc., 2002; Aust S., Schnibben C. (Hg). 11. September. Geschichte eines Terrorangrifs. Deutsche Verlags-Anstalt, 2002.

[20] См.: *Дмитриев А. В., Залысин И. Ю.* Указ. соч. С. 30–57; *Овчинникова Г. В.* Терроризм. СПб: Юридический институт Генеральной прокуратуры, 1998. С. 9–11; *White J.* Terrorism. An Introduction. Pacific Grove (Calif.): Brooks/Cole Publishing Company, 1991. P. 8–13.

[21] *Емельянов В. П.* Терроризм и преступления с признаками терроризирования. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002; *Кабанов П. А.* Указ. соч.; *Комиссаров В. С.* Терроризм, бандитизм, захват заложника. М., 1997; *Овчинникова Г. В.* Указ. соч.

«справедливы» и имеют не меньшую ценность, чем те, против которых они выступают. Поэтому силовые методы противодействия терроризму, носящему политический (этнический, конфессиональный, идеологический) характер, — малоэффективны. Об этом свидетельствуют опыт Ольстера в Ирландии, затяжной, кровавый характер «борьбы» с баскскими сепаратистами в Испании, алжирскими террористами во Франции, с албанскими — в Сербии, с чеченскими — в России...

Насилие и ненависть рождают насилие и ненависть, формируют идеологию и акторов «преступлений ненависти» (hate crimes)[22]. Поэтому «искусство цивилизованной жизни состоит в том, чтобы не плодить недовольных, обиженных, “мучеников”, а строить благополучие людей в контексте их долгосрочных отношений друг с другом»[23].

Мировое сообщество в целом и каждое государство в отдельности должны предпринимать прежде всего *политические* (экономические, социальные) усилия по *предотвращению условий* для терроризма, по ненасильственному разрешению межэтнических, межконфессиональных и социальных конфликтов. Безусловно, провозгласить принцип ненасильственного, упреждающего терроризм решения назревших проблем и конфликтов легче, чем его реализовать. Но ***не существует «простых решений» сложных социальных проблем.*** Так называемые «простые решения» (типа «ликвидировать», «подавить», «уничтожить») либо неосуществимы, либо приводят к осложнению ситуации. Можно (и нужно) «бороться» с отдельными исполнителями терактов — угонщиками самолетов, киллерами, лицами, закладывающими взрывные устройства, и т. п., но нельзя уголовно-правовыми или карательными мерами устранить *причины*, *источники* терроризма как результата острых или затяжных социальных (этнических, религиозных, политических, идеологических) конфликтов. Не случайно в послевоенном мире террористические организации и движения возникали прежде всего в постфашистских, посттоталитарных, посткоммунистических странах — Италии («Красные бригады»), Германии («Крас-

[22] *Jacobs J., Potter K.* Hate Crimes: Criminal Law and Identity Politics. Oxford University Press, 1998.

[23] *Дмитриев А., Кудрявцев В., Кудрявцев С.* Введение в общую теорию конфликтов. М.: ЦКИ РАН, 1993. С. 171.

ная армия», неонацисты), Японии (Японская революционная красная армия), Испании, Югославии, России, а также в странах с тоталитарным режимом (Латинская Америка, Ближний и Средний Восток), где отсутствовал опыт демократического, политического решения социальных конфликтов и проблем. Из 79 известных к 1990 г. террористических организаций 37 принадлежали по своей идеологии к марксистским, ленинским, троцкистским, маоистским, 9 представляли различные направления панарабского и исламского фундаментализма, 7 служили примером удивительной смеси панарабизма и марксизма, 4 относились к правоэкстремистским и нео-фашистским[24]. Разумеется, это соотношение претерпело существенные изменения к сегодняшнему дню. Количество известных террористических организаций увеличилось, доля «левых» сократилась за счет увеличения «правых» и исламских.

Не существует универсальных рецептов предупреждения терроризма и разрешения сложных проблем, лежащих в его основе. Некоторые общие подходы предлагаются в конфликтологической и политологической литературе[25].

Важно понять:

- мир без насилия в обозримом будущем невозможен;
- основная антитеррористическая задача — максимально сокращать масштабы терроризма (как насилия «слабых» по отношению к «сильным»);
- основной путь такого сокращения — предупреждение или урегулирование социальных проблем и конфликтов ненасильственными, не репрессивными, политическими методами;
- стратегическое направление — формирование толерантности и противодействие нетерпимости.

«Абсолютно ненасильственный мир — это нереальная перспектива. Более реальной выглядит задача сократить масштабы политического насилия, попытаться свести его минимуму. Об этом свидетельствует политическая жизнь развитых демократических государств, где насилие чаще всего второстепенное средство власти»[26].

[24] *Long D.* The Anatomy of Terrorism. The Free Press, 1990.

[25] *Дмитриев А. В.* Конфликтология. М.: 200. С. 221–277; *Дмитриев А. В., Залысин И. Ю.* Указ. соч. С. 242–296; *Дмитриев А., Кудрявцев В., Кудрявцев С.* Указ. соч. С. 162–208.

[26] *Дмитриев А. В., Залысин И. Ю.* Указ. соч. С. 296.

С. В. Цыцарев[1]

Социальная психология и психопатология терроризма[2]

1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ

«Терроризм — это заранее подготовленное политически мотивированное насилие в адрес не вовлеченных в боевые действия людей, осуществляемое тайными агентами или представителями тех или иных национальностей, направленное на оказание влияния и получение аудтории» (US Department of State Report on Patterns of Global Terrorism, 2001).

2. ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Терроризм не является новым явлением в истории. Суицидальные атаки предпринимались в античные времена различными сектами, например древними евреями против римлян, Исламским Орденом против участников Крестовых походов и т. д. В средневековой Европе политически мотивированные убийства были обычной практикой борьбы за власть. Примерами являются семейство Борджия в Италии, семейство Медичи в Италии и Франции, семья Романовых в России (почти все императоры были убиты), террористические практики тайных орденов. Политический терроризм временами сменялся политическим террором со стороны власти (Французская революция).

[1] Цыцарев Сергей Васильевич — профессор факультета психологии университета Хофстра (США), доктор психологических наук, профессор. E-mail: stsy@optonline.net.

[2] Основные тезисы к докладу.

В XIX — начале XX века политический терроризм стал обычной практикой революционеров, таких как народовольцы, анархисты, эсеры, националисты (напрмер в Шотландии) и т. д. в Восточной Европе.

В 1930–40 гг XX века государственный политический террор в России и в Германии практически уничтожил терроризм. Однако уже в 1990-е годы в результате смены политического режима терроризм в России стал обычным способом разрешения экономических противоречий (зафиксировано несколько тысяч заказных убийств в год). В эти же годы начинается расцвет исламского и другого этнического терроризма в США, России, Японии, Африке, Испании и т. д. К этому же периоду относится начало систематического использования террора с различными неполитическими целями в разных странах (террористы-школьники, унибомбист, трагедия Оклахомы).

2000-е годы принесли серию актов политического терроизма, в первую очередь 11 сентября 2001 г. в США, пробудивших западное общество. Вместе с этим ответные антитеррористические операции (акции возмездия), нацеленные на искоренение терроризма, пока далеки от выполнения намеченных целей.

3. В ЛИТЕРАТУРЕ ОПИСЫВАЕТСЯ ТРИ ТИПА ТЕРРОРИСТОВ (SIMMONS & MITCH, 2002):

- Тип 1 — политически мотивированные террористы.
- Тип 2 — уголовники (например, заказные убийства в рамках организованной преступности).
- Тип 3 — иррациональные террористы (психически больные).

При всех различиях между этими группами общая для всех мотивация — это стремление к publicity путем устрашения.

4. ПОПУЛЯРНАЯ ТЕМА: ВЕДУТ ЛИ БЕДНОСТЬ И НЕДОСТАТОК ОБРАЗОВАНИЯ К ТЕРРОРИЗМУ?

Привычное объяснение преступности в терминах *rational choice theory* срабатывает во многих случаях, например в объяснении преступлений против собственности. Низкий уровень доходов и образования прямо коррелирует с этим типом преступности. Однако другие преступления (например домашнее насилие, убийства

из ненависти, убийства в состоянии аффекта) имеют крайне невыраженную связь с дефицитом образования и бедностью. Что же касается суицидальных террористов, то они не обнаруживают недостатка легитимных возможностей в жизни по сравнению с основным населением.

5. ОБРАЗОВАНИЕ

Аналогичная ситуция наблюдается и при анализе роли образования как такового. Krueger and Malekova (2002) представили данные, в соооответствии с которыми образование или не имеет корреляции, или имеет положительную корреляцию с поддержкой терроризма. В исследованиии 1357 палестинцев, проживающих в районах Западного Берега и Газы, только 40% из числа лиц с университетскими степенями поддерживали диалог с Израилем в противоположность (не поддерживают) 53% выпускников колледжей и 60% имеющих за плечами 9 классов образования или менее. Таким образом, более образованная часть населения настроена в поддержку применения насилия в форме терроризма.

6. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ «ЛИЧНОСТНЫХ ДЕФЕКТОВ» У ТЕРРОРИСТОВ

Большая часть психологических моделей базируется на предположении, что «у террористов обнаруживается патологическая потребность добиваться абсолютных конечных результатов» (Kaplan, 1981). Созвучны этой модели многочисленные психодинамические интерпретации террористического поведения.

В основе большинства из них — признание переживания унижения в руках агрессора в качестве ключевого фактора, ведущего к интернализации чувства личной несостоятельности, результатом которой является потеря самоуважения (самооценки). По мере взросления личность такого типа становится «дефектной», не имеющей адаптивных и социально приемлемых стратегий совладания со стрессом. В поиске выхода субъект ассоциирует себя с людьми с похожими проблемами с целью восстановления своей самооценки. Он прочно связывает себя с такими личностями и таким образом поддерживает в себе самооценку и развивает чувство самоидентичности на основе идентификации с группой, в известной мере заменяющей семью. В такой атмосфере он всегда найдет «причину» для совершения акта насилия. В такой группе он может занять одну из возможных ролей: лидера, авантюриста или идеалиста.

7. РОЛИ, КОТОРЫЕ ИСПОЛНЯЮТ ТЕРРОРИСТЫ В ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ГРУППАХ, ОПИСАНЫ СОЦИАЛЬНЫМИ ПСИХОЛОГАМИ И СВОДЯТСЯ К ТРЕМ ОСНОВНЫМ: РОЛИ ЛИДЕРА, РОЛИ АВАНТЮРИСТА И РОЛИ ИДЕАЛИСТА.

1). Лидеры изначально, как правило, переживают чувство собственной неадекватности и легко проецируют его на общество, полагая, что общество неадекватно и должно быть изменено. Такие личности имеют ясное представление о целях террористической группы и о корнях ее идеологии. Роль лидера привлекательна для личностей нарциссического и параноидного типов.

2). Авантюрист обычно имеет все необходимые навыки для участия в террористической группе. Как правило, это антисоциальный тип личности, часто имеющий историю криминального поведения до вхождения в группу. Примерами являются многие «солдаты удачи», платные киллеры, участники разных вооруженных групп в рамках организованной преступности. Идеология в их поведении может существенно варьироваться или вообще отсутствовать. Поиск сильных ощущений в актах агрессии привлекает их больше всего.

3). Идеалистом является, как правило, молодой человек (или девушка) с наивным взгядом на социальные проблемы и возможность социальных изменений, который всегда неудовлетворен состоянием его общества или организации. Он (или она) является идеальным объектом для «промывания мозгов» (brainwashing), источниками которых могут быть идеологические, политические или религиозные влияния. Феномен фанатизма (психологическое изучение которого крайне актуально и безусловно — дело недалекого будущего) может наблюдаться среди этого типа террористов.

По мнению Strenz (1981), субъект включается в террористическое поведение главным образом из-за наличия искаженных

психологических потребностей (или дефектов личности), а не потому, что стремится к достижению улучшений в политической и социальной сфере. Однако современные данные исследований часто опровергают эту точку зрения.

8. МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОГО НАУЧЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОМУ ПОВЕДЕНИЮ

В современной психологии социального научения терроризм рассматривается как психологически нормальное явление. Поведенческая психология наставивает на том, что чем больше субъект получает подкрепление за его террористическое поведение, тем вероятнее продолжение этого поведения; и чем чаще оно наказывается, тем менее вероятно его проявление вновь. Однако подкрепление и наказание нередко трудно идентифицировать, поскольку в некоторых ситуациях они меняются местами. Так, Crenshaw (1992, 2000) доказал, что «для террористов *наказательные функции* опасности, поимки и даже смерти подавляются *подкрепляющей функцией* осознания того, что их действия ведут к победе соответствующей идеологии. Использование насилия для достижения политических целей является для них реально осуществимым, эффективным и хорошо морально обоснованным».

Когнитивный диссонанс также оказался полезной моделью, помогающей проанализировать тот факт, что чем больше субъект вовлечен в террористическое поведение, тем более он становится убежденным в правоте принятой в группе идеологии. Поэтому для лидеров террористических организаций вовлечение их членов в конкретные террористические поведенческие акты (а не только в подготовку к ним или пропаганду) является главной задачей. В результате этого внушаемая лидерами организаций ксенофобия, постоянно создаваемый образ врага и ненависть по отношению к нему *постоянно подкрепляются собственными акциями членов организаций.*

9. ЦЕЛЬ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КОГНИТИВИСТА

Группы террористов, охваченные интенсивной (жгучей) ненавистью, атакуют (и это очень важно!) не конкретных людей. *Они атакуют «образ врага, спроецированный на не включенное в борьбу гражданское население»* (Beck, 2002).

10. КОГНИТИВНЫЕ АБЕРРАЦИИ, ПРИВОДЯЩИЕ К ТЕРРОРИСТИЧЕСКОМУ ПОВЕДЕНИЮ

Антагонист воспринимается как крайне опасный субъект, которого необходимо изолировать, наказать или уничтожить. Три типичные когнитивные ошибки должны быть внедрены в сознание террористов, для того чтобы уверенно вести борьбу с истинными или воображаемыми врагами.

1. Сверхгенерализация (грехи врага распространяются на все население).
2. Дихотомическое мышление, в котором люди видятся или определенно хорошими (своими), или определенно плохими (чужими).
3. «Туннельное зрение» (Tunnel vision), при котором субъект полностью и исключительно сфокусирован на уничтожении цели.

Когда такое мышление захватывает субъекта, ценность человеческой жизни снижается и террорист испытывает компульсивное возвращение к мыслям о ненавистном объекте.

11. КРОСС-КУЛЬТУРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ

В кросс-культурной психологии существуют, как минимум, три следующих подхода к описанию культуральных различий.

Абсолютизм и его крайний вариант — этноцентризм, согласно которым культурные различия минимальны и суждения об иной культуре делаются на основе признания собственных ценостей как единственно приемлемых и верных.

Культурный релятивизм, рассматривающий каждую культуру с ее собственной точки зрения.

Мультикультурализм, который основан на предположении , что различные культуры могут мирно сосуществовать и обогащать друг друга.

Этноцентрические убеждения в своих крайних формах легко ведут к таким явлениям, как:

- ксенофобия;
- создание ненавидимого образа врага (*enmification);*

12. КУЛЬТУРА И ПСИХОПАТОЛОГИЯ

В области психопатологии культура формирует и определяет, как минимум, следующие аспекты диагноза, лечения и прогноза психических заболеваний.

- Понятие психологической (поведенческой) нормы. Внутри сложных культур существуют субкультуры, каждая из которых может иметь свое понятие нормы по отношению к каждому расстройству.
- Базовые психологические феномены (например, интеллект, способности, направленность личности, продуктивность, ценности, агрессивность, сексуальная потенция и т. д.).
- Правила, регламентирующие проявления патологического поведения (display rules). Схожие расстройства проявляются разными симптомами, выраженность которых также определяется культуральными правилами.
- Социальные «ниши» для различных больных, а также характер и степень стигматизации, наступающей в результате заболевания.
- Культуральные «идиомы дистресса», включая интерпретацию патологического поведения.
- Культурально очерченные синдромы, встречающиеся только в отдельных культурах (culture bound syndromes).
- Культуральные предпочтения по отношению к лечению психических заболеваний.
- Правила использования классификационной системы. Примеры политического использования психиатрии широко известны. Диагнозы типа *trappidomania,* или патологическое влечение к свободе у рабов в Америке, *бред реформаторства* у диссидентов в СССР*, гомосексуализм* — почти во всех культурах нового времени говорят сами за себя.

Для того чтобы разобраться, в какой мере терроризм может быть интерпретирован с психопатологической точки зрения, теоретический аппарат и экспериментальные данные кросс-культурной психологии должны найти свое применение. Следующий раздел — попытка в этом направлении.

13. КУЛЬТУРА, ПСИХОПАТОЛОГИЯ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ЗАПАДНАЯ ЭТНОЦЕНТРИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

В западном обществе есть готовность рассматривать террористическое поведение как патологическое, и, как следствие этого:

- установить, что культура (субкультура) террористов исключает базовые ценности, свойственные «нормальным культурам» (крайний этноцентризм);
- отрицать какую бы то ни было общность в проявлениях террористического поведения в западных и незападных цивилизациях и игнорировать аналогичные терроризму проявления девиантного поведения в своей культуре (см. раздел «История»);
- выводить объяснения террористического поведения непосредственно из определенной религии или группы религий;
- реагировать «исторически проверенным» способом — антитеррористическими акциями возмездия (не всегда по назначению, но чтобы все боялись);
- распространять массовую ксенофобию и создавать образ врага.

14. КУЛЬТУРА И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ: «НЕЗАПАДНАЯ» ПЕРСПЕКТИВА

- Наиболее важное культурологическое объяснение террористического поведения вытекает из понимания *различий в функции убийства внутри каждой культуры*. Например, понятие «кровная месть» существует в одних культурах и не обнаруживается в других.
- Двойной стандарт на убийство также типичен для определенных культур и нетипичен для многих других (убийство *своего* и убийство *чужого* могут быть психологически совершенно разными феноменами).
- Игнорирование места и значения террористического поведения внутри и за пределами своей и чужой культуры (или субкультуры) ведет к неизбежному навязыванию стереотипов доминирующей культуры для объяснения терроризма и полностью блокирует возможность его научного анализа.

15. ПСИХОЛОГИЯ НЕНАВИСТИ КАК ОРУДИЕ ТЕРРОРА И ТЕРРОРИЗМА

В связи с распространением ненависти и развитием средств для манипуляции ею рядом психологов разрабатывается психология ненависти как орудия террора и терроризма. Robert Sternberg (2003) разработал трехкомпонентную модель психологии ненависти. Она включает следующие элементы.

- **Отвращение** или отрицание близости. Его источником могут быть особенности личности субъекта, его собственные действия или пропаганда.
- **Страсть** как мера эмоциональной энергии, связанной с динамикой ненависти, которая может быть описана в терминах эмоций страха, злости и гнева.
- **Обязательство,** состоящее из двух компонентов: когнитивной аберрации по снижению ценности и значимости ненавидимой группы людей: составляющие ее люди рассматриваются как не вполне люди, часто — как «недочеловеки». Второй компонент его — поведенческий, это решение бороться, применить насилие и даже умереть.

Взаимодействие между этими тремя элементами может вести к формированию разных типов ненависти.

16. ТИПОЛОГИЯ НЕНАВИСТИ ПО СТЕРНБЕРГУ

1) Ненависть, проявляемая главным образом в форме отвращения по отношению к ненавидимой группе (например нации). Субект не желает иметь ничего общего с ними, поскольку они, с его точки зрения, имеют мало общего с людьми.
2) «Неистовая» ненависть проявляется в экстремальных эмоциональных проявлениях злости и страха и может вести к насилию или избеганию угрозы, которая исходит (по мнению субъектов ненависти) от враждебной группы.
3) «Холодная» ненависть характеризуется восприятием представителей враждебной группы как низких и подлых.
4) «Кипящая» ненависть сочетает в себе отвращение к враждебной группе и потребность уничтожить исходящую от нее угрозу.

5) Сдерживаемая ненависть характеризуются чувством постоянного отвращения и страха, при этом враждебная группа воспринимается как собрание «сверхчеловеков».
6) «Жгучая» ненависть (burning hate) ассоциируется с переживанием необходимости физически избавиться от ненавистного врага. В данном случае все три элемента ненависти присутствуют, и этот тип ненависти чаще всего становится предметом рассмотрения в исследовниях терроризма.

17. ОБУЧЕНИЕ НЕНАВИСТИ

Пропаганда ненависти имеет, как правило, три цели:

1) отрицание положительной эмоциональной оценки враждебной группы;
2) разжигание страстей: злости и страха (замечательный пример — описанные Джоржем Оруэллом в «1984» «пятиминутки ненависти»);
3) генерирование решений, основанных на ошибочных когнитивных выводах и порочном критическом мышлении (Sternberg, 2003).

Промывание мозгов (brainwashing) является необходимой стратегией формирования террористического поведения. Наряду с другими средствами оно включает в себя создание типичных историй для промывания мозгов каждой культуральной общности. Все истории должны дегуманизировать врага, то есть лишить его обычных человеческих диспозиций. Они (истории) должны сплотить потенциальных террористов и усилить их самоидентификацию. В содержательном плане помимо религиозных различий, наиболее эффективным является общая для членов группы политическая катастрофа, например потеря своей государственной автономии, лидерства в регионе, смерть вождя и т. п.

18. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для того, чтобы остановить террористическое поведение повидимому следует разработать модель поведения, альтернативную террористическому. Это особенно важно, поскольку «террористическое мышление» захватило большие группы людей, и фактические угрозы терроризма могут войти в повседневную жизнь столь

же легко, как криминализация российского общества в 90-е годы привела к введению в обращение криминальных понятий и образцов поведения в повседневную жизнь и язык. Необходимо понять психологическую конфигурацию террористического поведения и его роль в определенных культурах, избегая этноцентрических обобщений. Следует также проанализировать социально-психологические механизмы функционирования организаций, распространенных по всему миру на основе данных истории, антропологии и социальной психологии.

М. М. Решетников[1]

Клинический метод в изучении и разрешении межнациональных конфликтов
(Социально-историческая психиатрия)

Не страшно быть опровергнутым,
странно быть непонятым.
И. Кант

ВВЕДЕНИЕ

В середине 90-х в процессе моей работы в составе миссии Фонда президента США Дж. Картера по урегулированию российско-эстонского конфликта в Нарве мой коллега и друг — известный американский психиатр и психоаналитик профессор Вамик Волкан, огорченный непримиримой позицией сторон, как-то сказал мне, что «все межнациональные конфликты развиваются по сценарию паранойи». Эта фраза каким-то образом «засела» во мне, но все не удавалось ее осмыслить и додумать, впрочем, как и отыскать ее развитие в работах В. Волкана. Тем не менее, исходно эта идея принадлежит ему.

Поскольку статья пишется не только для психопатологов, мне нужно хотя бы кратко и, по возможности, простым языком дать читателю некоторый минимум сведений о паранойе, а уже затем перейти к межнациональным конфликтам. При этом, чтобы избежать излишних эмоций (которые всегда — плохой советчик), я не буду апеллировать к российскому настоящему или прошлому,

[1] Решетников Михаил Михайлович, ректор Восточно-Европейского Института Психоанализа, президент Национальной Федерации Психоанализа, доктор психологических наук, кандидат медицинских наук, профессор. E-mail: veip@yandex.ru.

хотя примеров такого рода в отечественной истории более чем достаточно.

ЧАСТЬ I

Паранойя

Паранойя относится к моносимптоматическим психическим расстройствам, так как единственным ее проявлением является устойчивый и не изменяющийся бред. При этом ложные мысли и идеи пациента имеют обыденное содержание, то есть чаще всего отражают ситуации, встречающиеся в реальной жизни. Пациент считает, что его преследуют, обманывают, изменяют ему, пытаются унизить, подчеркнуть его неполноценность, отравить или заразить чем-либо или даже уничтожить. Встречается бред и «позитивной» окраски: пациент убежден в своей особой значимости или особой миссии, или любви к нему другого человека, как правило, занимающего высокое общественное положение (вплоть до Бога).

Характерная особенность: вне этого «узкосфокусированного» интеллектуального расстройства у пациента обычно нет никаких нарушений поведения, странностей или причудливостей (поэтому в качестве синонима иногда используется такое определение, как «интеллектуальная мономания»). В некоторых случаях бредовые состояния могут сопровождаться расстройствами настроения, однако продолжительность их и выраженность, как правило, не слишком велики и порой их трудно отличить от обычных эмоциональных спадов и подъемов, которые бывают у всех людей.

Никаких органических заболеваний или повреждений мозговой ткани, которые могли бы быть причиной расстройства, у таких пациентов не выявляется, впрочем, как и связи патологических нарушений с приемом алкоголя, наркотиков или других психоактивных вещества.

Генетический фактор расстройства также не установлен. И в настоящее время практически общепризнано, что основные причины бредовых расстройств относятся к психосоциальным, а главными провоцирующими моментами являются: психические травмы, особенно — случаи унижения, физического или психического насилия в прошлом (преимущественно — в детстве), жестокость и отсутствие заботы со стороны родителей, их чрезмерная требовательность к ребенку или ориентация его на непосильные достижения. В результате нормальное чувство базисного доверия[2] не формируется, и такая личность оказывается исходно ориентированной на ощущение враждебности ближайшего окружения или всего мира, но в большинстве случаев выраженной патологии выявляются «особо опасные» лица или «специфические» для данного пациента группы лиц или зоны отношений, в том числе — к тем или иным представителям государственных структур или власти в целом.

Манифестация расстройства обычно приходится на зрелый возраст с пиком в 40 лет, и затем оно имеет склонность к хроническому течению[3]. Фармакотерапия при этом страдании мало изменяет клиническую картину, а психотерапия всегда чрезвычайно затруднена из-за стойкого недоверия пациента ко всем и ко всему. В таких случаях практически не наблюдается добровольного прихода пациента к психиатру или психотерапевту. Чаще всего это происходит (и то — далеко не всегда) по настоянию родных, а отношение к терапевту исходно носит изучающе-враждебный и конфронтационный характер. Госпитализация обычно бывает только принудительной, при проявлении склонности к насилию, в том числе — убийству других (и реже — себя), отказе от пищи (в связи со страхом отравления) и по другим подобным основаниям.

[2] Поясним, что такое «базисное доверие». Еще на самом раннем (довербальном) уровне развития у ребенка бессознательно формируется особое отношение доверия к матери или той фигуре, которая ее заменяет в обеспечении питания младенца, заботы о нем и демонстрации любви к нему. Это самое первое и самое важное чувство, которое дает возможность ребенку чувствовать себя защищенным и находиться в состоянии относительного комфорта, когда мать рядом и нет ощущения голода, или испытывать первичный дискомфорт или «базисную тревогу» (ощущение беззащитности или угрозы существованию, символизируемые у младенца криками или плачем), когда мать удаляется или появляется чувство голода. В последующем, если чувство базисного доверия (благодаря «достаточно хорошей матери») было нормально развито, оно (по мере «расширения среды обитания» младенца) проецируется на дом ребенка, улицу ребенка, школу ребенка, город, а в зрелом возрасте на все отношения, включая отношения к стране, президенту этой страны и т. д.

[3] То есть для «вызревания» патологии требуются десятилетия.

Психологические эквиваленты

Паранойя относится к психиатрической патологии, но ее «стертые» или «смазанные» формы встречаются повсеместно и сопровождаются всеми теми же феноменами и эффектами, что и клинические варианты. Однако в случае психологического подхода мы говорим не о паранойе, а о «застревающей личности», для которой характерны: трудности в смене психологических установок, чрезмерная фиксация на негативных переживаниях и склонность к «накоплению» неотреагированных эмоций в сочетании с трудолюбием, настойчивостью в достижении целей, упрямством, педантичностью, а также злопамятностью и наивностью.

Немного истории

Современная клиника паранойи существенно схематизировалась, и многие исходные полутона этого расстройства почти утрачены. А они представляются достаточно существенными.

Как самостоятельная форма психического расстройства паранойя впервые упоминается в середине XIX века, при этом уже тогда считалось незыблемо установленным, что она всегда возникает вторично, после предшествующих аффективных (то есть сильных психоэмоциональных) переживаний и реакций, нередко повторных или хронического характера.

Уже в 1865 году немецкий врач Л. Снелль определяет это расстройство как «мономанию», а через три года его коллега В. Зандер на основе своих клинических наблюдений делает еще один важный вывод. В частности, что паранойя обычно развивается постепенно, «совершенно так же, как у других людей складывается их нормальный характер», и возникает и проявляется как итог завершения психического развития конкретной личности (постараемся не забыть этот тезис).

В 1876 году К. Вестфаль, в дополнение к хронической паранойе, делает сообщение об острых случаях аналогичного расстройства, ничем (кроме длительности течения) не отличающихся от основной формы. В 1890 году венская психиатрическая школа под руководством Мейнерта уточняет основной симптом и определяет его как (развившуюся в результате мощной психической травмы) «неспособность к правильному истолкованию впечатлений внешнего мира и к оценке собственной личности».

Особый вклад в исследование этого расстройства, впрочем, как и в психиатрию в целом, внес Э. Крепелин, ограничив паранойю только теми формами первичных интеллектуальных расстройств, которые характеризуются стабильной бредовой системой, достаточной эмоциональной живостью и отсутствием интеллектуального снижения у пациентов на протяжении всей жизни. Одновременно Крепелин расширил перечень предрасполагающих факторов, дополнив их одиночеством, житейскими неудачами и разочарованиями. Он пытался найти и генетический фактор, но ни ему, ни его последователям это не удалось.

Характеризуя паранойю, Крепелин пишет, что «путем болезненной переработки жизненных событий незаметно развивается непоколебимая бредовая система, при полном сохранении сознательности»[4]. Среди способствующих факторов этим автором отмечаются также завышенная самооценка, конфликт с требованиями и трудностями жизненной борьбы плюс повышенная эмоциональность. В результате формируется «склонность оценивать и толковать жизненные опыты более или менее произвольным образом, с чисто личной точки зрения, приводить их в связь с собственными желаниями и опасениями»[5]. При этом «религиозные направления мыслей ведут... к убеждению в избранности Богом, соединяющемуся со склонностью публично проповедовать и искать последователей, что довольно часто и удается»[6]. Здесь Крепелин одним из первых сообщает о передаче болезненных расстройств от одной личности к другой, именуя это «индуцированным помешательством», что вообще чаще всего случается при паранойе[7]. При этом сомнения и предположения постепенно превращаются в уверенность и затем в непоколебимое убеждение[8].

---

[4] *Крепелин Э.* Введение в психиатрическую клинику. Пер. с нем. проф. П. Ганнушкина. Москва; Санкт-Петербург: Народный Комиссариат Здравоохранения, 1923. С. 320.

[5] Там же, с. 320.

[6] Там же, с. 322.

[7] Там же с. 171.

[8] Там же, с. 189.

Уже в начале XX века большинство специалистов пришли к заключению, что паранойя представляет собой не болезнь, а, как уже отмечалось, своеобразное развитие личности[9], с чем (после длительной полемики с Гохе) отчасти согласился и сам Крепелин[10]. И хотя этот тезис все еще считается дискуссионным, тем не менее, все большее число специалистов, вслед за Карлом Ясперсом, признают, что «грань между психопатологий аномальных личностей и характерологией стерлась»[11].

В 1918 году Э. Кречмер[12] выделил отдельный тип «параноиков борьбы», когда бред выступает в форме «активного утверждения собственной правды перед лицом окружающего мира»[13], а типичные проявления расстройства в этом случае сочетают в себе идеи унижения, внутренней гордости и бреда величия. Одновременно еще раз было подчеркнуто, что расстройство нередко начинается вследствие какого-то постыдного или унизительного переживания[14].

В последующие годы акцент при изучении паранойи смещается на субъективные переживания пациентов, как источнике образования бреда, так как именно определенные настроения, желания и влечения конкретной личности порождают бредоподобные идеи и фантазии. Кроме того, происходящие во внешнем мире события овладевают сознанием пациентов и порождают неприем-

[9] *Каннабих Ю.* История психиатрии. М.: ЦТР МГП ВОС, 1994. С. 480.

[10] Русским эквивалентом греческого термина «паранойя» является «сумасшествие» или «схождение с ума» (См.: *Каннабих Ю.* История психиатрии, 1994. С. 310). То, что эти идеи достаточно трудно акцептировались в России, безусловно, имеет многочисленные причины, начиная с языковых: если паранойя по-русски — это сумасшествие, то тогда предшествующий абзац должен звучать так: «сумасшествие — это просто своеобразное развитие личности». В принципе, я с этим согласен, впрочем, как и З. Фрейд, К. Ясперс и множество других специалистов.

[11] *Ясперс К.* Общая психопатология. Пер. с нем. Л. Акопяна. М.: Практика, 1997. С. 853.

[12] *Kretschmer E.* Ueber den sensetiven Beziehungswahm (О сенситивном бреде отношения). Berlin: Springer, 1918.

[13] *Ясперс К.* Общая психопатология. Пер. с нем. Л. Акопяна. М.: Практика, 1997. С. 502.

[14] Там же, с. 497.

лемые с нашей точки зрения, и даже не вполне понятные (с точки зрения культуры) чувства[15].

Описание случаев

Описание случаев паранойи составляет один из самых трагических и самых впечатляющих разделов психиатрии, который в настоящее время многократно тиражирован в кинематографе. Но поскольку это все-таки не история психиатрии, здесь уместно обратиться только к некоторым выдержкам из классических случаев, чтобы дополнить клиническую картину некоторыми штрихами, при этом не столько триллероподобными аспектами этой формы страдания, сколько вполне человеческими самоотчетами пациентов.

Случай Рольфинка, который был осужден за мошенничество, но посчитал этот приговор абсолютно незаконным и затем начал свою «непримиримую борьбу». Приведем только записи самонаблюдения этого пациента: «То, что я стал жертвой столь великой несправедливости и при этом не утратил веры в справедливость, поначалу заставило меня поверить в свое особое предназначение... Однажды мне пришла в голову мысль, будто я — народный героймученик; я почувствовал, что мне предстоит подвергнуться пяти пыткам, прежде чем смерть избавит меня от мучений... Но для этого нужно было, чтобы я, его ученик, умер той же смертью, что и Учитель»[16]. Здесь вроде бы и придраться особенно не к чему — такие строки могли принадлежать и писателю, и романтику, и борцу за свободу. Но хотелось бы особенно обратить внимание читателя на идеи жертвенности, мученичества и смерти во имя искупления, как способ приближения к Богу.

Случай Вагнера[17], которым овладела идея порочности его семьи и привела к убийству четверых детей и жены, а затем поджогу нескольких домой в селении, где Вагнер учительствовал. При этом

[15] Там же, с. 723.

[16] Там же, с. 724.

[17] *Блейлер Э.* Руководство по психиатрии. Берлин: Издательство товарищества «Врач», 1920. С. 442–443.

свой план он считал «делом всего человечества», был уверен, что он обязан был поступить именно так. Чрезвычайно демонстративна характеристика, которую серийный убийца дает сам себе: «Вы поймете... что я увлекаюсь человеком сильным духом и телом, что мне импонируют сильные, беззаботные, идущие напролом преступники и звери... Сильными людьми я считаю тех, которые без шума исполняют свой долг. У них нет ни времени, ни надобности становится в позу и стараться быть чем-то большим»[18]. Здесь следовало бы подчеркнуть еще одну характерную особенность — полное отсутствие чувства вины и раскаяния, а нередко — и страха наказания за свои злодеяния. Вторым существенным феноменом является искаженная психическая реальность[19] — Вагнер любил своих детей, и убил их именно исходя из его представлений о любви к ним.

В психоанализе наиболее известным является случай Шребера[20], который был убежден, что «его миссия — искупить мир и вернуть человечеству утраченное блаженство», особенно в связи с предполагаемым им скорым «концом света». Мемуары Шребера (после их публикации в 1903 году) обсуждались многими психиатрами. Однако еще до этого, в 1895 году, Фрейд, на основании исследования пациентов и историй болезни, писал, что «паранойя является защитным неврозом» и что «ее главный механизм — проекция»[21], при этом в качестве главного «провоцирующего» фактора в более поздних работах Фрейда также отмечались «социальные унижения и неудачи»[22]. Напомним, что Шребер, несмотря на его страдание, был кандидатом в Рейхстаг, некоторое время исполнял должность главного судьи апелляционного суда, обсуждалось его назначение на пост президента сената, но помешало помещение в клинику.

Во всех этих случаях есть идеи преследования, несправедливости, социального унижения с последующей трансформацией в поиски правды, мести и возмездия, реализуемые в том числе в виде серийных убийств.

Промежуточный итог

Таким образом, если суммировать основные «препозиции», то есть особенности формирования, развития и течения паранойи, то можно выделить множество предрасполагающих и сопутствующих факторов, но ограничимся хотя бы несколькими, по нашему мнению, важнейшими:

1) в истории паранойяльного развития личности присутствует тяжелая психическая травма, как правило, связанная с унижением, при этом чаще — социально окрашенным, то есть — публичным унижением, унижением, о котором многие знают (а в восприятии самого пациента — знают все);
2) расстройство развивается в течение достаточно длительного периода времени (30—40 лет) и характеризуется появлением и «вызреванием» ложных идей и особенно часто — идей отношения;
3) вне этих идей и отношений никаких нарушений поведения, мышления и в эмоциональной сфере не наблюдается;

[18] Там же, с. 455.

[19] Фрейд придавал особое значение феномену «психической реальности», которая отражает, а нередко — и замещает объективную реальность, но никогда полностью не соответствует последней. Например, я уверен, что моя возлюбленная — самая прекрасная женщина на свете. Это моя психическая реальность, которую может не разделять большинство людей. Но вряд ли кому-либо удастся меня переубедить... Точно так же я могу восхищаться своей культурой, традициями или своим народом. А кто-то другой — своим. И это также — не объективная, а только психическая реальность, обусловленная «здоровым нарциссизмом», который присущ как любой личности, так и любому этносу.

[20] *Фрейд З.* Психоаналитические замечания об одном биографически засвидетельствованном случае паранойи (1911). Пер. С. Панкова. СПб: Библиотека Восточно-Европейского Института Психоанализа. Инв. № 4082. С. 10, 49.

[21] Проекция — механизм психологической защиты, впервые описанный Фрейдом в 1911 году как раз в связи с паранойей. Если говорить весьма упрощенно, его суть состоит в искреннем (но объективно — ложном) приписывании другим тех социально неприемлемых намерений, недостатков или чувств, которые испытывает сам субъект: «Это не я ненавижу Х, а он ненавидит и пытается уничтожить меня».

[22] *Фрейд З.* Психоаналитические замечания об одном биографически засвидетельствованном случае паранойи (1911). Пер. С. Панкова. СПб: Библиотека Восточно-Европейского Институт Психоанализа. Инв. № 4082. С. 39.

4) основные проявления расстройства обычно связаны с ощущением враждебности окружающих или всего мира, однако чаще выявляются «особо опасные лица» или «специфические» для данного пациента группы лиц;
5) для проявления расстройства в острой или хронической форме необходимы сопутствующие условия, в частности — дополнительный негативный аффект или комплекс действующих хронически негативных факторов, провоцирующих «препозицию», среди которых в качестве ведущих выделяются житейские трудности, неудачи и разочарования;
6) после развития расстройства все факты оцениваются и истолковываются исключительно с личной (ошибочной или ложной) точки зрения, в соответствии со сложившейся системой взглядов и опасений, при этом предположения постепенно превращаются в уверенность и затем в непоколебимую убежденность в своей правоте;
7) в ряде случаев расстройство сопровождается склонностью публично проповедовать свои (ошибочные) идеи и искать последователей, что при данном расстройстве довольно часто удается, особенно — при наличии факторов, способствующих психическому заражению окружающей популяции (присутствии в ней оснований для аналогичных чувств), и обычно проявляется в форме активного утверждения собственной правды перед лицом всего мира;
8) при наличии религиозной установки легко развиваются идеи избранности Богом и уверенности в своей мессианской роли, в сочетании с идеями внутренней гордости, бреда величия и даже самопожертвования во имя искупления или отмщения;
9) эта мессианская роль может приобретать самые жестокие формы реализации (включая серийные и массовые убийства ни в чем не повинных людей) при полном отсутствии чувства вины;
10) защитные реакции реализуются в форме проекции, при этом все негативное и отвратительное проецируется исключительно на реального или мнимого врага, даже если объективно он вообще не обладает всеми этими качествами или даже вообще отсутствует как таковой (то есть представлен только в психической реальности пациента). Благодаря механизму проекции представление «я его ненавижу» трансформируется в «он меня ненавидит», и агрессия получает «веское» психологическое обоснование.

ЧАСТЬ II

Социальная патология

В работе «Массовая психология и анализ человеческого “Я” Фрейд высказывает революционную, по сути, идею о необоснованности противопоставления индивидуальных и массовых психических феноменов и подчеркивает, что в этом противопоставлении «... многое из своей остроты при ближайшем рассмотрении теряет»[23], в силу чего психология отдельной личности «...с самого начала является одновременно также и психологией социальной...»[24]. Одновременно Фрейд дополняет этот вывод тезисом о необходимости учета культурно-исторических аспектов, так как массовая психология должна рассматривать каждого отдельного человека не как самостоятельного субъекта, а «...как члена племени, народа, касты, сословия, институции...»[25] и особо подчеркивает, что «в отличие от отдельного индивида масса (народ, племя) всегда более импульсивна, изменчива и возбудима... Импульсы, которым повинуется масса, могут быть, смотря по обстоятельствам, благородными или жестокими, героическими или трусливыми, но во всех случаях они столь повелительны, что не дают проявляться не только личному интересу, но даже инстинкту самосохранения... Она [масса] чувствует себя всемогущей, у индивида в массе исчезает понятие невозможного»[26].

В интересах наших дальнейших рассуждений позволим себе привести еще одну объемную цитату из той же работы: «Чувства массы всегда просты и весьма гиперболичны. Масса, таким обра-

---

[23] *Фрейд З.* Массовая психология и анализ человеческого «Я» // Зигмунд Фрейд «Я» и «Оно» — Труды разных лет. Тбилиси: Мерани, 1991. Т. 1. С. 71.

[24] Там же, с. 71.

[25] Там же, с. 72.

[26] Там же, с. 78.

зом, не знает ни сомнений, ни неуверенности! Масса немедленно доходит до крайности, высказанное подозрение сразу же превращается у нее в непоколебимую уверенность, зерно апатии — в дикую ненависть... Тот, кто хочет на нее влиять, не нуждается в логической проверке своей аргументации, ему подобает живописать ярчайшими красками, преувеличивать и всегда повторять то же самое»[27].

Содержание гипотезы

Мне нечего здесь дополнить, а все предлагаемое мной новое — заключается только в попытке распространить эту идею не только на психологию масс, но и на патологию масс, и с учетом предыдущего раздела, сформулировать представление, что при наличии в истории народа тяжелой психической травмы, связанной с массовым (национальным) унижением, через какой-то достаточно длительный период (десятилетия и даже столетия) могут «вызреть» те или иные ложные идеи (или идеи отношения), которые, при наличии сопутствующих условий (дополнительных негативных экономических, социальных или политических факторов), затем превращаются в непоколебимую убежденность конкретного народа или этнической группы в своей правоте, избранности Богом, а также — в особой мессианской роли в сочетании с идеями гордости, величия и самопожертвования во имя искупления или отмщения, при этом такая «мессианская роль» может приобретать самые жестокие формы реализации[28].

Я понимаю, что это достаточно уязвимое предположение, и уверен в том, что оно будет подвергнуто критике, тем более что в нем легко угадывается конкретная феноменология. Но я все-таки пойду дальше и возьму на себя смелость распространить это предположение на все некогда гонимые, колониальные или полуколо-

[27] Там же, с. 79.

[28] Те или иные массовые травмы имеются в истории почти всех народов, хотя нельзя не признать, что некоторым «повезло меньше». Отношение к этим травмам также сильно варьирует, и всегда определяется позицией государственной элиты, которая может последовательно минимизировать их роль в национальном сознании, так и использовать как инструмент влияния в своих узкокорыстных (экономических или политических) целях.

ниальные народы, которым затем была дарована свобода, возможность вернуться на свою историческую родину и очень скоро ощутить себя на обочине истории и цивилизации[29]. Я не вижу оснований отказаться от этой гипотезы, у которой имеется масса исторических подтверждений, начиная с библейских времен и до наших дней. А кроме того, я вовсе не собираюсь ограничиться этой констатацией, которая «со стороны» может показаться набором притянутых друг к другу «за уши» фактов и феноменов.

Понимающая психология

В этом разделе я еще раз обращусь к идеям, сформулированным в предшествующем разделе.

Никто уже не оспаривает, что основы личности, ее отношений и установок закладываются в раннем детстве, где особую роль играют мифы, предания, традиции и культура, на основе которых формируются психологические идентификации. И эти идентификации всегда имеют национально-историческую окраску и специфику.

Основы понимающей психологии, как мне представляется, наиболее фундаментально были сформулированы Фрейдом и Ясперсом. Фрейд, в частности отмечал, что «идентификация представляет собой самую первоначальную форму эмоциональной связи»[30] с отцом, матерью, родом, племенем, народом. Или, как писал об этом Карл Ясперс: «Каждый человек есть то, что он есть, только потому, что в свое время был заложен совершенно определенный исторический (то есть не просто общечеловеческий) фундамент»[31]. И далее Ясперс утверждает, что «реальная психическая жизнь [любого члена социума] немыслима вне традиций, передаваемых ему через ту человеческую общность, среди которой он живет», так как

[29] Более подробно об этом см.: *Решетников М. М.* Глобализация — самый общий взгляд; Исламское противостояние и проблема терроризма. (С. 292–332 настоящего издания.)

[30] *Фрейд З.* Массовая психология и анализ человеческого «Я» // *Фрейд З.* «Я» и «Оно» — Труды разных лет. Тбилиси: Мерани, 1991. Т. 1. С. 105.

[31] *Ясперс К.* Общая психопатология. Пер. с нем. Л. Акопяна. М.: Практика, 1997. С. 851.

именно «в контексте традиции любая вещь или явление... обретает свой язык», при этом унаследованные через традиции признаки могут длительное время не проявляться, но затем, даже через несколько поколений, при воздействии способствующих условий они могут обнаружить себя во всей полноте. «В сфере наследственных связей ничто не забывается»[32].

Я еще раз повторю, что по мере возможности буду стараться не апеллировать здесь к конкретным примерам национального унижения, преследования или массового уничтожения представителей того или иного этноса или народа. Они хорошо известны.

Для каждого из этих народов это была, безусловно, мощная психическая травма, не оставившая интактным ни одного из представителей этноса. Здесь для меня наступает очень сложный момент, так как мне придется не раз обращаться к некоторым базисным понятиям психоанализа, подробное изложение которых потребовало бы десятков страниц. Поэтому, кое-что я прошу уважаемого читателя принять на веру. Наша психика устроена так, что наиболее тяжелые, мучительные или непереносимые воспоминания вытесняются из сознания. Но когда мы говорим «вытесняются», это значит, что не произошло их естественного забывания, то есть во всех подобных случаях речь идет о том, что «и помнить невозможно, и забыть нельзя». И говорить об этом нельзя. И даже думать нельзя. Эти мучительные воспоминания актуально как бы (даже не «как бы», а реально) отсутствуют в сознании, но тем не менее определяют значительную часть поведенческих реакций и мотивов сознательной деятельности[33], а применительно к большим массам людей — мифологию, литературу, искусство, политику, отношение к самим себе, своим лидерам, а также историческим обидчикам.

Фрейд особенно отмечает, что при исследовании любых феноменов в жизни народов «приходится считаться с подобным мотивом, стремящимся вытравить воспоминания обо всем, что тягостно для национального чувства»[34]. Увы, чаще всего «вытравить» не удается, так как это не имеет никакого отношения к логике, а существует и действует исключительно в сфере иррационального[35].

[32] Там же, с. 851.

[33] *Фрейд З.* Психопатология обыденной жизни // *Фрейд З.* Психология бессознательного: Сб. произведений под ред. М. Г. Ярошевского. М.: Просвещение, 1990. С. 255, 309.

[34] Там же, с. 255.

Передача следующему поколению

Здесь мы обратимся к работам уже упомянутого вначале Вамика Волкана, в частности к его недавней статье «Травматизированные общества»[36].

Волкан обращает внимание на то, что при исследованиях национальных аффектов и массовых психических травм (нанесенных враждебной группой) особое значение приобретают механизмы передачи следующему поколению. Например, уже в классических работах Анны Фрейд и Дороти Берлингем[37] отмечалось, что если во время вражеских бомбардировок матери не проявляют беспокойства, то и их дети не реагируют на это тревогой и страхом. Этот феномен получил наименование «текучести психических границ» между матерью и ребенком. После Второй мировой войны, в процессе коррекции психического статуса узников концлагерей, в том числе детей, было проведено множество исследований по изучению феномена «передачи следующему поколению». В част-

[35] Я все-таки приведу один пример, который уже ни для кого не является травматичным. Это Германия после Первой мировой войны. Поражение было воспринято как ужасная национальная трагедия и национальное унижение. И именно эти настроения явились тем «питательным бульоном», на котором вырос вирус фашизма, поразивший практически всю нацию. Фашизм требовал реванша и призывал к «очищению от позора поражения», что находило живой отклик массовых национальных чувств. А еще совсем недавно сильное коммунистическое движение было обречено, так как провозглашало идеи пролетарского интернационализма и братства немецкого и французского рабочего — вчерашнего врага, насильника и победителя. И, в совокупности с другими, именно этот психологически фактор позволил Гитлеру (участнику и ветерану прошедшей войны) совершенно легально прийти к власти... Безусловно, что апелляция к национальным чувствам остается мощнейшим фактором и в современной политике.

[36] *Volkan V.* Traumatized societies / In: Violence or Dialogue? Psychoanalytic Insight on Terror and Terrorism. London, International Psychoanalytic Association. P. 217–237.

[37] *Freud A., Burlingham D.* War and Children. New York: International University Press, 1943.

ности, было установлено, что от родителей детям передается нечто большее, чем просто тревожность или другие аффекты депрессивного или маниакального характера. Дети выживших (после национальных трагедий) гораздо глубже идентифицируются с родителями, и проявляют признаки и симптомы, относящиеся к прошлым психическим содержаниям их родителей, и в целом — к прошлому (свидетелями которого они не были и быть не могли). Эта концепция «идентификации» хорошо известна как в психоанализе, так и за его пределами.

Главное в этой концепции состоит в том, что подвергшиеся тяжелой психической травме взрослые могут «вложить» травматизированный образ себя в формирующуюся идентичность своих детей[38]. В результате дети становятся носителями ущербного родительского образа («модифицированной» и даже «извращенной» Самости), хотя этот образ может существенно варьировать в зависимости от сопутствующих экономических, социальных и прочих условий.

Поскольку после массовой травмы (как правило, вызванной не отдельным индивидом, а большой враждебной группой) одновременно сотни, тысячи или даже миллионы индивидов вкладывают свои травматизированные образы в детей, то в итоге возникает кумулятивный эффект, который определяет психическое содержание идентичности большой группы. При этом все эти «вложенные образы» ассоциативно связаны с одним и тем же травматическим событием. А в связи с кумулятивным эффектом у каждого ребенка второго (после массовой травмы) поколения имеются общие связи с ментальным представлением травмы и аналогичные бессознательные задачи, связанные с необходимостью справляться с этим представлением. Сама же «общая задача» заключается в том, чтобы сохранить «память» о травме родителей, оплакать их утраты, отреагировать их унижение или (если первое не удается) отомстить за них. Это отреагирование может приобретать самые различные формы и реализоваться, например, в форме особых социальных и экономических достижений (Израиль), в виде оплакивания погибших в сочетании с признанием своей национальной вины (как это было после Второй мировой войны у немцев) или — опять же — в виде оплакивания, но уже в сочетании с массовым художественным творчеством, возвеличивающим подвиг народа и демонизирующим и одновременно «дезавуирующим» образ врага (как это было в Советском Союзе после Великой Отечественной войны). Но именно в результате такого оплакивания и символического отреагирования в конечном итоге становится возможным примирение и совместное возложение венков к памятникам погибших, например, российских и немецких солдат (которое впервые состоялось лишь через сорок лет после трагического противостояния народов).

[38] Понятие «вложенных образов» достаточно многогранно. И здесь его необходимо немного пояснить и расширить. Общие темы унижения, оскорбления и обиды могут как бы отсутствовать в общественном сознании, но именно «как бы», так как они всплывают каждый раз, как только речь заходит об обидчике, но всплывают в «вытесненных», «модифицированных» формах. Например, когда унижение или пытки происходили в прошлом или, во всяком случае, не на глазах у детей, в традиционных патриархальных культурах отцы стараются «дистанцироваться» от воспоминаний о них, даже отрицать их, чтобы скрыть позор и избежать повторных переживаний унижения и стыда. Однако в отношении обидчика во всех случаях, когда для этого появляется малейшая возможность, проявляется общая тенденция: он характеризуется как плохой, ненадежный, гадкий, мерзкий, отвратительный, преступный и т. д. И в результате, несмотря на умолчание отцов, дети всегда тем или иным образом узнают о том, что произошло со старшим поколением.

Необходимо признать, что если следующее (за массовой травмой) поколение не может выполнить эту общую задачу (оплакивания, отреагирования и, таким образом, разрешения от бремени стыда и вины за произошедшее), она, как правило, переходит к третьему поколению и т. д. Кроме того, такая «передача следующим поколениям» создает мощную бессознательную связь между всеми членами большой группы (нации или этноса).

В зависимости от внешних обстоятельств (экономических, социальных или политических) эта общая задача может также трансформироваться от поколения к поколению. Например, в одном поколении она может заключаться в оплакивании травмы предков, чувстве стыда и осознании принесенной жертвы. В следующем поколении общая задача может выразиться в потребности мести за утраты и жертвы (хотя это и не единственные безальтернативные варианты).

Однако какие бы формы ни приобретало проявление памяти о травме в последующих поколениях, основной (бессознательной)

задачей остается сохранение ментального представления о трагедии предков, которое постоянно (на протяжении десятилетий и столетий) укрепляет особую идентичность той или иной (ранее подвергшейся массовой или исторической травматизации) большой группы. Вамик Волкан[39] назвал такие ментальные представления «избранной травмой» большой группы[40].

И в ситуациях, когда такой (травмированной) большой группе угрожает новый этнический, национальный, экономический, политический или религиозный кризис, ее лидеры (интуитивно или осознанно) обращаются именно к этой «избранной травме», обладающей особым потенциалом для достижения эмоциональной (национальной) консолидации большой группы (всегда гораздо более мощной, чем любая идеологическая).

Пример из «практики»

В качестве «отдаленного» примера можно привести события в Югославии перед первым постсоветским «конфликтом» между сербами и боснийскими мусульманами. Оказавшись в определенном смысле брошенными братьями-славянами в результате крушения социалистического лагеря, сербское массовое создание явилось наиболее демонстративным примером функционирования такой «избранной травмы». В 1998 году С. Милошевич и его окружение начинают активно пропагандировать и эксплуатировать негативную «память» об исторической битве в Косово между сербами и мусульманами. В результате огромная группа людей (мусульман), с которыми сербы относительно мирно жили, в том числе — как единый народ Югославии, на протяжении всех последних десятилетий, стали «виновниками» всех бед и «легитимной» мишенью ненависти сербов. Напомним, что битва в Косове состоялась 28 июня 1389 года (!). Через 600 с лишним лет после этой

[39] *Volkan V.* On "Chosen Trauma" // Jorn. "Mind and Human Interaction", 1991. # 3. P. 13.

[40] Например, для еврейского народа, подвергавшегося многовековым преследованиям, такой избранной травмой стал в XX веке Холокост, а связи Израиля с другими народами, странами и государствами во многом определяются отношением последних к этой избранной национальной травме всех евреев.

битвы, при поддержке официальных властей были эксгумированы останки легендарного сербского князя Лазаря, захваченного в плен и убитого при Косове. В течение года перед началом (тогда еще) «сербско-боснийской» резни (в отличие от нынешней — 2004 года — «албанско-сербской») гроб перевозили из одной сербской деревни в другую, и в каждой происходило нечто вроде церемонии погребения. Этот, казалось бы, безобидный «ритуал» вызвал «сдвиг во времени»: национальные чувства сербов начали действовать таким образом, как если бы Лазарь был убит вчера, а не 600 лет тому назад. Произошло то, что в психоанализе обычно определяется как «сгущение» чувств и времени в сочетании с регрессом к более ранним (в данном случае — исторически более ранним) видам отреагирования. Тревожность, вызванная текущими событиями, особенно в связи с экономической и политической нестабильностью, которая последовала за падением социалистического лагеря, перемешалась с памятью о прошлом и неотреагированной местью. В итоге боснийские мусульмане, а затем и албанцы (также мусульмане) стали восприниматься как виновники всех исторических бед сербов, что «легитимизировало» любые формы мести: сербы начали убивать, грабить, насиловать — практически с реальной средневековой жестокостью. В 2004 году тревожные взгляды снова обратились к Косово, где теперь реализовался обратный процесс[41]. Я не буду приводить других примеров или проводить параллели. Они также достаточно очевидны.

[41] Здесь уместно еще раз обратиться к проблеме идентификации. Дети, которым довелось быть свидетелями национального унижения родителей, в ряде случаев неосознанно начинают идентифицироваться с историческим «обидчиком» (например, по наблюдениям В. Волкана, кувейтские дети после иракской агрессии в процессе их игр нередко предпочитали идентифицироваться с Саддамом Хусейном). В психоанализе это получило наименование защитной «идентификации с агрессором», бессознательный смысл которой можно было бы сформулировать следующим образом: «Если я буду как обидчик (или — если я сам стану обидчиком), то меня не смогут обидеть!». Следующий шаг в такой патологической идентификации по «сценарию мужественности» обычно происходит уже в подростковом и юношеском возрасте: «Я должен вести себя как агрессор!». И в результате (при массовой травме) это может приводить к формированию банд подростков, демонстрирующих патологическую агрессивность, а также — к появлению новых видов преступления, которых в данной популяции практически не существовало ранее.

О трансляции криминального опыта

Завершая этот раздел, еще раз повторю, что фактически ни разу не упомянув терроризм, но говоря именно о нем, я ни в коей мере не пытаюсь прямо или косвенно (объяснительно) оправдать его. Более того, я последовательно придерживаюсь принципа, что любой участник теракта должен быть вне закона. Мои цели принципиально иные — понять глубинные истоки насилия и найти пути, которые позволили бы лишить терроризм той социальной базы, где он последовательно черпает силы и сторонников. Моя цель — чтобы те мальчики и девочки, которые родились только сегодня или вчера или родятся завтра, к какой бы национальности или этносу они ни принадлежали, нашими общими усилиями могли быть ограждены от «трансляции» криминального и полукриминального опыта предшествующих поколений и не пополняли ряды террористов. Я уверен, что эта задача решаема, но никак не в результате «молниеносных» операций устрашения, за которыми скрывается та же «паранойя».

ЧАСТЬ III

Как бы действовал в такой ситуации психотерапевт?

Вначале я хотел бы снова обратиться к клинической ситуации — работе с пациентом, страдающим паранойей. При терапии такого пациента или даже просто «застревающей личности» в психотерапии всегда исходят из нескольких строгих правил.

Терапевт никогда не спорит и вообще не конфронтирует с пациентом, а также не разубеждает его в ошибочности или ложности его идей. Поскольку эти идеи составляют «ядро» его психической реальности, любые попытки «объяснить» пациенту, что для его опасений или ненависти нет никаких причин, обречены на неудачу и утрату контакта. Пациент в этом случае столкнется только с еще одним случаем привычного для него непонимания. И в результате ложные идеи могут еще сильнее укорениться, так как пациент почувствует, что ему снова необходимо защищать или скрывать свои убеждения (что он, по сути, и делал весь предшествующий [дотерапевтический] период).

Одновременно с этим перед терапевтом стоит предельно трудная задача — ни в коем случае не притворяться, что ложные идеи

пациента соответствуют действительности, так как главная (но очень отдаленная) задача терапии — восстановить более адекватное восприятие реальности. Поэтому идеи пациента принимаются достаточно нейтрально — как то, что действительно «может быть», как нечто реально «возможное», так как только в этом случае можно попытаться найти истоки бредовых идей и установить их взаимосвязь с индивидуальной историей развития, событиями жизни, отношениями, чувством вины, мотивациями и самооценкой пациента.

В процессе регулярных встреч целесообразно проявлять понимание и сочувствие, но лишь в отношении того, как трудно жить с такими идеями и таким нежеланием понять со стороны окружающих. И здесь нет никакой манипуляции. Ему действительно очень непросто жить с этим. И это нужно понять, принять и выражать сочувствие абсолютно искренне. Любая неискренность тут же будет обнаружена и обращена против терапевта и терапии. Главная задача терапевта — создание безопасной обстановки, где эти мрачные, грязные или даже человеконенавистнические идеи могут выражаться совершенно свободно. Увы, мы не знаем другого способа освобождения от однажды «вошедших» в сознание идей, иначе как через вербализацию или через их «выход» вместе с речью в сопровождении соответствующих им чувств. В свое время, распространив закон сохранения энергии на психику, Фрейд сделал важнейшее (затем многократно подтвержденное экспериментально) открытие: ни одно психическое содержание, попадая однажды в сознание, никогда не исчезает, а может лишь трансформироваться, в том числе — трансформироваться патологически.

Здесь мы должны вспомнить еще одно важное открытие Фрейда: сама бредовая система может быть «компромиссным» образованием, предназначенным для преодоления неизбывного чувства стыда, унижения или неполноценности. И в силу последних, иногда актуально вообще неосознаваемых пациентом чувств он всегда болезненно чувствителен к любым проявлениям пренебрежения, недоверия, неискренности или снисходительности.

Особую значимость в работе с такими пациентами приобретает четкость выдерживания сеттинга (частоты и продолжительности встреч) терапевтом, а также надежность, деликатность и пунктуальность последнего во всех взаимоотношениях.

В подобных случаях от терапевта требуется огромное терпение и выдержка, так как медленное продвижение к тем глубинным и запретным переживаниям, которые спровоцировали страдание, может растянуться на годы. И лишь когда они будут самостоятельно осмыслены, приняты и поняты пациентом (когда бессознательные мотивы станут сознательными), лишь тогда у нас появится надежда на восстановление адекватного отношения к реальности. Многих пугает слово «годы». Но это все-таки — не вся жизнь, как это обычно бывает в подобных случаях (вне терапии).

Медикаментозная терапия здесь также возможна, но лишь с согласия пациента (на фоне уже установившихся доверительных отношений с терапевтом) и лишь как вспомогательное средство, так как она ничего не решает и имеет исключительно симптоматическую направленность: уменьшить общую тревожность, снизить раздражительность или агрессивность, нормализовать сон и т. д.

Это, конечно, очень схематично, примитивно, но мы не располагаем здесь достаточными возможностями для развернутого изложения терапевтической стратегии и тактики.

Надо отметить, что нередко такая терапевтическая помощь появляется слишком поздно — в тюремной клинике. И оказывается тюремным психологом или психиатром. А следовательно, фактически не оказывается, так как вышеупомянутые специалисты исходно рассматриваются пациентом как часть «карающей» (тюремной) системы. И даже когда пациент якобы идет «на контакт», его искренность и демонстрируемое доверие очень сомнительны. Система наказания — это всегда образ Мстителя, а ему нужен Спаситель. Попытки объединить Спасителя и Мстителя в одном лице всегда обречены на провал.

Терапевтические интервенции при массовой психической травме

Было бы ошибкой считать, что аналогичные подходы и техники могут использоваться при социальной терапии больших масс людей, подвергшихся психической травме. Они, безусловно, другие, но принципы и стратегии остаются теми же.

Точно так же, как и при острой фазе клинического расстройства, терапевтические мероприятия при массовой психической

травме откладываются до тех пор, пока не будет достигнута определенная степень безопасности: как для враждующих сторон, так и для специалистов по психическому здоровью. И не просто специалистов (как это происходит сейчас), а подготовленных именно для работы в условиях массовой психической травмы. В целом, следует признать, что все руководства по посттравматическим стрессовым расстройствам здесь мало что дают. Они готовились специалистами по работе с отдельными пострадавшими, а при переходе от понятия «личность» к понятию «масса» многие подходы и техники требуют существенного пересмотра и модификации.

Но, как и в случаях индивидуальной психической травмы, когда основное внимание вначале сосредоточивается на индивидуальной истории личности и «препозициях», сформировавшихся в весьма отдаленные периоды развития, точно так же при массовой психической травме все специалисты, привлекаемые к социальной терапии, должны быть глубоко осведомлены в вопросах тысячелетней истории народа (или этноса), его обычаях и традициях, мифологии, художественном и научном (особенно историческом) творчестве, знать его символический язык[42], а также объективно ориентироваться в социально-политических процессах предшествующих или сопутствующих актуализации последней психической травмы[43].

---

[42] В качестве примера можно напомнить, как незнание символического языка арабов поставило в весьма двусмысленное положение английского премьера Тони Блэра в процессе переговоров с Муамором Каддафи 27 марта 2004 года. Для тех, кто не знаком с этой ситуацией, напомним, что в процессе переговоров ливийский лидер сел вполоборота к своему гостю и положил ногу на ногу так, чтобы подошва его ботинка «смотрела» в лицо английскому премьеру. Блэр, по внешним признакам, чувствовал себя явно неуютно, но вряд ли понимал, что на символическом языке арабов демонстрация подошвы означает предельный уровень презрения. И этот последний смысл был тут же «прочтен» более искушенными свидетелями переговоров.

[43] Более демонстративно это представлено, например, самим появлением понятия «конченные страны», то есть — не способные даже к простому воспроизводству высоких технологий и национальной научной элиты. *Решетников М. М.* Глобализация — самый общий взгляд; Исламское противостояние и проблема терроризма. (С. 292–332 настоящего издания.)

Трудность заключается в том, что на первом этапе это всегда должны быть внешние специалисты, которые, естественно, исходно ничего вышеупомянутого не знают — они не жили среди этих людей и они не обладают какой-либо информацией, не знают, как распознать и как реагировать на те изменения и те социальные процессы, которые являются результатом травмы.

Мы впервые столкнулись с этим в Эстонии. И в соответствии с методикой, разработанной американскими коллегами из Фонда президента Джимми Картера, мы вначале работали отдельно с эстонцами и русскими. Но когда через некоторое время мы попытались объединить «умеренных» из обеих «враждебных» групп, эти умеренные тут же трансформировались в «непримиримых». Месяцы работы здесь явно недостаточны. И я не соглашусь с Вамиком Волканом[44], когда он пишет об аналогичном опыте работы в Южной Осетии, что это реальный путь к успеху. Это, по моим представлениям, лишь один из путей, так как ни у нас, в России, и нигде в мире нет такого количества специалистов, чтобы можно было вести психолого-политические диалоги в группах по 25–30 человек. Такие группы могут быть только «экспериментальными площадками» или «пилотными проектами», где отрабатываются основные направления социальной терапии, которые затем должны реализоваться только в форме активной государственной политики и терапевтически сбалансированного (я бы даже не побоялся дополнительного определения — массированного) информационного воздействия на население обеих враждующих сторон.

Тем не менее я снова вернусь к этому тезису: первично необходимо сформировать базисные группы из представителей обеих враждующих сторон (отдельно), при этом таких базисных групп должно быть несколько, различающихся по социальному статусу и возрасту (начиная от детей и кончая старшей возрастной группой).

По мере развития групп, исследования откликов на травмы у обеих враждующих сторон и обсуждения актуальной ситуации, а также формирования относительно адекватного тестирования реальности базисные группы затем (через достаточно протяженный период времени) объединяются (с учетом того же принципа — социальной и возрастной идентичности).

[44] Volkan V. Traumatized societies. / In: Violence or Dialogue? Psychoanalytic Insight on Terror and Terrorism. — London, International Psychoanalytic Association. – pp. 217–237.

В этих объединенных группах начинается работа, основанная на концепции «психополитического диалога», разработанного нашими американскими коллегами[45] в процессе работы с парламентариями, политическими лидерами и другими группами влиятельных граждан травмированных (национальных или этнических) сообществ[46]. Основные направления работы включают: исследование этнических чувств (включая собственные чувства исследователей), изучение традиций и символических ритуалов оплакивания и отреагирования травмы (включая ее отмщение) с последующим переходом к дифференциации фантазийных ожиданий и восприятий врага от реалистических оценок и перспектив мирного сосуществования. Одной из существенных задач этого диалога является также дедемонизация врага[47].

Апеллируя к своему опыту работы в Южной Осетии, в одной из последних публикаций Вамик Волкан отмечает, что через пять лет еще рано говорить о достижении серьезного результата. И это

[45] a) Apprey M. Heuristic steps for negotiating ethno-national conflicts: Vignettes from Estonia. — New Literary History: Journal of Theory and Interpretation, 1996, #27: 199–212.b) Volkan V. Bloodlines: From Ethnic Pride to Ethnic Terrorism. — New York: Farrar, Straus and Giroux, 1997. c) Volkan V. Das Versagen der Diplomatie: Zur Psychoanalyse nationaler, etnischer und religioser Konflikte. — Giessen: Psycho-sozial Verlag, 1999.

[46] Эта методика также достаточно хорошо известна в групповом психоанализе и все шире применяется в современной аналитической конфликтологии.

[47] Эта де-демонизация нередко реализуется в «автономном режиме», как защитный механизм, который нужно лишь «канализовать». В частности, во всех случаях подобных «случаях» мы неизбежно встречаемся с одним и тем же феноменом: пострадавшая большая группа (нация или этнос) по прошествии некоторого времени бессознательно старается «минимизировать преступного другого» (например, после терракта 11 сентября 2001 года врагами США вначале были все «арабские террористы», затем «исламские фундаменталисты», через некоторое время — просто «террористы», позднее — только «Аль-Каида», и в какой-то период времени врагами стали исключительно Саддам Хусейн и и Бен Ладен. Эта невротическая трансформация связана с хорошо известным в психоанализе феноменом «вторичной выгоды». Не вдаваясь с протяженное обоснование, отметим лишь, что в целом задача бессознательного «отыгрывания» в данном случае состоит в «минимизации» количества «плохих парней», при этом таким образом, чтобы они были соизмеримы жертве большой группы и достижимы для наказания (то есть, речь идет о «репарации» причиненного ущерба, которая может реализоваться как чисто психологически, так и физически — вплоть до войн).

удивительно, что он вообще говорит об этом «через пять лет», так как речь должна идти о периоде не менее 15—25 лет, когда произойдет смена поколений. Я не знаю, мыслит ли кто-либо в социальной политике такими категориями, как 15—25 лет, но это не вся жизнь для участников трагедии, а тем более не вся история народов, трагические конфликты которых нередко длятся с добиблейских времен. Изложенное выше, конечно же, очень схематично. Но для начала достаточно этих принципов.

К сожалению, большинство (и не только тех, кто занимается социальной политикой) более озадачены «симптомами» или «борьбой с симптомами» и не склонны задумываться о самом «заболевании», которое постепенно разъедает ткань многих государств. И даже уже почти общепризнанные представления о том, что при появлении этнической, национальной или религиозной враждебности происходит модификация всего общества (или даже — всего мирового сообщества), никак не сказались на традиционных подходах к проблеме. В итоге прагматическое понимание сути и связи современных проблем с их историческими причинами все более утрачивается, и мы оказываемся в мире, который становится все более пугающим и непонятным. Тем не менее для меня совершенно очевидно, что попытки решить проблему исключительно силовыми методами никуда не ведут и лишь загоняют ее «внутрь» или пролонгируют ее латентный период на столетия, так как в этом случае мы боремся только со следствиями, а причины вражды и ненависти, так же как и системы массового рекрутирования террористов из травматизированных сообществ, остаются действующими.

Я хотел бы также особенно отметить, что традиционно воспринимаемый в обществе как уничижительный или обидный термин «паранойя» относится не только к какой-то одной из враждующих сторон, которая поставляет террористов. В равной мере он применим и к тем обществам (этносам или государствам), которые действуют, по сути, в рамках тех же «парадигм» и теми же методами в процессе их «операций возмездия».

О нашей обреченности

Здесь многое осталось недописанным и недодуманным. Попытка более или менее убедительно связать множество разрозненных знаний, понятий и подходов потребовала почти года работы. Но и сейчас я остаюсь в полной неуверенности, что мне удалось прояснить эти идеи и — что буду понят. Я еще могу отчасти претендовать на понимание коллег—психопатологов, но боюсь, что был недостаточно убедительным для тех, кто осуществляет те или иные социальные проекты, планирует и ведет переговорные процессы. Я уверен только в одном, что в нашем далеко не простом мире мы обречены не на эскалацию конфронтации, а на диалог и понимание.

30. 03. 04.

А. И. Юрьев

Политическая психология терроризма

ВВЕДЕНИЕ

Проблему борьбы с терроризмом решают силовые структуры своими методами, своими инструментами и так, как они его понимают. Несомненно, силовые структуры знают о терроризме много больше, чем все научное сообщество. Поскольку терроризм определен законом как: «совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения имущественного ущерба или наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях» (ст. 205 УК РФ), то именно силовые структуры имеют право вести против него вооруженную борьбу. *Этим определением все остальные институты общества отстранены от проблемы антитеррора.*

Научная конференция может только анализировать терроризм как общественное явление, не изученное с такой же скрупулезностью, как парламентаризм или избирательная система, но при этом оказывающее исключительно сильное влияние на мировой политический процесс. Все научные расчеты, планы глобальных изменений в нынешней мировой экономике и политике, могут сильно измениться, если терроризм будет столь же эффективен, как сто лет назад в России. Тогда силовые структуры проиграли войну с терроризмом: охраняемого ими политического режима не стало. И не только в России.

Проблема терроризма тем не менее является всеобщей, потому что он делает своей жертвой любого и каждого человека даже безо всякой его связи с врагами террористов. Тем более что сегодня на каждую копейку терроризма тратятся миллионы долларов антитеррористов без видимых успехов. Поэтому обществу не мешает подумать о тех механизмах терроризма, которые не входят в компетенцию силовых структур, но знание которых может оказаться полезнее, чем дорогостоящие силовые операции.

[1] Юрьев Александр Иванович — заведующий кафедрой Политической психологии Санкт-Петербургского Государственного Университета., доктор психологических наук, профессор. E-mail: yuriev@robotek. ru

1. ТЕРРОРИЗМ — РАЗНОВИДНОСТЬ ВОЙНЫ?

Терроризм представлялся малоопасной кустарщиной до событий 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке — чем-то вроде вооруженных хулиганов или действий «реакционных государственных режимов» и криминальных группировок, применяющих устрашение, запугивание, нагнетание страха и ужаса на оппонентов путем насилия и репрессий. Только когда стало ясно, что глобализация открыла техносферу как инструмент вооруженного нападения, сравнимого по своей разрушительной мощности со специально созданным оружием, и само оружие массового поражения оказалось доступным для террористов, стало ясно, что терроризм — это разновидность войны.

Во-первых, считается, что «война — это социальное явление, представляющее одну из форм разрешения общественно-политических, экономических, идеологических, а также национальных, религиозных, территориальных и др. противоречий между государствами, народами, нациями, классами и социальными группами, средствами вооруженного насилия» (Политология. Энциклопедический словарь. Под ред. Аверьянова Ю. И., М. 1993.). Если верить этому определению, то терроризм подпадает под определение войны.

Во-вторых, война ограничена условиями, которые именуются как «право войны» (правовые ограничения, которые междуна-

родное право налагает на воюющих в деле применения средств подавления неприятеля), «международное военное право», «обычаи войны», «законы войны» (ограничения, установленные международным правом, в пределах которых возможно применение силы для поражения противника). В современной цивилизации для признания войны войной применяются т. н. «право Гааги» (1907 г.), «право Женевы» (1949 г.), Гаагской конвенции 1954 г. Юридически война регулируется тремя группами норм: 1) защита гражданского населения, раненых, больных, военнопленных, правовой режим военной оккупации, меры по защите культурных ценностей; 2) порядок объявления войны, театр войны, состав вооруженных сил, прекращение войны; 3) запрещение химического и бактериологического оружия, запрещение любого оружия, причиняющего излишние страдания. Если следовать этим положениям, то терроризм, конечно, не война.

Но, в-третьих, с середины XX века войной считается форма насилия, если оно объявлено в установленной форме и его исполнение осуществляется по согласованным правилам т. н. комбатантами — лицами, входящими в состав вооруженных сил одной из воюющих сторон и непосредственно ведущими боевые действия против неприятеля с оружием в руках. Но террористы не входят в состав признанных вооруженных сил, не носят формы, не имеют званий, не знают и не признают никаких «законов войны». «Незаконные комбатанты» не попадают даже под спорную категорию «партизан», которые «не признаются законно воюющей стороной, и с ними не следует обращаться, как с военнопленными». Если следовать этой норме, то терроризм не является войной, потому что ведется т. н. «незаконными комбатантами».

В-четвертых, под войной понимаются «действия против неприятеля с оружием в руках». Естественно, имеются в виду орудия убийства, изготовленные промышленным образом, принятые на вооружение и признаваемые оружием различными конвенциями. Но орудия убийства незаконных комбатантов часто изготавливаются кустарным образом, и в этом случае они являются подделкой известных видов вооружения. Более того, события 11 сентября 2001 года на Манхэттене показали, что незаконные комбатанты используют в качестве орудий убийства любые технические системы мирного назначения. Они нарушают правила функционирования

технических систем, и они начинают выполнять несвойственные им функции оружия — средств убийства и разрушения. В таком качестве может выступать абсолютно все: энергетические, транспортные, перекачивающие и даже информационные системы мирного назначения. Причем степень опасности применения мирных систем в качестве военных может доходить до эффективности оружия массового поражения. С этой точки зрения терроризм также не является войной.

В-пятых, война, в представлении научной общественности, это столкновение на поле боя воюющих армий, флотов, в котором военные нападают на вооруженного противника или защищают мирное население своей страны. Но чем больше разговоров о соблюдении «права войны», тем более преступной война становится. В подтверждение версии можно привести натуральные показатели из истории войн (Арцибасов И. Н., 1989. С. 128). Например, во время франко-прусской войны 1870–1871 годов, удельный вес потерь среди гражданского населения был всего 2%. А во Второй мировой войне потери гражданского населения возросли до 48%, что в 50 раз больше, чем в годы Первой мировой войны. Во время корейской войны удельный вес потерь среди гражданского населения достиг уже 84%, во время войны во Вьетнаме — 90%, а в ходе ливанской войны 1982 года составил 95%! При ближайшем рассмотрении выясняется, что цивилизованная война в моральном смысле ничуть не лучше, чем терроризм, и объектом военной агрессии является мирное население в той же мере, что у террористов. В этом смысле терроризм — это война.

И наконец, шестое, главное: военная победа имеет целью силовое и психологическое подавление воли противника к сопротивлению. «Огневая война» с кровью, болью, шумовыми и дымовыми эффектами — только способ вызвать страх, панику, привести к утрате воли к победе, сдаче в плен. Испугавшись огня, дыма, грохота, кровавых сцен, противник прекращает сопротивление и принимает условия победителя — война прекращается: цель достигнута. Вся мощь атомных бомб, реактивных снарядов и противопехотных мин — только для превращения «человека сопротивляющегося» в «человека сдающегося». Современный терроризм не использует для достижения своих целей массовые кровавые сра-

жения — глобализация дала ему огромный спектр изменения поведения противника косвенными, опосредованными методами. В этом смысле война и терроризм — близнецы-братья.

Терроризм оказался очень эффективной и экономичной версией войны: с минимальными военными затратами на максимальную дестабилизацию состояния населения страны-противника. Целью дестабилизации является смена руководства страны-противника, изменение политического курса страны-противника, использование ресурсов страны-противника в своих интересах. Главные принципы: 1) ничто военное не транспортируется — средства поражения находятся на территории противника); 2) никто из нападающих не обнаруживается — исполнители терактов легально рассредоточены по всей территории противника; 3) ничто военное не производится — в качестве средств поражения используются гражданские техносферные системы и вооружение противника; 4) никто не обнаруживает руководства терактами — вместо иерархических систем управления боевыми действиями создана самовостанавливающаяся система сетевого управления; 5) ничто не выдает роли, намерений исполнителей терактов — нет должностей, званий, знаков различия; 6) нет затрат на дорогостоящую военную пропаганду, агитацию, пиар — используется многовековая идеология, естественно противостоящая политической идеологии глобализации; 7) нет отрицания современной реальности, а есть использование ее в своих интересах — открытое общество, мир без границ, научно-техническая революция применяются обратным образом, но быстрее и эффективнее, чем это делают страны-создатели социальных и научно-технических инноваций.

В основу терроризма положена биополитика, проявляющаяся в росте численного превосходства, в противовес социополитике его жертвы, которая целиком сосредоточена на достижении качественного превосходства своих граждан. Инструментом терроризма является психологическое превосходство над противником, который не знает, что, где, когда, как и зачем будет нанесен очередной удар. Терроризм — это война нервов, рассчитанная на долгосрочную перспективу и глобальные масштабы ее осуществления. Терроризм, как и «цивилизованная война», побеждает не на полях сражений, а во внутреннем пространстве психики человека. Для

того чтобы изменить поведение одного человека или больших масс людей, совершенно необязательно их всех убивать или ранить: надо изменить содержание и состояние их сознания.

2. ТЕРРОРИЗМ – ПРОЯВЛЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НЕСОВМЕСТИМОСТИ?

«Беспорядок нельзя автоматизировать»: это мне сказал профессор Ганзен В. А. в 1974 году, когда я занимался оптимизацией управления одним крупным ленинградским предприятием. Никакие научные системы управления не воспринимались предприятием, потому что его руководители считали их покушением на некие первоосновы общества и морали. Работу пришлось прекратить: сегодня этого предприятия с персоналом в 12 тысяч человек не существует. Нечто подобное происходит в отношениях двух миров, которые представлены терроризмом и антитерроризмом. И та и другая сторона воспринимают друг друга, как носителей катастрофического беспорядка, который им пытается навязать противная сторона. Поэтому упрощение проблемы терроризма до уровня стандартных военных действий является ошибочным и бесперспективным. Развязывать узел военного противоборства необходимо на уровне его завязывания — на уровне психологической несовместимости систем, которая не разрешается силой оружия.

Сегодня мир находится на новом витке цивилизации и поэтому миропонимание изменяется очень жестоко, в том числе, по отношению к миллионам людей, целых стран и народов, которым нет места в новом изменяющемся мире. Поэтому терроризм сегодня надо рассматривать, как порождение глобализации, как ее естественное отражение. Теоретики глобализации говорят, что это серия эмпирически фиксируемых изменений, разнородных, но объединяемых логикой превращения мира в единое целое по формуле: «глобальная взаимозависимость плюс глобальное сознание». Сегодня каждый действительно уже попал в зависимость от каждого, но модификация глобального сознания ограничилось только восприятием глобальных изменений информационного общества, антропокосмизма, опытов по биотической регуляции, по созданию искусственных микробиосфер, материализации электронно-кибернетической цивилизации, влиянию биополитики, опытов по автотрофикации, киборгизации, экогеизма, коэволю-

ции и др. Теоретики глобализации упустили более глубокий слой сознания, относительно которого и началась война, один из участников которой, мировой терроризм, не признается воюющей стороной.

Изменение сознания под давлением глобальных изменений в мире, это восприятие невозможного возможным, невероятного вероятным, недопустимого допустимым, нереального реальным. Глобализация производит целую систему изменений во внутреннем мире человека. Она изменяет Картину Мира человека, его Мировоззрение, его Жизненную позицию и его Образ жизни. Это означает, что оно изменяет самого человека — его сознание. (См. рис. 1.) Картина мира, Мировоззрение, Жизненная позиция, Образ жизни, — это константы психологической системы защиты человека от опасностей жизни, которые, как скафандр защищает водолаза при спуске под воду. «Прорыв» этих констант сознания опасен, как прорыв скафандра водолаза, и человек об этом интуитивно догадывается Вокруг именно этих изменений, естественно, завязалась борьба, одним из проявлений которой является терроризм. Иначе говоря, борьба идет не за территорию, не за ресурсы, не за экономические позиции, а за содержание сознания. Пока же картина мира, мировоззрение, образ жизни, жизненная позиция террористических и антитеррористических сил несовместимы, потому, что это сложная системная работа, и легче применять оружие для принуждения, чем интеллект для доказательства. Кратко о системах, которые имеют одинаковую структуру, но разное содержание. (4)

Картина мира осознается человеком только частично и фрагментарно, как карта города, в котором он живет. Любой петербуржец знает, как из одной точки добраться до другой точки в городе, но он не сможет сколько-нибудь адекватно нарисовать даже простейшую схему города. Так и с картиной мира: человеку скорее кажется, что он имеет некоторую упорядоченную систему представлений о ней, чем он имеет ее в действительности. Поэтому фактом сознания является не содержание картины мира, а ее наличие и целостность. Но это важнейший факт сознания, без которого жизнь невозможна. Все осложняется тем, что каждому историческому отрезку времени соответствует своя Картина мира, которая непрерывно изменяется, но никогда не бывает полной и аб-

солютно истинной. Изменения картины мира можно было бы сравнить с такими быстрыми изменениями мест дислокации работы, обслуживания, транспортных потоков, что человек утром не знает, где его завод, не понимает, как туда ехать! А картина мира — карта его реальной жизни.

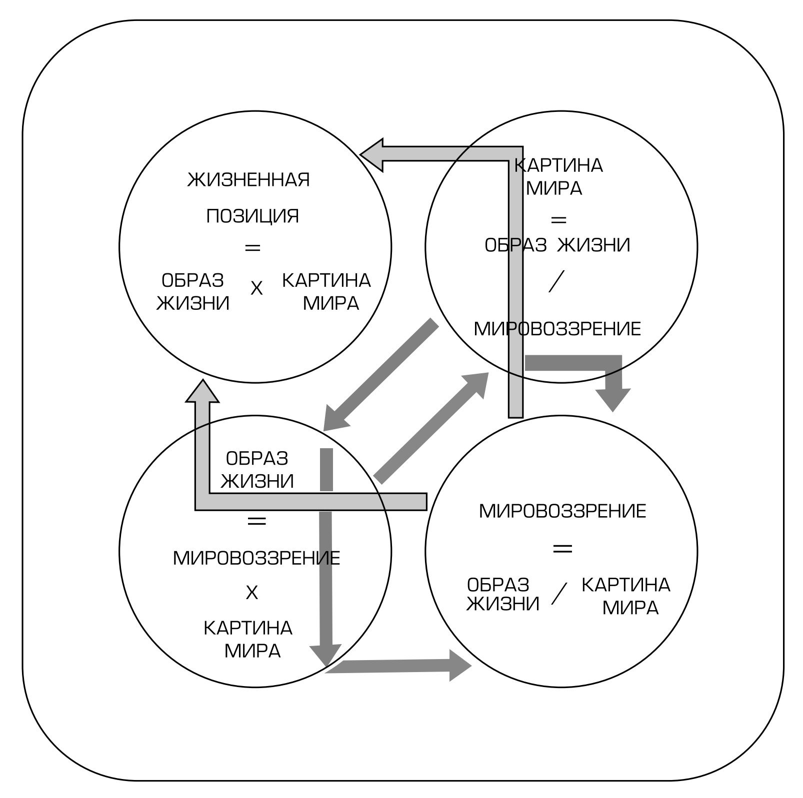

Рис. 1. Сознание политического человека как система, состоящая из картины мира, мировоззрения, образа жизни, жизненной позиции.

Жизненная позиция — результат овладения человеком своим поведением: она делает его субъектом поведения, т. е. человеком, самостоятельно достигающим поставленных целей. Жизненная позиция, если точно, это отношение к расходованию своей «рабочей силы». Она жестко дифференцирует людей на трудящихся и бездельников, людей физического и умственного труда, квалифи-

цированных и неквалифицированных работников, зависимых и независимых и т. д. Человек сознательно входит в одну из социальных, профессиональных, национальных, религиозных страт, где принят свой, неповторимый стиль поведения, одежды, способа общения, регламента жизни, тезауруса, проявления эмоций и др. Там ему бывает трудно, но всегда комфортно — это мир его мыслей, чувств, отношений. А изменение жизненной позиции — это самое страшное для него, как перемещение человека из академической аудитории в камеру с уголовниками, где «ботают по фене», играют в карты, презирают труд и т. п. Изменение жизненной позиции — это гражданская смерть человека с ничтожными шансами возвращению к тому, чем он был. Глобализация стремительно отторгает жизненную позицию миллионов людей, которая составляет их собственную сущность, заставляя их стать такими, какими они стать не могут. Это предмет для дискуссий уровня Фомы Аквинского, а не для взаимного силового принуждения.

Мировоззрение — это система взглядов , принципов, ценностей, идеалов и убеждений, определяемых как отношение к действительности, к миру, к деятельности других людей. Субъектом, носителем мировоззрения является как отдельный человек, так и социальные-профессиональные группы, этнонациональные, религиозные общности и классы и общество в целом. Мировоззрение — результат формирования человека как личности, т. е. человека, самостоятельно отличающего добро от зла, возможное от невозможного, допустимое от недопустимого. Мировоззрение функционирует как содержательная система сознания, в котором все вопросы относительно внешнего и внутреннего бытия субъекта уже получили ответы, где все проблемы определенным образом уже решены. Кроме того, мировоззрение включает умение пользоваться этими знаниями для познания и преобразования мира, убежденность в истинности их как инструмента деятельности, основные идеалы, принципы и готовность к реализации и защите убеждений и идеалов.

Образ жизни — результат формирования человека как индивида, т. е. человека, самостоятельно переживающего свое состояние. О существовании образа жизни частично известно на примере «здорового образа жизни» (занятия спортом, правильное питание, режим труда и отдыха и т. п.). В действительности, образ жизни означает прежде масштабнейшую борьбу между телом и духом, между телесным искушением и духовным аскетизмом. Именно эта борьба, в частности, устанавливает границы допустимого в питании, употреблении алкоголя, сексуальной жизни, предельных нагрузках на организм, способах лечения — т. е. исполнения функций организма. Глобализация в первую очередь изменяет образ жизни человека таким образом, какого никогда не было в истории человечества. Никто сегодня не живет в быту так, как жили их родители. Люди поставлены глобальными изменениями в положение «первопроходцев», которым разрешено недопустимое, нереальное, невозможное и для которых одновременно был поставлен под сомнение тот образ жизни, который составлял силу людей и доставлял им радость.

Глобальные изменения в будущем, скорее всего, столь масштабны, что ни одна страна и ни один народ в мире не готовы к их восприятию. Исчезают одни и появляются другие отрасли производства. Станут бессмысленными самые современные технологии и их заменят новые, неизвестные сегодня. Одни, сегодня процветающие, территории опустеют, а другие будут страдать от перенаселенности. Сегодняшние добродетели станут предметом насмешек, а вчерашние пороки станут условием успеха. Поэтому сегодня во всем мире говорят о необходимости «открыть себя заново» или «изобрести себя заново», или хотя бы «осознать себя в новом мире». А расцвет терроризма показывает отсутствие согласованных попыток понять, как можно совместить себя с новым изменившимся миром и с людьми другой психологии. Именно эта несовместимость порождает терроризм и ответный антитеррор как силовой диалог вместо интеллектуального.

3. ТЕРРОРИЗМ – ПРОДУКТ ПСИХОЛОГО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА?

Весной 2004 года из-за нескольких столкновений, которые можно было отнести к межнациональным, Петербургу чуть не приписали титул города-лидера в межнациональной нетерпимости. Чтобы проверить эту версию, пришлось провести строгое научное исследование — измерение психолого-политической стабильности в Петербурге. Понятно, что любой терроризм появляется на

фоне критической массы психолого-политической нестабильности. Только на критических значениях этого состояния возможно появление террористов-смертников, совершение терактов с гибелью десятков и сотен ни в чем не повинных людей, упорство, с которым годами готовятся теракты типа нападения на Нью-Йорк, «Норд-Ост» в Москве и т. п. Для того чтобы предсказать терроризм и минимизировать его на начальных стадиях, надо использовать психолого-политические инструменты измерения психолого-политической стабильности и управления этим состоянием.

Системность психолого-политической стабильности во всех случаях (межнациональные конфликты, трудовые споры, идеологические революции и пр.) имеет естественную психологическую природу, она существует и может быть выражена в количественных отношениях.

При этом надо строго научно определять понятие системы: *под системой понимается такая организация, в которой отдельные элементы работают вместе, чтобы получить выходной эффект, который отдельный элемент сам по себе дать не может* (Meister D., 1978). Система должна отвечать следующим допущениям:

1) иметь иерархическую организацию, т. е. система более низкого порядка встроена в систему более высокого порядка так, что ее выходной эффект воспринимается системой более высокого порядка и преобразуется в процесс,
2) быть целенаправленной, потому что в ней задействован человек и она искусственно им создана,
3) каждый элемент системы должен подчиняться общей цели, а цель является отправной точкой для разработки системы, определяет деятельность участников системы и позволяет судить, правильно ли работает система,
4) каждый элемент системы должен оказывать влияние на все другие ее элементы, а выходные эффекты отдельных элементов преобразовываться в выходной эффект всей системы,
5) измерение, оценка, обратная связь должны являться неотъемлемыми элементами системы.

Элементами системы политической стабильности в Санкт-Петербурге с точки зрения межэтнических конфликтов как дестабилизирующего фактора являются психолого-политические качества

жителей города, которые или а) гасят конфликты, или б) усиливают процесс вплоть до исторического масштаба их развития.

Список психолого-политических качеств жителей города как системы, реагирующей на конкретные события, составляют ее элементы — качества отдельных граждан:

Перечислим вначале качества, способствующие устойчивости политической стабильности (каждое из которых является величиной переменной и может характеризоваться как «мера» или «уровень»):

- *Политическое безразличие* (рис. 2 — см. № 11).

Проявляется в снижении общего эмоционального тонуса людей, вовлекаемых в политический процесс. Развито недоверие к руководителям государства, партиям, даже друг к другу. Люди в этом состоянии имеют сниженную общественную активность, усиливающуюся склонность к переживаниям по любым поводам. В целом характеризуется синдромом тотального общественно-политического пессимизма. Решения принимают в состоянии, близком к бессвязному политическому мышлению. Поддерживается дезорганизующей информацией. ***(Необходимо уточнить, что речь не идет о бессвязном мышлении как медицинском явлении, характеризующем вариант общего нарушения процессов мышления у больного человека, а как варианте нарушения понимания здоровым человеком только политических реальностей. Так же и далее.)***

- *Политический консерватизм* (№ 13).

В основе лежит стремление почти любой ценой избежать социальных конфликтов. Защищаются от политического напряжения поиском моральных опор типа верности гражданскому или профессиональному долгу, высоким нравственным ценностям. На фоне нарастающей, всеобъемлющей тревожности стремятся координировать свое поведение с мнением других. Крайним выражением политического консерватизма может стать компульсивная идея. Она провоцируется дезинтегрирующей политической информацией.

- *Политическая адаптивность* (№ 15).

Проявляется в стремлении быть сопричастным к изменением в обществе. Ситуация вынуждает примыкать к политически активной части населения, вызывать у нее симпатии. Усваиваются внешние атрибуты политической лояльности, демонстрируется ис-

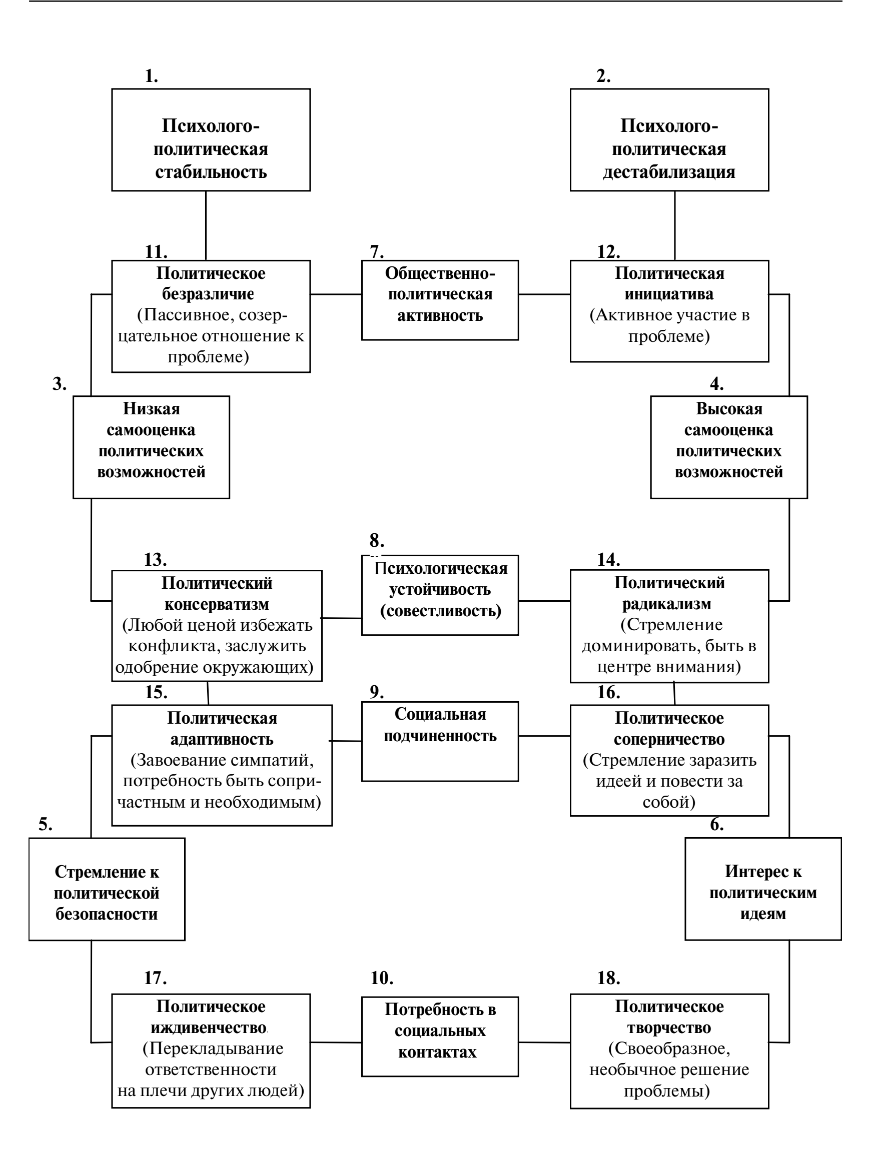

Рис 2. Архитектура психолого-политической стабильности общества.

полнение новых ритуалов политического поведения, воспроизводятся содержание и форма одобряемых высказываний. Политическая адаптация развивается на фоне сильнейшей эмоциональной нестабильности. Необходимость совмещать несовместимое: личные убеждения и противоречащее им поведение может приводить к эффектам разорванного политического мышления. Усиливается потоком дискредитирующей информации.

- *Политическое иждивенчество* (№ 17).

Берет начало в стремлении уклониться от ответственности за политические стороны жизни общества. Это заставляет осуществлять интенсивный контроль за всем происходящим вовне и вести неустанный самоконтроль всех собственных поступков, которые могут быть квалифицированы как политические. Стремление постоянно маскироваться развивает разорванное политическое мышление. Является продуктом политической дезинформации.

Качества, способствующие политической дестабилизации:

- *Политическая инициатива* (№ 12).

Возбуждается сильным политическим оптимизмом, который Насс и Кабанис именовали «революционным неврозом». Сопровождается активной вовлеченностью в жизнь общества, ничем не оправданной уверенностью в успехе, склонностью беззастенчиво, чрезмерно бегло судить обо всем, что касается политики. Повышенная эмоциональность и перемены в настроении характеризуют состояние политической инициативы. В переломных моментах истории обнаруживаются симптомы сверхценной политической идеи. Связано с дезориентирующей политической информацией.

- *Политический радикализм* (№ 14).

Появляется на фоне стремления к психологическому доминированию. Сочетается со склонностью к риску в области эмоциональных отношений с людьми, своего поведения вообще. В своей основе часто имеет неуважение к традициям, авторитетам, установленным нормам поведения. Сопутствует политическому радикализму нежелание повиноваться любой власти. Обнаруживается в периоды существенного экономического, социального напряжения в обществе. Сопровождается неспособностью контролировать

свои эмоциональные отношения. Навязчивая идея в политическом радикализме поддерживается дестабилизирующей политической информацией.

- *Политическое соперничество* (№ 16).

Проявляется в догматическом упорстве, с которым отстаивается правота своей точки зрения, право на лидерство в политической жизни. Характеризуются пренебрежением к размерам и масштабам жертв, трудностей, чрезмерностью цены, которую приходится платить за самый незначительный успех. Сопровождается скрупулезными, педантичными поисками малейшей возможности победит ь в борьбе за власть. Сочетается с крайней подозрительностью, ригидностью в понимании политических реальностей. Осуществляется под воздействием деморализующей информации, приводящей к скачкам политических идей.

- *Политическое творчество* (18).

Ориентировано на завоевание авторитета за счет демонстративного несогласия с общепринятыми представлениями, характеризуется необычностью проектов устройства общества. Оторванность от реальности в сочетании с эмоциональной холодностью представляет главную его особенность. В политическом творчестве возможно возникновение бредовых политических идей на фоне широкомасштабной фальсифицирующей информации.

Архитектура психолого-политической стабильности представляет из себя симметричную вертикальную конструкцию, левая нечетная часть которой обеспечивает стабильность (качества 11, 13, 15, 17), а правая симметричная часть политическую дестабилизацию (качества 12, 14, 16, 18). (См. рис. 2.) Коэффициент стабильности вычисляется как отношение суммы значений левой части системы (сумма нечетных ответов 11, 13, 15, 17) к сумме значений ее правой части (сумма четных ответов 12, 14, 16, 18). Психолого-политическое равновесие в обществе сохраняется до отношения, не большего чем 0,618. В случае превышения этой величины есть основания предполагать психолого-политическую дестабилизацию общества, и готовность населения к массовым выступлениям: гражданскому неповиновению, участию в беспорядках и т. п. Вся система в этом случае наклоняется или влево (к усилению психолого-политической стабильности общества), или вправо (к появлению признаков дестабилизации).

4. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПРОВЕРКА ГИПОТЕЗЫ

Изложенная гипотеза проверялась методом массовых психолого-социологических исследований, проводившихся с 1989 по 1996 год почти ежемесячно в Санкт-Петербурге и несколько раз в других городах России. В каждом исследовании осуществлялся репрезентативный уличный опрос от 800 до 1200 жителей в «час пик» в точках пересечения пассажиропотоков. Вопросы анкеты были закрытыми и тестировали психолого-политический статус респондентов (политические безразличие, консерватизм, адаптивность, иждивенчество, инициативу, радикализм, соперничество, творчество) по их отношению к реальным политикам, партиям, событиям. Полученные данные всегда подтверждались последующими политическими событиями в стране.

Кроме перечисленных качеств архитектура системы психолого-политической стабильности позволяет прогнозировать и объяснять скрытые психологические причины политической стабильности — дестабилизации, но это не в ходило в задачу настоящего исследования. Так не вычислялись и не обсуждались производные факторы:

а) Предельной психологической нагрузки общества (см. рис. 2, № 7), показывающей способность населения сохранять целесообразное политическое поведение (требующее предельного напряжения мышления, воли, эмоций) под возрастающим давлением социальной, экономической, правовой, физической жизни (снижение личной безопасности, покупательной способности, возможности обеспечивать себя своим трудом, понимания происходящего вокруг). Психологическая перегрузка населения инновациями различного рода соизмеряется с его «психологической грузоподъемностью», способностью принимать политические реформы без разрушения психики и деятельности.

б) Психологической устойчивости (см. рис. 2, № 8), оценивающей психологическую способность населения сохранять целенаправленность своего поведения в моменты «опрокидывающих» воздействий политического характера (стремительных изменений законодательства, уклада жизни, всей системы отношений в обществе, замены одних гражданских ценностей на другие). Эти одномоментные воздействия сходны с

порывами ветра, опрокидывающими в море парусник. Психика играет роль более или менее тяжелого киля, сохраняющего нормальное эмоциональное, правовое и эмоциональное поведения населения.

в) Психологической энергичности населения (см. рис. 2, № 9), измеряющей его способность поддерживать достаточно длительное время целеустремленность своего поведения (без снижения нормальной трудовой, личной, семейной жизни) в условиях разрушения системы жизнеобеспечения общества. И физическое, и психическое, и нравственное здоровье населения имеет свои конечные пределы, словно топливо корабля в дальнем плавании. Политика вынуждена соизмерять свои планы с длительностью их осуществления, чтобы не исчерпать полностью запасы нервно-психической и физической энергии населения.

г) Психологической управляемости людей (см. рис. 2, № 10), которая характеризует способность населения усваивать новое целеполагание в своем поведении, чтобы успевать адаптироваться к инновационным изменениям целей и механизмов власти. Инерционность целеполагания зависит от национальных традиций, социального состава населения, уровня культурного и образовательного развития, распределения людей по полу, возрасту, профессиям. Расчет психологической управляемости населения не менее важен, чем точное знание радиуса циркуляции поворота океанского лайнера, который может вписаться в поворот, а может потерпеть аварию.

Вторичные факторы состояния психолого-политической стабильности общества представляют особый интерес, потому, что именно они содержат объяснение состояния стабильности и рекомендации для политиков, ответственных за политическую стабильность в государстве.

Происхождение системы оценки психолого-политической стабильности находится в теории факторного анализа данных теста MMPI. Например, характеристики модели психолого-политической стабильности, которым присвоены номера с 11 по 18, имеют психологическое содержание, близкое к значениям шкал 2, 9, 7, 4, 3, 6, 1, 8 (D, Ma, Pt, Pd, Hy, Pa, Hs, Sc) в тесте MMPI (Мельников В. М., Ямпольский Н. А.,1985.; Собчик Л. Н., 1990). Полити-

ческая стабильность оценивалась измерением равновесия между параметром «политическая стабильность», интегрирующим данные блоков 11, 13, 15, 17 (нечетная половина рис. 2) и параметром «политическая нестабильность», интегрирующим данные блоков 12, 14, 16, 18 (четная половина рис. 2). Подобные отношения между факторами «социальной подчиненности» и «социальной агрессивности» установлены при математико-статистической обработке больших массивов данных MMPI американским исследователем Д. Даймондом (1965). В классических исследованиях структуры личности социальная подчиненность определяется совокупностью параметров D, Pt, Hy, Hs, а социальная агрессивность — совокупностью значений Ma, Pd, Pa, Sc.

Специалистам, работающим с MMPI, известно, что оценивать личность человека можно только лишь по сочетанию параметров всех шкал опросника, которые обычно представляются в форме «профиля личности», из формы которого следует психологическая характеристика ее обладателя. Нечто подобное обязательно должно применяться при измерениях таких явлений, как политическая стабильность. Она тоже определяется целостной системой психологических особенностей граждан города в текущий момент и по определенному поводу, а не одним-двумя доминирующими отношениями опрошенных к какому-либо событию или их настроением в связи с какими-либо событиями.

В итоге был получен профиль личности «обобщенного петербуржца», реагирующего на проблему межнациональных отношений. Из архитектуры этого профиля следуют: а) показатели политической стабильности в городе в связи с возможными межнациональными конфликтами; б) объяснение меры психолого-политической стабильности в городе в связи с межнациональными отношениями, которое проявляется в уже упомянутых восьми качествах петербуржцев (стабилизирующих 11, 13, 15, 17 и дестабилизирующих 12, 14, 16, 18).

Профиль личности «совокупного петербуржца», реагирующего на проблему межнациональных отношений, характеризуется:

1 — резким повышением показателей политической адаптивности — 82,9, политического консерватизма — 68,1 и политического иждивенчества — 61,9 (приводятся Т-баллы по ТТРУ);

2 — резким снижением показателей политического радикализма — 15,4 и политической инициативы — 26,6.

3 — в пределах средних значений находятся политическое безразличие — 55,5, политическое соперничество — 58,0 и политическое творчество — 43,2.

Из этого выводится коэффициент психолого-политической стабильности петербургского общества, равного $К_{ст}$ = 0,533, что намного ниже пороговой величины $К_{ст}$ = 0,618, когда начинаются локальные или массовые беспорядки, акты гражданского неповиновения, стихийные столкновения на межнациональной, социальной или политической почве.

Во-вторых, в городе по разным причинам резко снижена политическая инициатива, что, кстати, подтверждается очень невысокой избирательной активностью горожан, и в городе не находят поддержки никакие экстремистские идеи, а также не пользуются популярностью лидеры с крайними политическими взглядами.

В-третьих, проблема межнациональных отношений не принимается петербуржцами для осмысления как значимая, потому что самые сильные психолого-политические качества петербуржцев: политическое творчество и политическое соперничество — находятся в «законсервированном» среднем состоянии, равном политическому безразличию к вопросу межнациональных отношений.

Как уже отмечалось, при измерении психолого-политической стабильности в Санкт-Петербурге конкретные вопросы относительно разных сторон межнациональных отношений в городе были сформулированы с «психологическим подтекстом», близким к подтексту шкал MMPI. Полученные ответы интерпретировались, кроме их социологического смысла, как ответы на вопросы психологического теста. Таким образом была получена психологическая реакция «совокупного петербуржца» на политическую ситуацию — «межнациональные отношения» (рис. 3).

Такой профиль был бы интерпретирован специалистом по MMPI как астенический тип реагирования (дезадаптация). Но обсуждать этот профиль в терминах MMPI абсолютно недопустимо — это профиль психолого-политических качеств человека и общества. В нем психологические качества приобретают совершенно новые (политические) свойства.

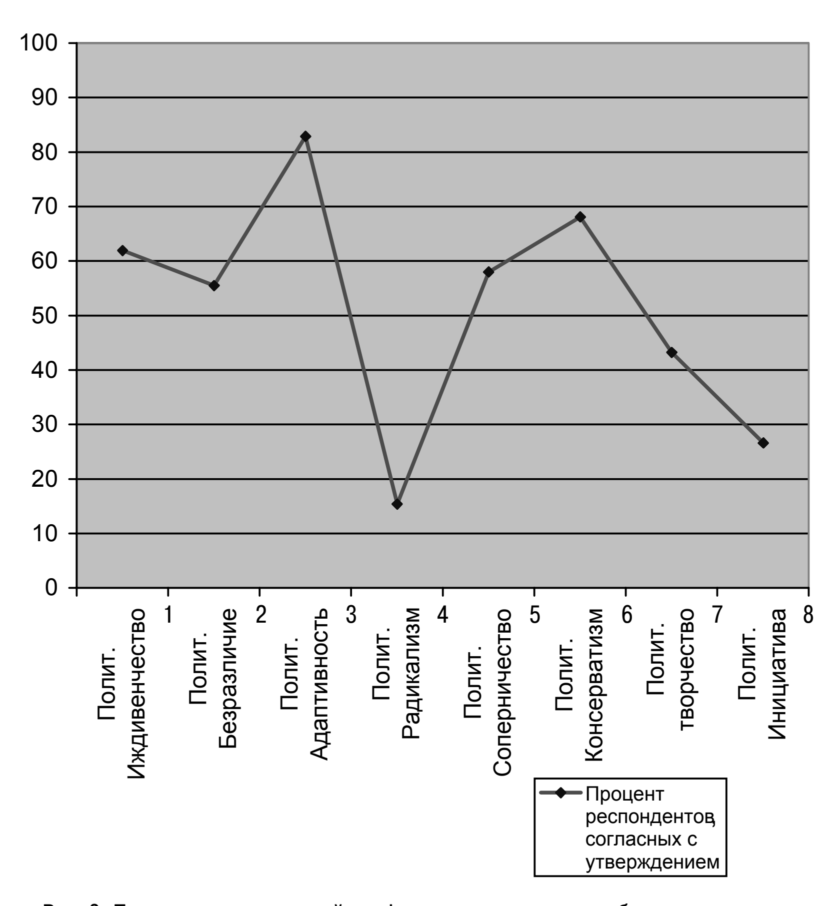

Рис. 3. Психолого-политический профиль «совокупного петербуржца», реагирующего на проблему межнациональных отношений в городе

Появление именно такого профиля объясняется, во-первых, тем, что горожане хорошо адаптировались к межнациональным отношениям в городе, они настолько консервативны в этом вопросе, что их невозможно призвать к каким-либо выступлениям против или за какие-либо национальности, и горожане целиком полагаются в вопросе межнациональных отношений на органы власти города, ответственные за правопорядок.

В целом это означает, что в Петербурге нет психолого-политических условий для разжигания национальной розни. Отдельные случаи эксцессов в межнациональных отношениях носят бытовой характер, и они не более часты, чем аналогичные бытовые столкновения между лицами одной национальности. Выделять из массы бытовых конфликтов в городе, происходящих по причине грубости, обмана и т. п., в особые конфликты между лицами разных национальностей можно только преднамеренно. С таким же успехом преднамеренно можно выделять бытовые конфликты между старшими и младшими, мужчинами и женщинами, богатыми и бедными, и таких групп конфликтов будет много больше, чем конфликтов между лицами разных национальностей.

Можно предположить, что разные возрас тные, имущественные, образовательные популяции петербуржцев существенно отличаются от своего совокупного психолого-политического портрета. Это легко проверить, сопоставив профили разных групп населения, полярно различающихся по разным признакам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Смысл настоящего доклада — предложить не упрощать проблему терроризма и стратегию антитеррора. Безусловно, терроризм — это война, и поэтому военные имеют исключительные права на средства борьбы с ним. Хотя беглый анализ терроризма показывает, что это не обычная «огневая война», на обеспечение которой тратится весь военный бюджет страны, а «война наоборот». С точки зрения психологии, терроризм — это война нервов, в которой успех достигается за счет внезапности, неожиданности, новизны, непредсказуемости места, времени, обстоятельств, средств нападения. Стратегия терроризма строится на непризнании т. н. цивилизованных норм ведения борьбы: соблюдения «права войны», «международного военного права», «обычаев войны», «законов войны». Проигрывая в силе, терроризм выигрывает во времени и в пространстве, он также выигрывает информационную войну, которая ведется, скорее, по его сценарию и правилам. Терроризм — это вид вооруженной борьбы, диаметрально противоположный тому, что ожидают противостоящие ему антитеррористические силы: это другая психология, другая логика, другая мораль, другие цели и методы ведения войны.

Терроризм с точки зрения политической психологии — это борьба нелегитимной власти против легитимной власти с применением неограниченных средств и методов давления на психическое состояние противника для подмены смысла, целей и ценностей противника на свой смысл, цели и ценности. Если даже на какое-то время удастся военной силой подавить проявления терроризма, остается его питательная среда — несовместимость картины мира, мировоззрения, жизненной позиции, образа жизни, которые разделяют непримиримых противников. Борьба с терроризмом это борьба за сознание человека в обстановке глобальных изменений в мире. Но суть терроризма упущена в горячих буднях захватов заложников, угонов самолетов, взрывов в автобусах. Пока борьба с терроризмом идет на уровне симптомов, а не причин его все нового и нового возрождения.

Целью терроризма является психолого-политическая дестабилизация общества, приводящая к финансовым коллапсам, сменам правительств, сокращению производства, остановкам транспортных потоков — всего, что материально воплощает отвергнутый терроризмом мир других людей. Терроризм — это заражение других психолого-политической нестабильностью, которой он страдает сам. Поэтому диагностика терроризма, его «лечение», прогноз заключается не столько в выявлении и уничтожении его военизированных структур, а в точном знании причин его существования.

Терроризм в психолого-политическом смысле — это силовое решение проблем политической несовместимости между людьми за счет дестабилизации психологического состояния оппонента методами насилия, не ограниченного цивилизованной моралью и международным правом. Терроризм крайне обострен глобализацией, которая не имеет ни автора, ни концептуального обрамления и ставит в равной мере все человечество перед проблемами, которые ранее не встречались. Современный терроризм — это нервная реакция на глобальные изменения в мире. Адаптация к этим изменениям — дело всего человечества и требует обсуждений, исследований и дискуссий уровня времен появления христианства или эпохи Возрождения. Это очень трудная интеллектуальная и

психологическая проблема, которой пока нет места среди задач борьбы с терроризмом. Настоящий доклад — только приближение к действительной сложности научных проблем, которые надо решить в рамках борьбы с терроризмом.

Литература

1. *Юрьев А. И.* Введение в политическую психологию. Изд. ЛГУ, 1992.
2. *Юрьев А. И.* Системное описание политической психологии. Изд. СПб Горного института, 1997.
3. *Юрьев А. И.* Теоретические и методологические проблемы политической психологии // Вестник СПбГУ, 1997. Сер. 6. Вып. 3.
4. *Юрьев А. И.* Глобализация как новая форма политической власти, изменяющая человека и миропорядок // Россия: планетарные процессы. СПб, Изд-во СПбГУ, 2002.
5. *Юрьев А. И.* Общество и власть в период глобализации. Учебное пособие. СПб, 2004.
6. *Бурикова И. С., Коновалова М. А., Пушкина М. А., Юрьев А. И.* Вероятность влияния межнациональных конфликтов на психолого-политическую стабильности в Санкт-Петербурге. Научный отчет / Под ред. проф. Юрьева А. И. СПб, 2004.

Б. В. Марков[1]

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ТЕРРОРИЗМА

Философы со времен Просвещения говорили о достоинстве, свободе и правах человеке, но весьма мало писали о его несовершенстве. Уповая на исторический прогресс, мы просмотрели причины появления новых форм зла. Пора спросить: кто такие преступники, маньяки, террористы? Являются они наследием старого мира или порождением новых форм существования, в том числе и благ цивилизации? Сегодня мы философствуем в условиях чрезвычайной ситуации. Стремительно распадаются старые привычные формы жизни, а складывающиеся новые отношения людей не радуют, потому что оказываются весьма далекими от идеалов. Как, например, расценивать нарастающий индивидуализм людей, стремление к личной независимости и комфорту, разрушительным образом действующих на целостность социальной ткани? Исчезают политические и государственные добродетели, и никто уже не желает нести на своих плечах трансцендентальный груз служения Отечеству.

Вспышки терроризма, ставшие отличительной чертой нашего времени, требуют своего осмысления и анализа прежде всего для того, чтобы не только противодействовать террору, но и устранить саму возможность его применения. Естественно, что для этого

[1] Марков Борис Васильевич — заведующий кафедрой Философской антропологии Санкт-Петербургского Государственного Университета, доктор философских наук, профессор. E-mail: bm4063@bm4063.spb.edu.

должны быть соединены усилия как психологов и политиков, так и военных. В «мозговой атаке» на террор должны принять участие и философы. В последние годы как у нас, так и за рубежом стали появляться социально-философские исследования природы, видов, а также стратегий и тактик террора. Традиционный подход состоит в описании его происхождения и эволюции как форм протеста тех или иных меньшинств — маргинальных личностей, групп или целых народов, права которых ущемляются большинством — господствующим классом, государством, церковью. Специфика террора усматривается в тактике «партизанской борьбы», которая не признает ни правил, ни знаков отличия и этим ввергает в ужас профессиональных военных.

Трудности борьбы с террористами затеняют то обстоятельство, что в современном обществе они обрели новое качество. Национальные, этнические, религиозные и классовые противоречия не объясняют ни спектакулярности протеста, ни виральности новых форм зла, обусловленных коммуникативными структурами. Современное общество, якобы старательно очищаемое от беспорядка, на самом деле представляет собой благодатную почву для террора. С одной стороны, сложные технологические структуры подвержены сбоям, и об этом свидетельствуют все более ужасные по своим последствиям технические катастрофы. С другой стороны, автономные индивиды, привыкшие к защите со стороны полиции, утратили не только бдительность, но и способность сопротивления в целом. Все сказанное позволяет сделать вывод, что понимание причин террора как сопротивления демократизации и цивилизации со стороны «тоталитарных», «архаичных» режимов оказывается явно недостаточным.

На основе анализа литературы, посвященной осмыслению террора, можно выявить четыре стратегии его проблематизации: как характеристики объективного мира (натуралистический дискурс); как состояния субъективной воли (критический дискурс); как понятия (спекулятивный дискурс); как формации (генеалогический дискурс). Мне кажется полезным обратить внимание на специфику современного террора как медиума современных коммуникативных систем. Террор всегда сопровождается дискурсивным обоснованием и символическим пониманием. Во-первых, его

причины кроются не где-то вне, а внутри самого общества; оно само находит и даже порождает своих врагов. Вступив в эру высоких цивилизаций, человечество стало бояться чужих и отгораживаться от них стенами. Во-вторых, террор во многом является побочным продуктом «лингвистики». В конце концов, разве понятия «раса» и «цивилизация» не являются своего рода научными мифами?

Конечно, «натуральный» чужой стремительно исчезает, и об этом свидетельствуют толпы людей, одетых в живописное стилизованное этническое тряпье и проводящих время в барах и пабах современных мегаполисов. Вместе с тем город не только стирает, но и прочерчивает свои различия. Главари исламских террористов, как правило, получили образование на Западе. Но они не приняли его ценностей: Аятолла Хомейни вернулся с Запада, чтобы завоевать Иран; исполнителем первого теракта в Международном торговом центре в 1993 г. был тихий и незаметный инженер-химик; летчики-террористы, атаковавшие его спустя восемь лет, получили образование в США. Это свидетельствует о том, что мегаполисы не справляются с ролью «плавильного тигля» наций и этносов. Более того, именно в них складываются новые жесткие различия и разгораются конфликты.

Следует иметь в виду, что «критико-иделогическая» риторика и семиотическая техника анализа принуждают к абсолютизации символического подхода, в рамках которого растворяется специфика как политического, так и культурного террора. Между тем следует различать такие формы зла, как вербальное насилие или компьютерные вирусы и заранее спланированные, тщательно подготовленные акции боевиков, стремящихся не только испугать, но и убить как можно больше людей. Террор — это всегда насилие, протест, интенсивно и эффективно противодействовать ему можно только повышением способности людей активно ему противостоять.

Косвенно о трансформации форм зла можно судить по дискуссиям медиков, юристов, политиков, священников, а также специалистов по этике, конфликтологии и т. п. Предлагаемые ими дополнения к традиционным нормам права и морали говорят о недостаточности Нагорной проповеди в новых условиях и о появ-

лении новых — стерильных — форм зла. Отмена смертной казни, перенос войн в космос, победа над массовыми инфекционными болезнями, помощь бедным и другие важные достижения доказывают наличие не только технического, но и нравственного прогресса. Человечество становится гуманнее, и по отношению к нему уже немыслимы убийства, войны, геноцид, болезни, бедность. Любые формы жестокости осуждаются, и во всех сферах жизни от школы до казармы можно наблюдать становление дружеских или, по крайней мере, партнерских отношений между теми, кто приказывает и подчиняется. Именно в свете несомненной гуманизации и рационализации жизни кажутся необъяснимыми всплески насилия и жестокости, о которых с наивным цинизмом сообщают наши масс-медиа.

В. Беньямин, которого вряд ли кто может заподозрить в симпатии к фашизму, еще в 20-е годы написал «Метафизику насилия», в которой, пророчески предчувствуя приход фашизма, считал его расплатой за демократию. Более того, различая две формы насилия — мифическую и божественную, он показал, что апелляция к ним происходит как акт учреждения права в ходе смены одного миропорядка другим. Казнь короля, или в последние годы суд над лидерами тоталитарных государств, показывает, что для этого, по сути дела, нет правовых оснований. Король и диктатор сами являются учредителями законов. Их трудно осудить на основе установленного ими самими законодательства, однако было бы несправедливо применять по отношению к ним «демократические» законы. Будь то народные трибуналы, которые судили во время революции, будь то демократический суд, выступающий от имени «прав человека», все эти институты справедливости так или иначе сталкиваются с проблемой насилия, которая проявляется в том числе и в акте учреждения закона.

Становление человека в процессе гиперинсуляции сопровождалось порывом выхода наружу, и это создавало высокое напряжение. Вторжение окружающей среды в жилище предлюдей также приводило к драматическим последствиям. Охотник легко превращался в жертву, а природные катастрофы уничтожали с большим трудом возведенные стены; хищники и враги проникали в святая святых первобытной группы — в пространство мать-дитя — и уничтожали их. Все это было той высокой ценой, которую человек платил за свое биологическое несовершенство и культурную изнеженность. Стабильное существование и порядок взрываются в чрезвычайных ситуациях, и люди снова оказываются нагими и беззащитными перед природой. В таких условиях чрезвычайно важной оказывается способность вернуться от утонченного к рутинному образу жизни, к вечному повторению того же самого. Так открывается горизонт символической иммунологии и психосемантики, вне которого немыслимо существование homo sapiens с его хроническими страданиями.

В периоды высокой культуры основную опасность представляют собой не столько хищники и природные катастрофы, сколько враждебно настроенные соседи. Стресс чужого — это не чисто психологический продукт биологической слабости существа, условием выживания которого является агрессивность. Человек как несовершенное, открытое существо не добр и не зол по природе. Он — медиум техники (включая социальные и политические технологии, а также культурные антропотехники). Человеческая агрессивность не врожденная, а социально унаследованная. Конечно, крупные акции террористов принимают поистине апокалипсический характер, но я думаю, что и это не основание для манихейства. Если посмотреть на наш глобализирующийся мир с точки зрения безопасности, то можно прийти в ужас. Наше общество плохо защищено от сбоев, и любой недовольный, психически неустойчивый или просто нетрезвый человек может вызвать чудовищную техническую катастрофу. На самом деле вина лежит не на технике. В широком смысле террор — следствие нашего мышления, сформировавшегося на парадигме войны и покорения природы, а также технологии власти, опирающейся на насилие, ведущей к отчуждению людей. Страх перед новыми информационными технологиями, научно-техническими открытиями в области генетики и атома во многом вызван последствиями использования этих открытий людьми, мышление которых воспитано в традициях завоевания и покорения природных или человеческих ресурсов. Между тем как современный многополярный мир, так и современная техника предполагают совсем другое мышление, основанное не на агрессии, а на мирном сосуществовании и сотрудничестве.

Многие считают, что терроризм и насилие не отвечают современному уровню цивилизации. Однако не секрет, что в

истории более высокие культуры, более цивилизованные народы терпели поражение от варваров. Некоторые современные историки делают вывод, 11 сентября были похоронены надежды на мирный путь развития человечества. На самом деле война не является неизбежной. Цивилизованные народы должны посмотреть на себя глазами своих предков и таким образом увидеть недостатки, очевидные их «нецивилизованным» соседям. Точно также противники глобализации могли бы обратить свою энергию на развитие и укрепление символической иммунной системы своего общества, которым они дорожат. Сильные культуры не боятся чужих влияний и не являются агрессивными. Мы должны признать право любого народа гордиться своей культурой и сохранять ее своеобразие в условиях глобализации. В условиях единого экономического и информационного пространства совсем не обязательно всем питаться в «макдональдсах», носить одинаковую одежду и петь одни и те же песни. Именно свободное взаимодействие сил, а не насилие могут способствовать сохранению прочной социальной ткани общества. Террор — это эрозия не только Запада, но и Востока.

Н. М. Савченкова[1]

Террор: символический акт или абстрактная агрессия?

За последнее десятилетие устойчивые определения террора, смысл и контекстуальное поле этого достаточно давно известного феномена существенно изменились. Форма террористического акта, его семантическое решение, субъект, цель — все эти аспекты подверглись трансформации. Изменилась даже *интонация* террористического акта — и это, возможно, заслуживает наибольшего внимания.

Как известно, изначально террор мыслился как репрессивный способ существования государства в условиях революции, как полная временная неразделенность политической и юридической власти, оправдываемая исключительными обстоятельствами. Затем террористическое действие было переприсвоено отдельными индивидами, представлявшими ту или иную систему взглядов, и адресовано государству. Террористическое действие в этом случае было призвано подорвать стабильность системы, оно имело смысл символического акта, было способом высказывания в условиях, когда легально такое высказывание осуществить невозможно. В современных условиях, когда информационная революция и процессы глобализации резко трансформировали

[1] Савченкова Нина Михайловна — заведующая кафедрой Философии и психоаналитической критики Восточно-Европейского Института Психоанализа, кандидат философских наук, доцент. E-mail: ninacow@ns4085.

и продолжают стремительно трансформировать социальные структуры и геополитические реалии, государственный контекст понимания терроризма уже не является действенным. Сегодня термин «террористический» «не обозначает уже ни политическую ориентацию, ни возможность той или иной ситуации, а исключительно форму действия»[2]. В сегодняшних условиях он может быть определен как негосударственное действие, опирающееся на подпольную сеть (реальную или мифическую) и имеющее целью убить или разрушить. В таком случае, — утверждает А. Бадью, — реакция на террор попадает в ловушку зеркальности. Война против терроризма и сам терроризм приходят к состоянию неразличимости. Потому представляется необходимым обратиться к философии, к гуманитарной традиции, где продумывание насилия и репрессивных форм существования ведется в поле анализа форм субъективности, агрессии в структуре личности, различных способов символизации социальной реальности.

Одна из наиболее актуальных междисциплинарных разработок проблем циркуляции агрессии в обществе принадлежит американскому философу и антропологу Рене Жирару. Исследуя институт жертвоприношения, он предлагает динамическую модель понимания насилия. Насилие, — говорит Жирар, — возникает как радикальная защита, как способ уберечь самого себя и близких от возможного повреждения и смерти. Однако энергетика и субстанция насилия таковы, что пользоваться им обдуманно и дозировано крайне трудно. Будучи однажды применено, насилие превращается в блуждающий эффект, умножающийся в геометрической прогрессии. Вспышки насилия случайны и спонтанны, и оно легко может быть обращено против культивирующего его субъекта. Возникая как защитное мероприятие, насилие часто обращается на тех, кого призвано оберегать. Прекратить цепную реакцию насилия настолько же сложно, насколько просто его развязать. Насилие обладает высокой способностью к мимезису как подражающему удвоению: оно бессознательно воспроизводит структуру предыдущего причинения под именем мести. *Именно благодаря убеждению в том, что насилие отвратительно, люди считают себя обязанными мстить.* Внутреннее насилие легко имитирует любые причинно-следственные структуры, создавая псевдорационализации самого себя — объясняя, почему оно необходимо в данном случае.

[2] *Бадью А.* Философские соображения по поводу нескольких недавних событий // Мир в войне. 11 сентября 2001 года глазами французских интеллектуалов. М., 2003. С. 27.

Средоточием амбивалентности проблематики насилия становится институт жертвоприношения, который, по мнению Жирара, изобретен в целях отведения насилия от всех и каждого и сосредоточения его на одном совместно избранном персонаже-заместителе. Жертвоприношение является встречным мимезисом по отношению к насилию, способом обмануть и перехитрить его. Жертва в этом смысле должна удовлетворять двум условиям: она должна быть похожа на предмет замещения и непохожа на него. Сходство делает операцию возможной, различие сохраняет ее символический смысл. С помощью этого различия культура отстаивает свой, отличный от природы статус. Однако же другой стороной института жертвоприношения оказывается возможное стирание различий, так называемый жертвенный кризис, когда миметическая стихия насилия подчиняет себе все устойчивые определения, сметает все границы. По мнению Р. Жирара, греческая трагедия возникла как фиксация первых симптомов жертвенного кризиса, в который в настоящее время целиком и полностью погрузился мир. Как известно, одним из основных симптомов современного мира называют посттрагическое сознание, невозможность диалектического разрешения конфликта индивидуального и всеобщего. Трагический герой не является более актуальным персонажем. Другими словами, речь идет об утрате в современном мире символических различий, о принципиальной «нехватке», нужде в символическом вообще. Р. Жирар предлагает мыслить сегодняшнюю ситуацию в терминах жертвенного кризиса.

В том же направлении размышляет известный французский мыслитель Ж. Бодрийяр. Парадоксальным образом символическая экономика капитала, втягивая в свое обращение все элементы человеческого опыта, использует символ уже не как условие целостного бытия, а только как форму означивания. Символ превращается в пресловутую полустертую монету, переходящую из рук в руки. Также стирается и смысл смерти. Современное стерильное общество стремится контролировать смерть, лишить ее

того, что в ней «страшит»; смерть социализируется и допускается только как «естественная», как «прекращение жизни», наступающее вследствие выработанности всех ресурсов. В этих условиях полной десимволизации основных экзистенциалов *индивид воспринимает смерть от старости как пустое, лишенное смысла событие, подобное выбрасыванию ставшей ненужной вещи в утиль. И, напротив, случайная смерть (суицид, несчастный случай, катастрофа) завораживает, наделяется символическим ореолом*, позволяющим обострить переживание жизни. В этом контексте Бодрийяр рассматривает такую террористическую акцию как захват заложников. Он видит в нем «политический ритуал первостепенной важности», в котором «восссоздается время жертвоприношения, ритуал казни, неминуемость коллективно ожидаемой смерти — совершенно незаслуженной, а значит, всецело искусственной и потому безупречно соответствующей жертвенному обряду»[3]. Для Бодрийяра террорист — фигура, симметричная обывателю, и подобно тому как в диалектическом интерсубъективном отношении истиной господина оказывается рабство, а истиной раба — власть, обычный человек несет в себе террориста как своего Другого, второй своей частью являясь его жертвой. «Мы все заложники — вот в чем секрет захвата заложников, и мы все мечтаем не просто тупо умереть от износа, а *принять* и *подарить* свою смерть »[4]. Теперь эту фразу можно определить как классический тезис «общества спектакля», кульминацией которого стало зрелище гибнущих нью-йоркских башен. Диагноз Бодрийяра прост. Террор становится значимым фактом нашей жизни прежде всего как форма революционного протеста для тех, кто ощущает, что его сознанием всесторонне манипулируют, и любое ограниченное революционное движение, в действительности, всегда будет способом установления все более тесных связей субъекта с властью, нежели освобождением от нее. В этом смысле *террористический акт — единственно возможная форма заявить о себе как о личности, не подлежащей «стиранию» в постинформационном обществе; поступок, с неизбежностью имеющий характер театрального жеста*. Другими словами, Ж. Бодрийяр видит в терроре единственный доступный современному субъекту радикальный способ символизации.

[3] *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М., 2000. С. 294.

[4] Там же.

Похоже, что своей книгой Ж. Бодрийяру удалось достаточно точно предсказать динамику циркуляции насилия в конце XX века. Захват заложников, действительно, тяготел к тому, чтобы стать доминирующей моделью террористической акции. Но за последние годы интонация террористического акта существенно изменилась и сравнение с публичной казнью теперь не выглядит эффективным, поскольку зрелищный и символический момент в нем, собственно ужасное, отступили на второй план. В современном терроре доминирует абстрактная форма, в нем ужасно — отсутствие ужаса, сама эмоциональная редукция. Деловитость жертв говорит отнюдь не о вовлеченности в уникальность сакрального опыта (множественные свидетельства жертв российских терактов констатируют отсутствие паники и адекватное поведение; сообщения о собственных переживаний лишены эмоционального компонента, техничны и детальны: раздался звук, как будто что-то лопнуло, я почувствовал то-то и то-то), но о дистанцированности от самого себя и от насилия, которое мыслится жертвой не как необходимая случайность судьбы, но как случайность формальная. Не моя смерть приходит ко мне, я ее не узнаю, — так, вероятно, мог бы выразить свои ощущения переживший теракт. Массовое превращение террористов в смертников также свидетельствует отнюдь не о радикальном ритуале и достигнутой абсолютной свободе самоотречения (что безусловно демонстрировали японские камикадзе), но скорее говорит о *прогрессирующем обезличивании субъектов террора*. Все равно кто выполнит эту задачу, главное, чтобы поток смертников не прекращался. СМИ свидетельствуют о совершенно различных жизненных траекториях, приводящих того или иного человека к перспективе исполнения теракта. Но — является ли террорист безвольным инструментом, шантажируемой жертвой или добровольно принимает решение — для террористической акции не имеет значения, что, конечно, существенно обессмысливает героический пафос смертников.

Террор становится нигилистическим насилием; насилием, отрицающим смысл смерти и саму репрессивность (если понимать грубый факт смерти как фундаментальную репрессию человеческого существования). Его суть — простое приведение к конечности, или демонстрация конечности в режиме бесконечного повторения. Представление о противнике, о целях теракта

становится совершенно условным. Заявления террористов — чисто декларативные. Если в XX веке наблюдался избыток символических подписей — организации брали на себя ответственность даже за те диверсии, которых не совершали, — то в XXI веке теракт предъявляет себя как бессмысленный иероглиф. Все больше становится «слепых» терактов — мгновенных и необратимых вторжений в сердце толпы — без сложного политического ритуала переговоров, последовательности побед и поражений. Ален Бадью определяет происходящее как «абстрактную форму театрального захвата противника, по самой сути своей неясного и неуловимого»[5]. Террор становится самореферентным, но в этом возвращении к самому себе он не обретает содержательности, а, напротив, регрессирует к своим архаическим формам (убийства в толпе), к тотальной неразличимости жертвенного кризиса. Террорист не отличает себя от своей жертвы. Первые же процессы над женщинами-смертницами обнаружили следующий типический расклад сил. Зарема Муджахоева дает признательные показания и в ходе следствия начинает видеть в себе жертву социальных обстоятельств. Общество, виноватое в том, что с ней случилось, демонстрирует дополнительное непонимание и выносит несправедливое обвинение. Утверждение смертницы — она передумала «взрываться» и сознательно не переключала тумблер взрывного устройства — из убийцы превращает ее в спасителя уже обреченных на смерть посетителей кафе. Утверждения стороны обвинения абсолютно симметричны — смертница дважды переключала тумблер, но взрыва не последовало по техническим причинам. Критическая точка расследования оказывается зоной неразличимости, где индивидуальная воля не может быть идентифицирована. Субъект насилия мгновенно мимикрирует в свою противоположность. Последняя фраза осужденной на 20 лет Заремы Муджахоевой — обещание вернуться и отомстить.

Другая позиция террора — стремление стать продолжением объективных и слепых природных сил. В результате такого позиционирования возникает ощущение возвратного мимезиса: кажется, что природа и случай подражают террористам, обрушивая на человечество целый ряд похожих друг на друга стихийных

[5] *Бадью А.* Философские соображения по поводу... С. 38.

бедствий и техногенных катастроф. Понимание террора как нигилистического насилия заставляет вернуться к вопросу о связи его с агрессивными импульсами. К вопросу о том, точно ли такая связь наличествует в структуре личности террориста. Является ли террорист агрессивным субъектом, и если да, то как возможно канализировать его агрессию? В рамках психоаналитического мировоззрения агрессия рассматривается как необходимая форма отношения к действительности, она характеризует оральную стадию и с помощью проективно-интроективной активности позволяет формировать понятие реальности, разграничивать сферы внутреннего и внешнего. В контексте психоаналитической теории объектных отношений соединение эротических импульсов с агрессивными мыслится как условие формирования творческой позиции ребенка. Тесная связь агрессии и сексуальности, способность переносить и «контейнировать» собственную агрессию, вступать с ней в дифференцированные отношения — все это обеспечивает становление основных личностных экзистенциалов (страха, вины, ответственности, благодарности, идентичности, заботы). Сексуальные влечения наделяют агрессивные импульсы содержательностью, качественно наполняют их, приводят к неотменимому факту реального существования объектов.

Гипотеза, трактующая террор как нигилистическое насилие в эпоху жертвенного кризиса, психологический смысл его усматривает в агрессии, не связанной с сексуальностью, в так называемой абстрактной агрессии, не инвестируемой в конкретные объекты. Эта агрессия анонимна и сам субъект не понимает ее смысла, не осознает причинения. Описывать такую агрессию очень сложно, она остается непричастной актам символизации, а значит — чуждой основному символическому измерению — речи. Однако рефлексия по поводу феноменов современности ведется не только на языке слов, но и в невербальном пространстве взгляда. Кинематограф, чувствительный также и к асимволическому, способен выражать самые тонкие событийные трансформации, то, что еще не может быть схвачено даже таким надежным сейсмографом, как литература.

Наиболее интересным прецедентом реконструкции атмосферы и акта нигилистического насилия, на наш взгляд, является последняя работа американского режиссера Гаса Ван Сента. Его

фильм «Слон» — реконструкция детского террористического акта. Любопытно, что в соответствии со стратегией режиссера главным действующим лицом, субъектом событий является не столько мальчик-террорист, сколько — опустевшее жизненное пространство, простые события, ландшафт катастрофы.

Гас Ван Сент, предметом своих размышлений сделавший массовый расстрел учителей и школьников двумя учащимися той же школы и попытавшийся ответить на вопрос, что произошло и как это стало возможным, выбирает ту же редуктивную интонацию. Ни месть, ни личная обида, ни слабоумие или патологические свойства личности исполнителей теракта не рассматриваются режиссером как возможная причина произошедшего. Причина теракта — намерение обрушить весь мир повседневности, привести его минимальное разнообразие к абстрактной чистоте музыкальной фразы (мальчик-террорист вдумчиво музицирует накануне расстрела), к простому единству своих эмоциональных состояний. Каллиграфически расчерченный распорядок школьной жизни и так делает ее похожей на компьютерную игру; необходим только один жест, который доказал бы это тождество. Гас Ван Сент наверняка помнит знаменитое определение музыки, данное Артуром Шопенгауэром, — она есть непосредственный отпечаток мировой воли, — и его мысль не без иронии констатирует: в мире асимволического мировая воля неотличима от воли индивидуальной, вследствие чего возникают такие грамматико-метафизические ошибки: собственная воля мыслится героем как закон (несмотря на то, что даже не определена содержательно и существует лишь как интонация), а личное одиночество — как абсолютная инстанция власти. В фильме защиты от мальчика-террориста нет и не может быть. Ничто не в состоянии помешать ему привести свой замысел в исполнение. Общество не может защитить себя от индивидуальной воли, выпавшей из системы символических взаимоотношений. Как говорил самый тонкий и глубокий знаток нигилизма Ф. Ницше, человек, осознавший свою конечность, не может желать ничего, кроме смерти.

Другими словами, речь идет о том, что мотив конечности, значимый для столь многих дискурсов XX века, мотив, в связи с которым создавались антропологические модели и благодаря которому возник основной корпус гуманистических идей, возможно, исчерпал себя. Альтернативой этой версии человеческого существования может служить лишь утвердительная бесконечность, которая, по мнению А. Бадью, подлежит «рациональному восстановлению». Единственный способ изменить ситуацию, в которой террористические акции стали повседневным фактом, состоит в том, чтобы научиться мыслить себя в горизонте бессмертия.

В. А. Медведев[1]

Террор как основание коммуникативной культуры XXI века: от понимания к интерпретации

— Да, человек смертен, но это было бы еще полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен, вот в чем фокус!...
— Какая-то нелепая постановка вопроса...— помыслил Берлиоз и возразил...
М. А. Булгаков. «Мастер и Маргарита»

Террор — а что это такое? При всей странности и нарочитой наивности такого вопроса только после ответа на него мы имеем право обсуждать заявленную тему. Террор ведь легко представим: перед мысленным взором каждого из нас тут же встают картины искореженных взрывами конструкций, из которых извлекаются человеческие останки, всплывают искаженные шоком лица пострадавших и очевидцев трагедии. Террор представим, но понятен ли он? Может ли наша логика вместить в себя то, что произошло, скажем, 11 сентября в Нью-Йорке, найти смысл в выходящем за границы человеческой логики поступке смертников-убийц? А без понимания этого смысла, этого послания, заложенного в чудовищный поступок, мы сможем только плодить террор, а не превентивно его предотвращать. Кто, или, точнее, что разговаривает с нами на языке террора, можно ли понять и истолковать смысловую нагрузку этого языка? И, что самое важное, что нужно сделать, какими надо стать, чтобы больше не получать подобного рода посланий?

[1] Медведев Владимир Александрович — директор Санкт-Петербургского гуманитарного института, кандидат философских наук, председатель Правления Всероссийской Ассоциации Прикладного Психоанализа. E-mail: russianimago@mail.ru.

ИСТОРИЯ ТЕРРОРА

Для начала стоит вспомнить о том, что террор не является неким новомодным изобретением, некоей «новой глобальной угрозой», с которой человечество якобы столкнулось на пороге очередного тысячелетия. Террор (от латинского *terror*, т. е. страх, ужас) представляет собой архаичный способ управления людьми, основанный на т. н. «мортальном» запугивании, т. е. на животном страхе немотивированной смерти и основанном на нем беспрекословном подчинении. Ритуальные человеческие жертвоприношения у примитивных народов, сезонные убийства илотов в Древней Спарте, римские децимации — вот примеры террора как основы социального управления. Власть и смерть были синонимами; само приближение к властителю, даже простой взгляд на него карались смертью через систему соответствующих «табу». Отсюда — отмеченная некогда Фрейдом в «Тотеме и табу» амбивалентность отношения к любому властителю, заложенная в каждом из нас и скрывающая под ритуализированным подчинением страх немотивированной репрессии.

Позднее, с появлением мировых религий, страх смерти был окультурен, вытеснен, введен в ритуалы цивилизации как навязчивые формы его отреагирования. Перестав подпитываться актуальной угрозой, страх смерти постепенно трансформировался в обсессивный невротический симптом. Смерть обрела смысл, а террор вошел в тело культуры, в мифологию и историко-культурную традицию, постепенно эволюционируя от аффективно-культового до чисто эстетического переживания (вспомним хотя бы сцены жертвоприношения Исаака или же избиения младенцев)[2].

[2] Но изначально, стоит отметить, единый Бог был все же Богом террора, а не Богом любви. Чем, как не террором в форме реализованной угрозы немотивированной смерти, был великий потоп (его можно даже назвать первым случаем сознательно организованного геноцида)? Чем, как не террором в форме подчинения через немотивированное страдание, были мучения многострадального Иова? Не чужд был божеству Ветхого Завета и охранительный контртеррор: «Око за око, зуб за зуб!». И потому глобальным прорывом в истории человечества можно считать произошедшую два тысячелетия назад смену объекта религиозного поклонения: от Бога-террориста, которого нужно бояться, беспрекословно ему подчиняясь, оно перешло к Богу-жертве, которому надо сочувствовать, от страха — к любви, от мести — к прощению.

Системный кризис и медленная смерть традиционной цивилизации в конце XX и начале XXI веков вновь выпустили в мир реальности закованных в подземельях коллективного бессознательного драконов архаики. И террор не заставил себя ждать. Причем на этот раз террор стал двусторонним, т. е. самопорождающимся, субстанциональным. Легитимный террор власти начал встречать сопротивление в виде протестного (индивидуального) террора, который, в свою очередь, порождал удвоение превентивных репрессий и выход их за пределы легитимности. Итоговой формой этой эскалации террора стала мировая война, т. е. немотивированное убийство десятков миллионов людей, а итоговой реакцией на нее — контртеррористические политические режимы, основанные на архаике мортального устрашения и контроля.

Устрашение немотивированной смертью снова стало, по крайней мере в ряде стран, основой социального порядка, а древний лозунг — «*Memento mori!*», т. е. «Помни о смерти!» — лег в основание могущественных идеологий[3]. Веками выстраивавшиеся личностные защитные отстранения и коллективные защитные ритуалы, связанные со страхом немотивированной смерти, были отброшены в сторону; оставшееся беззащитным человеческое «Я» стремительно обрастало нарциссическим панцирем, который, в свою очередь, требовал все больших и больших доз мортального запугивания для решения элементарных управленческих задач. Организованный террор стал основой социального порядка и условием беспрекословного исполнения властвующей воли.

«Холодная война», представлявшая собою первый в истории человечества вариант планетарной системы мортального запугивания и контроля, на какое-то время сумела сконцентрировать и удержать террор в сфере потенциальной угрозы, не требующей реальных человеческих жертвоприношений (достаточно было проводить ядерные испытания и пробные ракетные пуски, демонстрируя саму возможность внезапного убийства миллионов людей). Но затишье длилось недолго. Оказалось, что боевое применение современного ядерного оружия практически невозможно, а ужас Хиросимы в конце концов подвергся вытеснению даже самими

[3] Чего стоит, хотя бы, долгие годы культивировавшийся в нашей стране коммунистический миф, развернутый в целую систему ритуалов поклонения мертвецу и идентификации с ним.

японцами. Абстрактный террор, потенциально грозящий всем сразу и никому в отдельности, оставаясь основой глобальной международной стабильности, оказался не в состоянии выполнять функцию основы управленческих стратегий регионального и национального уровней. Как это ни странно, после распада блоковой системы международных отношений политика ядерного сдерживания стала помехой становлению нового политического порядка на посткоммунистическом и постимпериалистическом пространствах. Процессы обретения реальной национальной государственности выпущенными из международных «лагерей» странами и становления новых геополитических реалий потребовали заложить в свой фундамент тысячи реальных жертв террора, становящихся залогом прочности формируемых антитеррористических политических систем.

Таким образом, в конце прошлого столетия террор, пока еще не осознавший себя и не оформившийся планетарно, стал ведущим фактором организации политических режимов и международных отношений. С этой точки зрения террористическим актом в равной мере является и взрыв испанского поезда, и стрельба по иракской толпе солдата войск коалиции; и то, и другое подразумевает устрашение людей и контроль над ними, принудительным образом поставленными лицом к лицу с фактором внезапной смерти. В этом плане, кстати говоря, *террор и контртеррор неотличимы* и потому мы в последующем изложении не будем даже пытаться проводить между ними разграничительную черту. Боец спецподразделения с радиоуправляемой миной или ракетой космического наведения, устраняющий неугодного его командованию политического или религиозного лидера, по мотивам и последствиям своего поступка абсолютно неотличим от смертника с поясом «шахида», взрывающего вместе с собой несколько случайных прохожих. Целью и того, и другого является мортальное устрашение потенциальных жертв, а сверхцелью — контроль над их поведением. Все мы спокойно принимали эту ситуацию до тех пор, пока выводили себя за круг этих жертв, за круг «плохих парней», на головы которых допустимо, скажем, сыпать кассетные бомбы по принципу «на кого Бог пошлет!». После взрывов московских домов и нью-йоркской катастрофы 11 сентября до всех нас наконец-то дошло, что расширяющиеся круги террора охватили все чело-

вечество, что потенциальной его жертвой является сейчас каждый из нас.

Более того, история построенных на контртерроре сообществ, к которым принадлежит и наша страна, показывает, что со временем контртеррористические организации, создаваемые в целях защиты общества от террора и постепенно становящиеся основой социального порядка, сами начинают создавать террористический фон для оправдания своего существования (вспомним, не трогая день нынешний, хотя бы плановые списки вредителей и врагов народа, порождаемые аппаратом ЧК-ГПУ-НКВД).

Страны же, положившие в основание своей внешней политики благородную миссию борьбы с международным терроризмом, рано или поздно начинают выбирать жертвы для ракетных ударов и оккупации по принципу детской считалки: «Буду резать, буду бить. Выходи — тебе водить». Основой мирового порядка при этом становится окончание этой считалочки: «Кто не спрятался — я не виноват!».

ПРИНЦИПЫ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Дальнейшие рассуждения имеют практический смысл только при одном условии — власть предержащие также способны понять, что унаследованные ими от XX века методы управления через террор, т. е. через мортальное запугивание[4], чреваты необратимыми последствиями в виде либо ужасов перманентной борьбы протестного и охранительного террора (в котором погрязло сегодня, к примеру, государство Израиль, так ранее гордящееся своими методами контртеррора), либо альтернативных ему, но не менее кровавых форм тоталитаризма как государственного контртеррора, легитимизирующего систему мортального запугивания и контроля[5].

[4] Совокупно данные методы управления были не так давно обозначены В. Путиным как «приоритет винтовки».

[5] Именно таковой системой легитимного контртеррора и был недавно свергнутый режим Саддама Хусейна. Именно поэтому уставшие от смертельного страха военные предали своего командующего и капитулировали перед врагом. Но последующие события показали, что «у убийцы Дракона должны быть драконьи глаза», что режим Хусейна был адекватен тем террористическим угрозам, которые проявились после его свержения и ударили по войскам коалиции, вынужденно принявшим на себя карательные функции.

Будем надеяться, что обильно транслируемые на все мировое сообщество высказывания нынешних российских политических лидеров о том, что «мы все едины в борьбе с международным терроризмом и никаких компромиссов тут быть не может», носят чисто пропагандистский характер и связаны с решением исключительно внешнеполитических задач средствами ни к чему не обязывающей демагогической риторики. Будем на это надеяться, поскольку, как нам представляется, *победа над терроризмом возможна только на путях разумных компромиссов и ответственных решений*, основанных на мудром принятии реальности и не менее мудром отказе от сложившихся в данной области иллюзий и стереотипов.

В основе такой вот «вынужденной мудрости» властвующей воли должен лежать ряд принципов, а точнее — добровольных самоограничений. Каково могло бы быть их содержание?

- Не выстраивать новый социальный миф (потребный массе взамен рухнувшей мифологии системного противостояния) вокруг проблемы террора как некоей планетарной угрозы, как бы ни было это модно и конъюнктурно. Дело в том, что такой угрозы не существует и не может существовать, поскольку террор суть не причина, а всегда только последствие проводимой политики и транслируемой идеологии. В любой социальной мифологии, развернутой в систему тотальной идеологической обработки населения, важнейшим, стержневым ее компонентом действительно является т. н. «образ врага». Но именно здесь и прячется главная угроза, о которой стоит постоянно напоминать власть предержащим: идеологическая проработка мифа, усиленная сегодня манипулятивными возможностями электронных СМИ, создает устойчивую системную иллюзию, постепенно вытесняющую реальность и получающую статус последней. *Придумав некогда глобальную империалистическую угрозу, мы в конце концов ее и породили, извратив в борьбе с этим монстром свои изначальные социалистические ценности и идеалы. Чего мы добиваемся теперь, запуская в мир новый фантом и оживляя его кровью невинных жертв?* Выдвигая на роль «образа врага» злокозненного террориста, потенциально таящегося где угодно — в подъезде дома, в вагоне метро, в

театре, в ресторане и в магазине, можно легко добиться у населения предельного уровня страха и готовности подчиняться любым приказам власти, но не менее легко при этом разрушить саму возможность социального общежития и психического здоровья людей.

- Не использовать фобийные реакции населения на террористические акты даже для самых благих целей (вроде консолидации общественного мнения при принятии непопулярных решений), а уж тем более — для проведения предвыборных кампаний, повышения персональных рейтингов и прочих статусных игр. В интересах самого существования социума *любой террористический акт должен быть подвергнут максимально быстрому и тотальному вытеснению из памяти людей*. Даже простая информация о нем должна подаваться в строго дозированном объеме и в течение строго ограниченного промежутка времени. Это единственная зона, где цензура обязательна даже в самом цивилизованном и либеральном сообществе. Любое упоминание о терроризме вне контекста решения превентивных задач по его искоренению есть информационный террор, который должен караться жестко и незамедлительно. Стержневой фигурой такого вот информационного террора стал сегодня пресловутый Бен Ладен, видеообращения которого, наводящие ужас на целые континенты, с такой готовностью тиражируют средства массовой информации. *Именно безграничность информационного пространства превратила террор в планетарное явление*: только благодаря СМИ, скажем, трагедию 11 сентября с ужасом наблюдало и с необратимыми последствиями для психики переживало несколько миллиардов человек.
- Довериться, как бы это ни было трудно, древней мудрости «Мне отмщение и Аз воздам»: любой террористический акт неизбежно разрушает самого своего инициатора, выводит его за пределы человечности как таковой. Любого же рода силовой отпор делает террор оправданным и мотивированным. Именно для этой цели террористические организации наперебой и берут на себя «ответственность» за произошедшие акты. Они подпитываются энергией контртеррора, без которой быстро и бесследно угасают. И потому сегодня тезис о «непротивлении злу насилием» из плоскости интеллектуальных дискуссий выходит в практическую плоскость сохранения социального мира и безопасности граждан.

Подобного рода принципы можно множить и далее, но давайте остановимся на этих трех. Их достаточно для того, чтобы иметь четкий индикатор, позволяющий компетентно отделять новомодную риторику «борьбы с терроризмом» от политической воли власть предержащих на искоренение биологических, историко-культурных и социально-психологических корней террора как такового.

УРОВНИ МОТИВАЦИИ ТЕРРОРА

При наличии же подобного рода политической воли, ориентирующей власти на ликвидацию террора как культурно-исторического и социально-психологического института, а не на фоновое воспроизведение его и воспроизводимых им террористов, наша задача резко сужается. Понять, адекватно истолковать и превентивно предотвратить нужно не террор как управленческую стратегию и один из чуть ли не обыденных механизмов политического диалога, а террор первичный, архаический, чужеродный для нашей цивилизации, навязываемый ей извне[6].

И такой вот «первичный» терроризм можно понять во всей полноте его проявлений, только рассмотрев все уровни порождающей его мотивации. Давайте попробуем понять — как он вообще возможен, где его корни и, соответственно, где его самые слабые места.

Перечислим уровни такой мотивации, распределив их в регрессивной последовательности по мере угасания родовой, соци-

[6] При иной постановке вопроса говорить о превенциях террора можно лишь набором риторических восклицаний, да и то в закрытом кругу доверенных лиц. Подобно тому как делал это профессор Преображенский в застольных беседах с доктором Борменталем о причинах разрухи: «Разруха не в клозетах, а в головах. Значит, когда эти баритоны кричат: “Бей разруху!” — я смеюсь. Это означает, что каждый из них должен лупить себя по затылку!». Удивляет точность этой ассоциации в отношении первоистоков террора в пореформенной России.

окультурной природы и роста индивидуально-личностной составляющей:

1) *Биологический (популяционный) уровень мотивации,* под которым подразумеваются те самые механизмы естественной саморегуляции человечества как планетарно и популяционно организованной биомассы, которые были обозначены Зигмундом Фрейдом как «первичные позывы», а его учеником Шандором Ференци объяснены как симптоматические отголоски давних биоэволюционных травм. Из множества подобного рода детерминант, ложащихся в основание самой возможности террора как помысла и как деяния, особо отметить чисто популяционное различие в репродуктивных стандартах у различных народов и культур. Именно репродуктивный стандарт, основанный на высокой рождаемости и потенциально высокой детской смертности, инерционно порождает девальвацию ценности жизни индивида перед лицом надындивидуальных целей и ценностей. Порождаемая этим стандартом *роевая идентичность* людей делает для них потенциально возможным использование ритуализированного убийства и самоубийства («И как один умрем в борьбе за это!») как механизмов управления и социокультурной коммуникации. К сожалению, мы не можем четко ограничить кадровый потенциал террора принадлежностью его непосредственных исполнителей к этносам с роевым репродуктивным стандартом. Коллективная (т. е. роевая) психика, как известно, многие тысячелетия была единственной формой существования человеческой психики вообще. Ее власти над нами мы и сегодня жертвуем почти что треть своей жизни, воспроизводя в состоянии сна изначальные, коллективно-симбиотические формы психической активности. Ее рудиментарные следы легко обнаружить в описанном и истолкованном Фрейдом *массообразовании*. И потому, с точки зрения биологической предпосылочности, практически в каждом из нас дремлет потенциальный террорист, т. е. существо, способное к убийству себе подобных (в том числе — и самого себя) во имя неких коллективных целей и ценностей.

О реальной же действенности биологического фундамента терроризма свидетельствуют также и непосредственные проявления популяционного террора, к которым мы сегодня уже пытаемся приспособиться как к обыденному фону существования современной цивилизации. Речь идет прежде всего о демографическом экстремизме, порождающем новое великое переселение народов, расчищающее себе дорогу «мортальным запугиванием» (как в Косовском албанском анклаве), а также — о «ползучей» экспансии всяческой заразы (от регионально ассимилированных наркотиков до популяционных видов вирусов типа гепатита, ВИЧ-инфекции, атипичной пневмонии и пр.).

2) *Историко-культурный (мифологический) уровень мотивации* придает террору его смысл и оправдание, укореняет его в глубинных, архетипических стереотипах ментальных, аффективных и поведенческих реакций. Именно здесь коренится та наивная и слепая вера, под эгидой которой люди убивают других и умирают сами. В традиционных сообществах эту нишу занимает религия, в индустриальных и постиндустриальных — различные формы идеологии и социальной мифологии, генерируемые средствами массовой информации. В не столь давние времена «холодной войны», т. е. тотального, планетарно организованного запугивания и контроля смертью, мифология террора весьма эффективно подпитывался дуальным системным противостоянием, а сегодня, в условиях многополярного расслоения центров духовной власти, его идеолого-мифологическая подпитка усилилась многократно. Зоной особого внимания на этом уровне мотивационной подпитки терроризма является современный ислам, переживающий этапный системный кризис. Все мировые религии, возникшие в недрах родоплеменной архаики традиционных сообществ, в сообществах воинов и пастухов, рано или поздно переживают такой кризисный период (т. н. «реформацию»), связанный со сменой ценностного идеала и привязкой его к обновленным формам обыденности. В свое время такой период пережило христианство, породив конфессионально замотивированный терроризм в диапазоне от Варфоломеевской ночи до самосжигания русских старообрядцев. Теперь пришел черед периода исламской реформации. И человечеству надо постараться пережить его с минимальными потерями.

3) *Этнопсихологический уровень мотивации* конкретизирует биологически-популяционную (роевую) предпосылку террора путем наложения ее на историю и актуальную проблематику существования какого-либо отдельного народа, нации, этнической группы. Террору необходим посредник (коллективный медиатор) для перевода неосознаваемых надындивидуальных энергетических импульсов (биологического и культурно-исторического планов) в сферу поведенческих мотиваций конкретных социальных групп и отдельных людей. И таковым посредником как раз и становится мифологизированная история и коллективная идентичность конкретного народа или же социокультурной группы (басков, арабов-палестинцев, северо-ирландских католиков, косовских албанцев и пр.). Чаще всего этнической базой терроризма становятся народы, в силу особенностей исторической судьбы прочно заложившие в основание своей коллективной идентичности т. н. «витальную тревожность», т. е. фоновый страх этнокультурной ассимиляции и физического исчезновения этноса в результате смены репродуктивного стандарта. Реактивным оборачиванием и формой актуализации такого страха как раз и становится террор.
4) *Групповой уровень мотивации* конкретизирует латентный смысл террора, переводя его в плоскость реального целенаправленного действия. Группа как зона социальной и психологической поддержки нужна террористу для того, чтобы сохранить иллюзию нормальности или хотя бы оправданности замысленного и осуществляемого им акта. Давление групповой морали и безусловность группового поощрения становятся опорой человеку, выходящему за границы добра и зла, попирающему, казалось бы, безусловные ценности человечности как таковой. Даже относительно небольшая, но организованная и самовоспроизводящаяся группа, нагруженная идеологией террора, вполне способна, как свидетельствует российская история, генерировать терроризм, постепенно доводя его до уровня государственной политики.
5) *Уровень индивидуальной психопатологии и социопатии* (естественной или наведенной) определяет саму возможность превращения конкретного человека в *террориста*, т. е. во временно живого мертвеца (зомби), поступки которого определяются совокупностью надындивидуальных детерминант (популяционных, культурно-исторических, этнических и групповых), а поведение — навязанной групповым давлением бредовой моноидеей. Технологичность существующих методик отбора и психологической обработки потенциальных террористов, введения их в особое, т. н. «измененное» состоянии психики и удержания в нем, говорит нам о том, что практически каждый человек, особенно попавший в кризисную ситуацию, может быть искусно подключен к совокупной многоуровневой воле террористической мотивации. Индивид практически беззащитен перед лицом целенаправленной психологической обработки, усиленной групповой суггестией и сублиминальными компонентами психологического кодирования. Именно поэтому *борьба с террором через «отлавливание» террористов так же фиктивна, как борьба с наводнениями, проводимая путем простого вычерпывания воды*. Персонально ориентированный контртеррор только плодит террористов. Тут нужна дамба; т. е. единственно реальной задачей истинных противников террора является его блокировка на уровне надындивидуальной мотивации, победа над ним как над стихией.

АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ

Террор, как мы видим, является регрессивным проявлением первичных, архаических, большей частью неосознаваемых психических ресурсов. Подобно критической массе ядерного заряда, необходимой для взрыва, для формирования реального террористического акта необходимо совпадение, наложение друг на друга и перекрестное детонирование всех пяти уровней порождающей его мотивации[7]. Если же применять более мирные аналогии, то тер-

[7] Речь при этом может идти как об агрессивной вариации террористического акта, так и об аутоагрессивном его варианте. Так, к примеру, анализируя в «Человеке Моисее» причины широкомасштабного террора, развязанного против еврейского народа в конце 30-х годов, Зигмунд Фрейд обнаружил их также и в аутоагрессивном проявлении присущих ему, этому народу, глубинно-психологических качеств — роевой репродуктивной традиции, виктимной коллективной мифологии и этнокультурной дезадаптации.

рористический акт можно уподобить симптому психогенного расстройства, вобравшему в себя и выразившему в себе уникальную совокупность активности многоуровневой патогенной мотивации.

Именно по этой причине террор, понимаемый как спонтанная симптоматическая реакция социального организма, на самом деле *достаточно уникален и весьма уязвим* перед лицом гуманитарных стратегий его предотвращения. Так почему же с пугающей периодичностью гремят взрывы и гибнут люди, почему страх так прочно поселился в душах наших современников? Только ли непрофессионализм антитеррора и его сугубо силовая ориентация тому виной? Прежде чем ответить на этот вопрос и непосредственно перейти к заявленной теме, позвольте вкратце обозначить эффективные и уже имеющиеся в наличии гуманитарные антитеррористические стратегии:

1) Террористически потенциал роевого (биолого-популяционного) типа психики относительно легко побеждается инфицируемым в нее потребительским идеалом. Когда появляется нечто *«мое»*, роевая воля «первичных позывов» меркнет перед лицом нарождающегося *«Я»* как совокупности персональных желаний. Тут достаточно вспомнить реплику недавно задержанной в Москве террористки-смертницы: «Если бы девчонки видели, что на свете есть такие магазины, никто не захотел бы взрываться...». *Товарное совращение*, сопряженное с косвенным контролем через регулируемый уровень потребления, — вот и все, что нужно для разрушения роевого репродуктивного стереотипа. Новейшие пролетарии, т. е. люди, не имеющие ничего, кроме детей, в очередной раз должны быть уничтожены как класс, принудительно нагружены собственностью и социальной ответственностью. Иначе эти их дети станут могильщиками всей нашей цивилизации!

В этой связи стоит отметить, что террор («мортальное устрашение») как таковой не стоит смешивать и даже путать с паразитирующем на нем террористическом бизнесе, когда боевик, наводящий «Иглу» на вертолет над Ханкалой, целится в него и объективом своей видеокамеры, поскольку без этих кадров ему не оплатят смерть сотни российских солдат. Этот бизнес на крови бывает и персональным, и групповым, и этническим, и даже культуральным. В конечном счете он всегда печется о выгоде и победить его при желании несложно, наладив тотальный контроль над теневыми финансовыми потоками. Было бы желание и политическая воля. К проблеме психологии террора все это не имеет никакого отношения. Целью террора является устрашение и контроль над потенциальными жертвами; деньги в этой страшной игре лишь помеха, поскольку создают ряд иллюзий (к сожалению, всего лишь иллюзий) индивидуальной защищенности.

2) Случается, правда, что товарное совращение дает только временный и обратимый антитеррористический эффект. Так, к примеру, в первые недели оккупации Ирака его жители, радуя телекомментаторов стран коалиции, занимались исключительно воровством и покупкой на украденные деньги перегнанных из соседних стран подержанных иномарок (нам это также хорошо знакомо по нашей недавней истории). Но дальше отработанный в Восточной Европе сценарий рухнул. Оказалось, что существуют культурно-исторические факторы, консервирующие и усиливающие биологические корни террора. К счастью, социокультурный компонент мотивации к «мортальному устрашению» врага через манифестируемое убийство или самоубийство носит исключительно реактивный характер. И потому достаточно просто *убрать реальный или же иллюзорный раздражитель*, чтобы погасить реакцию защитного «мортального устрашения». Иногда это дорогого стоит, но другого пути просто нет (так, к примеру, только полный уход англичан из Индии позволил погасить пламя возглавляемого Ганди массового движения «сопротивления через смерть»). Т. е. никакой контроль тут не поможет; тут нужен самоконтроль и взвешенность при принятии силовых решений. Тем более таких решений, как немотивированное нападение на целую страну (имеется в виду все тот же Ирак), целями которого, как и любого террористического акта, были запугивание и контроль планетарного масштаба, т. е. установление нового мирового порядка, основанного на терроре, на страхе немотивированной агрессии и смерти. До президента Буша такое позволял себе только Адольф Гитлер, а до него — Атилла, Чингисхан и Тамерлан.

3) Разрушение деструктивного реактивного образования в сфере социальной мифологии (духовной власти) позволяет обнаружить следующий пласт фундаментальных предпосылок терроризма. Это его интегрированность в этнокультурную традицию и коллективную идентичность строго определенных народов и этнических групп. Здесь речь может идти как о фоновой деструктивности этноса, усиленной и закрепленной его историей, религией и групповой мифологией (к примеру, у чеченцев или крымских татар), так и о зонах своего рода «легализованного терроризма» по отношению к определенным этническим или социальным группам (самый яркий пример такой «целевой деструктивности» — антисемитизм). Стратегия искоренения подобного рода этнических очагов террора проста и понятна — *адресный сверхконтроль и активно стимулируемая ассимиляция*[8]. Под ассимиляций в данном контексте следует понимать в ближайшей перспективе интеграцию в наднациональные социальные институты (наиболее удачно для этих целей подходит любой легальный бизнес), а в отдаленном будущем — растворение в котле грядущей общечеловеческой цивилизации, основанной на неэтнических принципах. Перспективным вариантом ассимиляции представляется также и бегство организаторов террора в страны, где условием предоставления им права на убежище становится беспрекословное принятия ими цивилизационных ритуалов и культурных ценностей. Спокойная жизнь Закаева в Великобритании или же Яндарбиева в Катаре, их лояльность властям, их законопослушность подрывает их потенциал как лидеров террора. Их смерть, а тем более убийство в ходе теракта, многократно усиливает этот потенциал.

Важную роль при этом может сыграть и стратегия перевода подспудной деструктивности подобного рода этноса в социально приемлемое охранительное русло, что лишает террор его этнической базы (самый яркий пример подобного рода трансформации — история казачества). Но в любом случае, даже при полном игнорировании всего сказанного выше, эффективный антитеррор может опираться только на учет специфичности этнических стереотипов террористической мотивации. Примером тому может служить, скажем, непременное разрушение дома, где живет семья террориста-смертника, практикуемое как превентивная мера спецслужбами все того же Израиля на оккупированных палестинских территориях.

4) Групповое же подкрепление террористической деятельности — это единственная сфера, где силовой антитеррор оправдан и показан, где он должен стать не долговременной политикой сдержек и противовесов, а быстрым и адресным силовым реагированием. Террорист — это всегда одиночка; перед лицом смерти человек всегда один, даже если он действует в составе террористической группы. Но лишь организация, генерирующая террор как форму проявления своей программной идентичности, придает этой смерти реальный смысл. Бессмысленная же смерть не привлекательна даже при наличии психопатологической сверхмотивации (вспомним хотя бы Кириллова из «Бесов»). Лечение этой групповой напасти носит чисто хирургический характер — *контроль, раннее выявление и организационное уничтожение* через выведение из правового поля, дискредитацию программной идеи и изоляцию лидеров (духовных вождей). Как бы, к примеру, ни был тих и интелли-

[8] Именно этот путь — путь социокультурной ассимиляции, смерти этноса во имя спасения жизни людей — предлагал Зигмунд Фрейд своему родному еврейскому народу как альтернативу сионизму. Последний, по его мнению, как раз и был формой трансформации популяционно и мифологически нагруженной аутоагрессии еврейства в систему государственно организованного террора. Путь ассимиляции привел бы к социокультурной «смерти» этноса, но гарантированному сохранению жизни отдельных людей; путь государственного террора реанимированного Израиля — к гибели множества людей во имя сохранения этноса в пространстве древнего мифа. Доводы Фрейда убедили многих. Но немало евреев все же отправились в Палестину, возродив в себе архаику мифа и подчинившись роевой воле родового начала. Финал нам известен — непрекращающаяся череда смертей и тоталитарное государство, организованное исключительно вокруг задачи охранительного террора и возглавляемое наиболее отличившимися командирами контртеррористических спецподразделений. И это бы еще ничего — народ Израиля сделал свой выбор и платит за него своими жизнями. Хуже другое — из подобного рода очагов терроризма немотивированное насилие транслируется и на другие страны, а его эскалация носит все более и более масштабный характер. Так, к примеру, духовный лидер сионистского терроризма Меир Кахане был убит в Нью-Йорке в 1990 году тем самым Эль-Саидом Носайром, который впоследствии стал организатором взрыва в Центре международной торговли.

гентен Э. Лимонов, как бы ни считал упоение кровью убитых врагов лирического героя, скажем, своего «Дневника неудачника» элементом чистого рода художественной фантазии[9], несомненна опасность его личного и информационного соприкосновения с неокрепшими юношескими умами. И такой контакт не должен быть закреплен в организационной форме. Это аксиома выживания любого берегущего свое здоровье социума. Зоной особого внимания здесь должны стать подростковые и студенческие субкультуры, а формой трансформации возрастного экстремизма в ответственный охранительный патриотизм в России всегда была армия.

5) Что же касается индивидуальной составляющей террора, то, в силу слабости и беззащитности индивида перед лицом родового, мифологического, этнического и группового суггестивного давления, единственной стратегией ее превенции может служить *усиленное внимание к людям, попавшим в кризисное состояние*, лишившимся привычных ритуалов (семейных, трудовых, корпоративных, и пр.), т. е. патронируемая государством церковная организация и примыкающая к ней сфера т. н. «социальной работы». Важно также при этом по возможности избегать излишнего педалирования темы террора в средствах массовой информации, чтобы не спровоцировать у человека, находящегося в «пограничной ситуации», тенденциозныйинтерес к подобного рода решению своих проблем[10]. Абстрактность подобного рода рекомендаций говорит сама за себя: если мы упустили из виду коренные причины террора и систему его этно-групповой поддержки, если мы воюем с террористами, а не с террором как таковым, то мы обречены — на месте одной отрубленной головы этого Дракона тут же вырастут несколько новых.

---

9 «Я люблю дерево смерти в крови у ствола и чью-нибудь судьбу, короткую для примера», и т. п.

11 Мне кажется, что информационное выпячивание темы террора, к примеру, в США вносит немалую лепту в появление лиц, внутренние конфликты и комплексы которых изливаются в виде винтовочных или пистолетных выстрелов на ни в чем не повинных случайных людей. Ничего похожего не наблюдается в странах, жестко цензурирующих подачу информации о террористических актах.

ПОСТАНОВКА ЦЕЛИ

Психология террора сложна и многогранна, поскольку, как мы видим, терроризм выводит на поверхность и предъявляет нам во всем его своеобразии архаичный пласт нашей коллективной психики, являясь ее ритуальным проявлением.

Но в целом можно сказать, что у террора есть только три смысла, ради реализации которых он возникает и воспроизводится:

во-первых, он, несомненно, есть *акт устрашения* на этот раз выживших людей фактором возможности и для них случайной, немотивированной смерти;

во-вторых, террор явно транслирует *запрос на подчинение* (подконтрольность) на сообщество возможных жертв, в которое сегодня потенциально вовлечен каждый из нас;

и наконец, в-третьих, он несет в себе некое *коммуникативное послание*, символически выстроенное, подобно симптому или сновидению, в рамках которого (и только в этих рамках) проявляют себя все ресурсы нашей психики, выходящие за границы поля сознания и не способные реализоваться в пределах персональной и социально приемлемой психодинамики.

Первые два смысла лишь кажутся значимыми; на самом же деле они сугубо вторичны. Страх как таковой (т. н. «защитная боязнь») есть, как мы знаем, разновидность психической защиты, выраженной в предельно архаической и предельно аффектированной форме. Подобного рода защита срабатывает в ситуации сверхтравмы, когда пасуют персональные защитные ресурсы нашей психики, обычно обозначаемые термином «Эго». В такого рода ситуации, обычно инициированной событиями, выходящими из ряда нашего обыденного опыта, нам на выручку спешат глубинные, архетипические защитные ресурсы психики, до поры до времени хранящиеся в ее телесной укорененности и коллективной природе. Индивидуальная психика при этом обратимо видоизменяется (что обычно называют «измененным состоянием сознания», ИСС), а вошедшие в ИСС люди легко управляемы, контролируемы, подвластны. Т. е. страх и подвластность на проверку оказываются не смыслом террора, а его атрибутами, его неотделимыми качествами. Так, к примеру, обучение людей непременно приводит к их инфантилизации; но вряд ли корректно было бы приписывать ему таковую смысловую нагруженность.

Первичным же и единственно значимым в данной ситуации является именно коммуникативное послание, выносимое террором на поверхность нашего сознания и заглушаемое, искажаемое страхом, суггестией и разного рода компенсаторными рационализациями. Страх и подчинение призваны служить этому посланию и обеспечивать его сверхценный статус. Понять же его смысл можно только при условии выхода за пределы «человеческой ситуации», рассмотрения ее как бы со стороны и понимания символического языка бессознательного, на котором оно сформулировано. Цель эта проста и общеизвестна; клинический психоанализ давно уже сформулировал ее и деятельно реализовал по отношению к отдельной страдающей человеческой личности. Когда же мы говорим о страданиях человечества и о том, как мы можем ему помочь, то речь идет о *выявлении компонентов коллективного бессознательного, являющихся нам в актах терроризма как в симптомах социального системного заболевания, принятии их, аффективном их переживании и приспособлении к их наличию в нас*. Нам всем придется измениться таким образом, чтобы выйти из состояния конфликта с ними. Или же дальше множить симптоматику террора.

Т. о., понимание, нагруженное целью (в таком случае называемое «интерпретацией»), может быть положено в основание коррекционного вмешательства, т. е. той самой терапии культурного сообщества, о которой мечтал на закате своей жизни основоположник психоанализа и принципы которой он сформулировал в своей книге «Неудовлетворенность культурой» (1930). Рассматриваемая тема позволила глубже понять смысл известной фрейдовской фразы, практически заключающей, резюмирующей данную его книгу: «*Что же касается терапии, то даже самый приближенный к реальности анализ социального невроза ничем бы не помог — кто располагает таким авторитетом, чтобы принудить массу лечиться?*». Обыденным стало рассуждение, что речь тут идет об авторитарных иллюзиях позднего Фрейда, разочаровавшегося в гуманитарных стратегиях «социальной терапии». Террор, показавший нам тенденцию превращения социальных неврозов в тяжелое психосоматическое заболевание, грозящее гибелью всему человечеству как планетарному организму, требует от нас переосмысления данного фрейдовского завета. Фрейд говорил не о силовом авторитаризме, а именно об авторитете как праве на духовную власть. *Таким авторитетом сегодня, как эти не парадоксально, гораздо чаще обладают именно лидеры террора*. Само понятие «духовный лидер» стало нарицательным синонимом слова «подстрекатель» и используется зачастую лишь для обозначения цели для очередной контртеррористической акции возмездия. *А где духовные лидеры гуманитарного антитеррора?* Где та светская Церковь, служить которой призывал Фрейд своих коллег психоаналитиков еще в далеком 1926 году? Возможно, что ужасы террора и контртеррора, разворачивающиеся и умножающиеся на наших глазах, это и есть родовые схватки ее появления на свет (как христианская Церковь в свое время родилась в муках людей, невинно умирающих на аренах цирков и в децимациях). Церковь вырастает на крови мучеников. Но для того чтобы она выросла, нужно не только мучиться, но и строить.

ЯЗЫК ТЕРРОРА: ОТ ПОНИМАНИЯ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Надеюсь, что стоящая перед нами задача немного прояснилась и стала более конкретной. Не понятны пока лишь значения обозначенных в ней переменных, т. е. тех осмысляемых и истолковываемых нами деструктивных импульсов неведомой нам пока «встречной воли», которые суммарно являются нам в каждом акте террора (и в каждой провоцируемой им массовой фобийной реакции) и которые не оставят нас в покое, пока мы не прислушаемся к ним и не сможем на них адекватно отреагировать.

Самое время вернуться к уже формулированным в начале данного текста вопросам: *Кто, или, точнее, что разговаривает с нами на языке террора? Можно ли понять и истолковать смысловую нагрузку этого языка? Что нужно сделать, какими надо стать, чтобы больше не получать подобного рода посланий*?

В области исследования социальной патологии сегодня назрел прорыв в понимании того факта, что симптомы социопатии, самым тяжелым из которых сегодня как раз и является анализируемый нами террор, символичны, т. е. имеют неявный смысл и потенциально ведут нас к пониманию выражаемых ими фундаментальных конфликтов и проблем, как раз и составляющих сущность заболевания. В сфере индивидуальной психопатологии подобный

прорыв был совершен, как мы помним, великим Шарко, чьи идеи о смысловой нагруженности невротических симптомов, будучи подхваченными Жане, Фрейдом и их последователями, как раз и породили то, что мы сегодня называем психотерапией. Оказалось, что процедура интерпретации терапевтична сама по себе, поскольку позволяет, во-первых, рационально проработать истоки заболевания, сняв тем самым страх перед неизвестностью, а во-вторых — трансформировать мучительный симптом в вполне приемлемый искупительный ритуал. Лежащее же в основании симптома неосознаваемое чувство вины при этом превращается во вполне необременительную повинность, в классическом психоанализе принявшую форму регулярной денежной дани. И тут нет ни грамма иронии, напротив, к нашему счастью, оказалось, что от деструктивного импульса надличностных сил можно просто откупиться; и если не деньгами, то их первоосновой — эгоцентричными желаниями.

Психоаналитически ориентированная интерпретация симптома, к тому же, уводит его смысл в поле *трансцензуса*, т. е. запредельного нашему опыту пространства мотивации, традиционно обозначаемого термином «бессознательное». В нашем случае метафорой «бессознательного» мы будем обозначать нечто среднее между планетарным разумом, «ноосферой» В. И. Вернадского и юнговским «коллективным бессознательным», как носителем наследуемой инстинктивной архаики. Симптоматическим языком террористических актов с нами говорит некое общечеловеческое ЭГО, т. е. сила, стремящаяся защитить всех нас, живущих на этой планете, от нас самих, подпавших под власть Танатоса и стремительно продвигающихся по пути планетарного самоубийства. С одной стороны, это ЭГО не разумно; оно, подобно клоуну на арене цирка (знаменитая фрейдовская метафора), лишь воспроизводит в ослабленном, демонстрационном режиме усилия реальных силачей, энергетическая мощь которых зиждется на биолого-эволюционном (роевом) и историко-культуральном (мифологическом) основаниях. С другой стороны, такое ЭГО не может служить ни инстинктам смерти, ни роевым инстинктам организменного выживания человечества (Эроса); оно всегда конструктивно по отношению к цивилизации и культуре, но эта конструктивность не исключает критики и силовой коррекции.

Почему же мы раньше не слышали голоса этого планетарного ЭГО? Почему он, этот голос, мог выражать волю глобальных психзащит только негативно, посредством формирования коллективных маний и бредовых состояний, оставлявших на теле человечества мучительные симптомы национальной и расовой розни, войн и революций, террористических актов и катастроф, порожденных «человеческим фактором»? У него просто не было адекватного средства для самовыражения, адекватной среды для позитивного проявления собственной воли. И вот теперь, с появлением планетарно организованного информационного поля, его голос может быть услышан, а его воля может быть исполнена. С появлением глобальной информационной сети террор становится способом перераспределения коммуникативных потоков, а террористический акт — информационным событием, способным изменить мир в том виде, в каком мы его принимаем из рук всемирных информационных агентств.

Со временем, возможно, прикладные психоаналитические исследования позволят выделить и систематизировать десятки защитных механизмов планетарного ЭГО, заложив тем самым основание для практической реализации той самой «социальной терапии», которая грезилась Фрейду накануне Второй мировой войны как некая панацея от грядущих глобальных потрясений. Сегодня же давайте прислушаемся к голосу того из них, который можно условно обозначить как ***«мортальное запугивание»***. Тем более что не прислушаться к его громовому голосу, голосу террора, многократно усиленному и растиражированному средствами массовой информации, уже просто невозможно.

Итак, приступим к анализу. Для ответа на наши вопросы нам придется снова, уже в третий раз, пройтись по выявленным и частично уже проанализированным выше пяти уровням глубинной мотивации террора:

1) На планетарно-биологическом (роевом) уровне его мотивации террор представляет собой явно выраженный *приказ вернуться к традиционным для прошлого века планетарным страхам*. Речь при этом идет о самореализации глобального защитного механизма, реализующегося по принципу: ничего личного; ты, индивид, гибнешь для того, чтобы выжил род человеческий. Рассматриваемый с этой точки зрения террор — это не угроза человече-

ству, это его попытка выжить путем привлечения внимания к реальным угрозам, от которых мы беспечно отвлеклись, — техногенным авариям, экологической опасности, наличию запасов оружия массового поражения и пр., путем болезненного напоминания о смерти как расплате за безответственную беспечность. Террор порождает боль и тем спасает нас, привлекая внимание к болезни[11].

Современный террор возвращает планетарным страхам адекватный для них статус первичных геополитических детерминант. Террорист, угрожающий всему человечеству посредством захвата ядерной подводной лодки или же запасов химического оружия, практически (в основном, слава Богу, благодаря усилиям современного кинематографа) превратился в метафору Антихриста, предтечи Апокалипсиса. Человечество, оперативно реагируя на сиюминутные проблемы, постепенно накопило потенциал для своего многократного самоуничтожения. И террор выступает своего рода модельной демонстрацией ужасных последствий возможного планетарного катаклизма. Он весьма наглядно показывает нам, что *все мы, живущие на Земле, являемся террористами-смертниками, нашим «поясом шахида» стала вся планета, а нашими заложниками — все живое на этой планете. Террор призывает нас измениться перед лицом угрозы планетарной катастрофы, объединить усилия в борьбе за выживание человечества*. А для этого нам нужно перевести подспудный ужас, рождаемый террором, в набор алармистских фобийных рационализаций типа былых прогнозов «Римского клуба» (в соответствии с которыми, кстати говоря, все человечество уже давно должно было прекратить свое существование на этой планете). А их, в свою очередь, положить в основание нового типа мировоззрения. Эсхатологическая позиция духовного единения и духовной трансформации перед лицом глобальной апокалипсической угрозы однажды ведь уже спасла человечество, даровав ему новую веру и новую цивилизацию. Я имею в виду рождение Христианства. И тогда, кстати, тотальный терроризм был предтечей прорыва в духовном развитии человеческих масс, а метафорой такого прорывы стал Христос — безвинная жертва (агнец) террора отжившей системы государственной и духовной власти (прокуратора и синедриона).

[11] Таков же механизм образования аутоагрессивных симптоматических действий (вроде якобы нечаянных ушибов или порезов), которые обозначают наличие неосознаваемой вины и дают возможность перевести ее в искупительный ритуал и отреагировать, не доводя дело до образования симптома.

В этом плане террор одноприроден феномену НЛО, проанализированному К. Г. Юнгом в его последней книге — «История одного мифа». Террор одноприроден феномену НЛО, но одновременно и противоположен ему. Если феномен НЛО зиждется исключительно на проективном проявлении психологии детской слабости и отчаяния перед лицом непосильных проблем, то террор потенциально способен простимулировать формирование у человечества взрослой и ответственной позиции. Он ставит вполне разрешимые задачи и с вполне оправданной жесткостью указует путь к их разрешению.

В рамках же противостояния репродуктивных стандартов биологически (популяционно) замотивированный террор является силовым напоминанием о непоследовательности нашего миссионерского гуманизма. Мы ведь в ответе за тех, кого приручили, кому не дали умереть в естественной борьбе за существование, вмешавшись в естественную саморегуляцию репродуктивного стандарта, взяв на себя ответственность Творца: «Плодитесь и размножайтесь...». И теперь, сказав «нет» высокой детской смертности в развивающихся странах, вызвав там бурный рост населения и связанные с ним социально-экономические и политические катаклизмы, мы должны, жертвуя многим, перевести эти народы на новый уровень потребления и, соответственно, новый тип репродуктивности. Альтернативы тут нет; пренебрежение фактором «демографической угрозы» породит настолько кошмарное будущее, что нынешний «разгул международного терроризма» покажется нашим внукам благословенным Золотым веком спокойствия и безопасности.

2) Культурно-исторический (мифологический) смысл террора также не слишком сложен, но предельно серьезен. Речь идет о *запросе на коренную модернизацию и взаимосогласование всей системы существующей социальной мифологии*. Идейный кризис традиционной культуры (и прежде всего — традиционной религиозности), породивший в конце XIX века сам феномен терроризма, должен быть наконец-то преодолен. Сам этот кризис, кстати говоря, был порожден неспособностью традици-

онных религий и идеологий измениться перед лицом обозначившихся планетарных тенденций, интегрироваться в систему наднациональной коммуникации. Индивиды, попавшие тогда в невыносимую ситуацию невротического конфликта между заложенными в их личном бессознательном поведенческими и ценностными стереотипами и не соответствовавшими им адаптивными запросами обновляющейся социальной среды, нашли помощь и опеку со стороны духовной власти нарождающейся психотерапии. А вот этносы и социальные группы оказались в плену психологического кризиса. В конечном счете это породило мировую войну, угрозу фашизма[12] и ликвидацию этой угрозы посредством установления систем тоталитарного контроля нам массами.

Столетняя отсрочка, которую мы получили, загнав культурально замотивированный террор сначала в тиски тоталитарно организованной социальности, а затем — в ловушку планетарных ядерных угроз, закончилась. Проблему эту нужно решать сегодня и сейчас; иначе она «порешит» всех нас. Основой новой социальной мифологии (новой идеологии) явно не может стать «миф XX века», специфичная культура которого открыто предполагала терроризм как условие и оправдание самого ее существования[13]. Скорее всего, речь тут может идти только о модернизации традиционных компонентов духовного наследия человечества в свете выявившихся и агрессивно себя проявивших планетарных детерминант.

[12] Напоминаю, что *фашизм* — это форма архаичной фобийной самоорганизации массы по принципу «Мы вместе и нам не страшно» (фашина — это связка веток, которую, в отличие от отдельного прутика, трудно сломать). Естественным образом возникающий фашизм деструктивен по отношению к любой власти, стихиен и неуправляем. Единственной формой сохранения государственности в зараженном фашизмом сообществе является силовой тоталитарный режим, вводящий агрессивные импульсы фашиствующей массы в структуру государственной политики (т. е. постоянно создающий и обновляющий для нее потребный ей образ врага и разрешающий отыграть на этом враге потенциал своей реактивной, производной от страха, агрессии).

[13] Чтобы понять это, достаточно сравнить классический марксизм, ставший во второй половине XIX века ответом на потребность в появлении альтернативной религии гуманитарной идеологии, и марксизм-ленинизм, порожденный XX веком и ставший идеологическим оправданием внутриполитического и межгосударственного террора.

Нам нужен интергативный, экуменический миф, на базе которого, надеюсь, со временем возникнет и обновленная единая религия человечности. Нашими кумирами на ближайший период истории, скорее, должны были бы стать Вернадский и Тейяр де Шарден, а уж никак не Столыпин или Бисмарк. Творцы великодержавных проектов и «новых национальных идей» должны быть заклеймены как в лучшем случае «слепые вожди слепых», ведущие нас всех к общей яме. Гремучая смесь державности и национальной исключительности породила ныне такой всплеск протестного и охранительного экстремизма, что пора уже нам всем опомниться и смирить былую гордыню. Любая «великая национальная идея», рассматриваемая в принятой нами клинической аналогии, суть патогенная основа очередной раковой опухоли планетарного организма, разрушающая его здоровье, а терроризм — это боль, указующая на необходимость операции по ее удалению. Сегодня пока еще такая операция может быть проведена на виртуальном, идеолого-информационном, теле человечества. В запущенном же состоянии заболевания она принимает вид локальных и мировых войн, требует от человечества обильных жертвоприношений.

Для конкретизации подобного рода размышлений стоит обратить внимание на тот факт, что сигнал на модернизацию и взаимосогласование глобальных (геополитических) социальных мифов дал нам всем все тот же обновляющийся ислам, из племенной религии погонщиков верблюдов, из идеологии арабо-тюркской территориальной и культурной экспансии на наших глазах превращающийся в духовную силу планетарного уровня. Террор той же «Аль Каиды» в историко-культурном его осмыслении есть не что иное, как стимул к понимаю этого события и принятию его как свершившегося факта. Болевой стимул террора подобен тому уколу острой палочкой, при помощи которого погонщик-бедуин управляет движением своего верблюда. И бессмысленно пытаться превращать сложившуюся ситуацию в техасское родео, делать резкие движения и пытаться сбросить седока. Бессмысленно не потому, что он силен по сравнению с нами (скорее наоборот — он слаб и полностью от нас зависим), а потому, что бедуин и верблюд едины в своем стремлении выжить в знойной пустыне и способны выживать только совместно.

Вот это и есть образное выражение нового планетарного мифа. Нравится оно кому-либо или же нет — уже неважно. Важно то, что неприятие его равносильно смерти, что всем нам в очередной раз делают предложение, от которого мы просто не можем отказаться.

3) В этнопсихологическом его смысле террор пытается заставить нас *сменить национальный стандарт организации социальности на приоритет планетарных, общечеловеческих ценностей*. К сожалению, кризис мировых религий практически подорвал ту тенденцию к формированию наднациональной планетарной идентичности, которая была обозначена великой заповедью: «Несть эллина, иудея и варвара, есть лишь братия во Христе!». Мировые империи XX века с их воинствующим интернационализмом также не смогли унифицировать национальные культуры подвластных им народов. Может быть это все были ложные пути и национальное самоопределение, основанное на голосе крови и витальном страхе, есть путь в будущее человечества? Нет, говорит нам террор — это путь к его смерти. С появлением у человечества единой души принцип монотеизма должен восторжествовать и в его теле (подобно «монотеизму» группы крови в организме отдельного человека). Террор, продуцируемый национально ориентированными сообществами, говорит нам все явнее и яснее — обратите внимание на моих носителей и сделайте все возможное для их этнокультурной ассимиляции в системе наднациональных доминант коллективной идентичности. Каким образом это может быть сделано? Тут нет единого рецепта. Но по отношению ряда этносов (например — русского народа) эта задача уже решена. По отношению же к другим — вполне решаема (так, к примеру, конкретная рецептура социальной терапии этнической пассионарности еврейской нации четно прописана в «Моисее и монотеизме» З. Фрейда).
4) Групповой смысл террора заключен в силовой демонстрации *недостаточности ценностно-мотивационных подключений к социуму отдельных социальных слоев и групп*. В период назревания и развертывания системного кризиса традиционной культуры одной из форм его купирования стала опора властвующей воли на роевые доминанты коллективной психики, на волю подавляющего большинства населения, что неизбежно порождало и до сих пор порождает фоновое упрощение и нивелировку нюансов социодинамики. Появляющиеся при этом маргинальные группы населения (отдельные группы молодежи, старики, безработные, инвалиды и пр.) практически исчезают с социального поля, социально умирают. Средством социального воскрешения для них становится информационная среда, а способом контроля над нею — террор. Помимо информационной блокады, как средства купирования подобного рода террора, для его превенции необходимо искусственное усложнение социальной политики, перспективное дробление тела социума на пока что вакантные и открытые для использования групповые роли.
5) Индивидуальный смысл террора лучше всего был выражен названием книги Ю. Трифонова, посвященной жизни российских террористов-народовольцев. Она называлась — «Нетерпение». Речь идет о *прорыве к обретению «Я» в смерти* (описанная Достоевским как «кирилловщина») человека, воспитанного и живущего в системе коллективных (роевых) ценностей. Искушения индивидуации заставляют гусениц пытаться сразу же стать бабочками, минуя промежуточную стадию окукливания и вызревания. Благодаря террору на минуты, часы, а то и дни такой вот «полуфабрикат» становится человеком планетарного масштаба, входит в поле мысли и чувств миллиардов людей. Этот крик террора к работе планетарного ЭГО никакого отношения не имеет. Он демонстрирует просто отвратительную работу жрецов, т. е. профессиональных идеологов и манипуляторов массовой психикой. При качественно выстроенной системе ценностно нагруженной пропаганды, усиленной формами сублиминального управления и контроля, подобного рода прорывы к обретению «мортального Я» становятся не террористическим актами, а подвигами самопожертвования, вокруг которых выстраиваются культы ритуального поклонения.

Проблемы, пусть далеко и не все, уже, безусловно, поставлены. Дело за «малым» — человечество должно захотеть их решить, т. е. измениться, прислушавшись к смыслу воистину «убийственных» аргументов террора. Или не меняться, угрюмо смыкая ряды после каждого взрыва и воспроизводя террор все более масштабными антитеррористическими операциями. Выбор за нами. Время еще есть.

С. В. Чермянин, В. А. Корзунин[1]

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАДАПТАЦИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ, ПРИНИМАВШИХ УЧАСТИЕ В КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЯХ[2]

Многолетнее изучение особенностей психофизиологического состояния и поведенческих реакций лиц, осуществлявших профессиональную деятельность в боевых условиях (Афганистан, миротворческие операции в Закавказье, Приднестровье, Югославия, Северный Кавказ, и др.), позволили выявить определенную закономерность в динамике адаптации военнослужащих к экстремальным условиям деятельности. В частности, были выявлены четыре основных периода:

- начальный период адаптации к экстремальным условиям деятельности;
- период относительной нормализации функциональных возможностей организма и профессиональной работоспособности;
- завершающий период (период дезадаптационных проявлений);

[1] Чермянин Сергей Викторович — начальник научно-исследовательского отдела Российской Военно-медицинской академии, доктор медицинских наук, профессор; Корзунин Владимир Алексеевич — заместитель начальника научно-исследовательского отдела Российской Военно-медицинской академии, доктор психологических наук, кандидат медицинских наук.

- период реадаптации к службе в мирных условиях.

Начальный период характеризуется общими адаптационными перестройками организма и личности к неблагоприятным экологическим и социально-психологическим факторам экстремальной деятельности. Данный период сопровождается временным снижением функциональных возможностей организма и уровня профессиональной работоспособности военных специалистов. На начальном периоде у военнослужащих достоверно повышается уровень ситуационной тревожности, ухудшается самочувствие и настроение, отмечается манифестация жалоб на состояние здоровья. Одновременно в данный период времени у военных специалистов происходит снижение переносимости нагрузочных проб, ухудшаются показатели профессиональной деятельности с одновременным увеличением количества ошибочных действий. Начальный период адаптации к экстремальным условиям продолжается от 2-х недель до 1–1,5 месяцев в зависимости от конкретных условий деятельности военнослужащих.

Во втором периоде у большинства военных специалистов отмечается относительная нормализация функциональных возможностей организма и формирование нового динамического стереотипа профессиональной работоспособности. К этому периоду времени в основном завершается период острой адаптации к новым климато-географическим факторам региона и необычным условиям боевой обстановки, формируется новый уровень относительно устойчивого функционирования регуляторных систем организма и личности. В данный период военнослужащие отличаются приверженностью группе, ориентированы на корпоративные и групповые интересы и обладают наибольшей толерантностью к профессиональным нагрузкам.

Третий период характеризуется развитием выраженных дезадаптационных нарушений и прогрессивным снижением уровня профессиональной работоспособности. В данный период наблюдаются значительное ухудшение самочувствия, появляются многочисленные жалобы на состояние здоровья, отмечается выраженное снижение нервно-психической устойчивости и качества профессиональной деятельности специалистов вплоть до полного отказа от выполнения служебных обязанностей.

Длительность периодов адаптации во многом зависит, с одной стороны, от исходного уровня функционального состояния организма и личностных особенностей человека, с другой — от уровня боевой нагрузки. Так, развитие выраженных дезадаптационных нарушений у военнослужащих, осуществлявших чрезвычайно напряженную и напряженную профессиональную деятельность на фоне реальной витальной угрозы, отмечалось уже к 3–6 месяцам нахождения в боевых условиях.

После вывода боевых контингентов из районов боевых действий наблюдается новый, достаточно болезненный период адаптации к условиям службы в мирных условиях (период реадаптации), который имеет свои, менее изученные закономерности. Многими исследованиями сотрудников ВМА установлено, что после вывода из районов боевых действий у 80–100 % офицеров и рядовых отмечались выраженные признаки астенизации, проявлявшиеся многочисленными жалобами на состояние здоровья, снижением уровня нервно-психической устойчивости и существенным ухудшением изучаемых психофизиологических показателей. Выявленные нарушения свидетельствуют о серьезных нарушениях в нервно-психической сфере обследованных комбатантов. Одновременно было отмечено, что у большинства военнослужащих срочной службы во время нахождения в боевой обстановке формируются определенные социально нежелательные стереотипы поведения, которые неприемлемы как в ходе военной службы в мирных условиях, так и последующей жизнедеятельности комбатантов.

Необходимо отметить, что во многих экономически развитых странах мира уделяется самое пристальное внимание совершенствованию медико-психологической помощи комбатантам после возвращения их из районов боевых действий. Это объясняется тем, что в большинстве случаев посттравматические стрессовые расстройства начинают развиваться уже спустя 1–3 месяца после ситуации витальной угрозы и в дальнейшем имеют тенденцию не только не исчезать, но и со временем становиться более выраженными, зачастую внезапно проявляясь на фоне общего благополучия.

Начало плановых исследований по изучению посттравматических стрессовых нарушений было начато в США в конце 60-х годов в связи с необходимостью оказывать помощь американским ветеранам войны во Вьетнаме. Однако первостепенное значение этой проблемы стало особенно очевидным уже к середине 70-х годов, когда американское общество столкнулось с девиантным поведением ветеранов вьетнамской войны.

Подобная картина наблюдалась как у участников боевых действий Афганистане, так и у военнослужащих, принимавших участие в контртеррористических операциях на территории Чеченской Республики. Для них свойственно обостренное чувство справедливости, повышенная тревожность, настороженность, избирательность контактов и др. Характерным является также и выраженное скептическое отношение к оказываемой бывшим комбатантам государственной и общественной помощи. Во многих случаях социально-психологическая дезадаптация ветеранов боевых действий служит причиной алкоголизма и антисоциальных поступков. При этом употребление алкоголя приобретает характер выраженной зависимости, а алкоголизация выступает как один из факторов в формировании невротического состояния (Знаков В. В., 1990, 1991, Решетников М. М., 1991, Маклаков А. Г., 1996, Шустов Е. Б., 1996, Чермянин С. В., 1997, Сидоров П. И., Литвинцев С. В., Лукманов М. Ф., 1999).

С целью изучения процессов социально-психологической реадаптации боевых контингентов к службе в условиях мирного времени в 1995–1996 гг. и 1999–2000 гг. было обследовано более 550 военнослужащих срочной службы спустя 2,5–3 месяца после вывода из районов боевых действий к месту постоянной дислокации.

В качестве методик исследования применялись: методы социально-психологического изучения и психологического обследования: биографическая анкета; анонимная анкета для оценки отношения обследуемых к службе, а также динамики социально-психологического климата в воинском коллективе; параметрическая социометрия; анкета САН; опросники «Прогноз», СМИЛ, 16-ФЛО, шкала Спилбергера, тест Розенцвейга для оценки социальной адаптированности и характера реагирования на конфликтные и фрустрирующие межличностные ситуации.

В период обследования подразделения имели «смешанный» состав и включали как военнослужащих, имевших боевой опыт, так и лиц, не участвовавших в боевых действиях. В процессе об-

следования все военнослужащие были разделены на две группы. В первую (основную) вошли военнослужащие, участвовавших в боевых действиях. Во вторую (контрольную) вошли военнослужащие срочной службы из тех же подразделений, проходивших службу в мирных условиях.

В качестве другой контрольной группы (контроль-2) выступали более 150 военнослужащих так называемых «однородных» подразделений, личный состав которых не участвовал в боевых действиях.

Результаты исследований свидетельствовали, что практически сразу после вывода военнослужащих из боевых действий у командиров (офицеров) возникли определенные трудности в поддержания уставного порядка в подразделениях. Было отмечено резкое ухудшение морально-психологического климата в частях и подразделениях и появление конфликтов между военнослужащими из числа боевых контингентов и вновь назначенными командирами, не имевшими боевого опыта.

Проведенный математико-статистический анализ полученных данных позволил установить, что в основной группе десантников имелось достоверное снижение показателей нервно-психической устойчивости (НПУ по методике «Прогноз»), определялась тенденция к повышенной ситуационной тревожности (шкала Спилбергера), а также более низкие значения показателей субъективной оценки самочувствия по методике «САН» (табл. 1).

Непосредственные наблюдения и проведенные исследования свидетельствуют о том, что военнослужащие, принимавшие длительное участие в боевых действиях, в период адаптации к мирным условиям, смены ритма жизни и социальных условий службы проявляли склонность к повышенной эмоциональной лабильности, напряженности и тревоге, сочетавшимся с некоторой неуверенностью в себе, утратой интересов к работе и службе.

Проведенные исследования свидетельствовали также, что почти 70% военнослужащих «основной» группы предъявляли по несколько жалоб (2—3) на состояние своего здоровья, а более 15% обследованных лиц предъявляли от 5 до 11 жалоб, в основном имевших невротическую природу (плохое самочувствие, сниженное настроение, головокружения, головная боль, мышечная слабость, инсомнические нарушения и др.). В контрольной выборке количество таких лиц было в 2—3 раза меньшим (табл. 2).

Таблица 1

Результаты сравнительного анализа показателей психологических методик, направленных на оценку нервно-психической устойчивости и эмоционального состояния

№ п\п	Наименование методик, единицы измерения	Величина исследуемых показателей в группах (M ± m)	
		Основная группа (n = 62)	Контрольная группа (n = 49)
1.	Методика «Прогноз» (уровень нервно-психической устойчивости), стены	5,15 ± 0,24	6,10 ± 0,32**
2.	Шкала Спилбергера (уровень ситуационной тревожности), баллы	42,07 ± 1,41	40,33 ± 1,25
3.	Методика САН, баллы:		
	- бодрость	4,49 ± 0,20	4,56 ± 0,19
	- интерес к работе	3,91 ± 0,24	4,39 ± 0,22*
	- самочувствие	4,90 ± 0,20	5,08 ± 0,22
	- уравновешенность	4,85 ± 0,22	5,31 ± 0,17*

Примечание: * – $p < 0,1$; ** – $p < 0,05$.

Таблица 2

Жалобы на состояние здоровья, предъявляемые военнослужащими основной и контрольной групп (% случаев)

Предъявляемые жалобы	Обследованные группы	
	Основная группа (n= 61)	Контрольная группа (n = 48)
Неудовлетворительное самочувствие	69,2	25,1
Сниженное настроение	67,0	20,4
Неуравновешенность	65,0	24,6
Сонливость	54,8	17,1
Неприятные ощущения в животе	24,2	8,1
Мышечная слабость	22,6	8,1
Ощущение голода	17,7	8,1
Головная боль	14,5	2,1
Чувство тяжести в голове	14,5	2,0
Боли и неприятные ощущения в груди	11,3	6,1
Затруднение дыхания	6,5	4,0
Головокружение	4,8	2,0
Прочие жалобы и ощущения	22,6	10,2

Таблица 3

Результаты сравнительного анализа показателей психологического обследования военнослужащих с применением 16-ФЛО

Показатель	Величина исследуемых показателей в группах (M ± m)					
	Основная группа (n=61)		Контрольная группа-1 из состава«смешанных» подразделений (n=48)		Контрольная группа-2 из состава «однородных» подразделений (n=142)	
Фактор Md	6,93	0,31	7,33	0,37	6,88	0,31
Фактор A	7,83	0,31	8,12	0,26	8,66	0,30
Фактор C	8,82	0,24	8,95	0,27	8,22	0,34
Фактор E	5,26	0,24	5,66	0,27	5,71	0,30
Фактор F	5,36	0,27	5,37	0,25	5,06	0,27
Фактор G	7,38	0,28	8,06	0,33*	8,63	0,32**
Фактор H	7,40	0,26	7,71	0,29	7,06	0,30
Фактор I	4,90	0,24	4,81	0,29	4,20	0,30
Фактор L	4,82	0,23	5,00	0,29	4,21	0,28
Фактор M	5,93	0,28	5,47	0,27*	5,37	0,23**
Фактор N	5,05	0,26	5,01	0,32	5,80	0,24*
Фактор O	5,00	0,28	5,37	0,32	5,39	0,31
Фактор Q1	6,23	0,26	7,04	0,28**	6,49	0,31
Фактор Q2	5,44	0,21	5,81	0,27	4,86	0,29*
Фактор Q3	6,75	0,25	6,67	0,26	8,27	0,29***
Фактор Q4	5,23	0,25	4,66	0,25*	4,53	0,21

Примечание:* – $p < 0{,}1$, ** – $p < 0{,}05$, *** – $p < 0{,}01$.

При сравнительном анализе данных, полученных с помощью 16-факторного личностного опросника (табл. 3), установлено, что обследуемые из числа лиц, проходивших службу в условиях боевых действий, были настроены более консервативно (фактор Q1), у них отмечалось достоверное снижение уровня моральной нормативности (фактор G), ориентация «на себя» и «поглощенность» своими переживаниями (фактор M). Кроме того, в группе комбатантов отмечалась выраженная тенденция к излишней напряженности и фрустрации (фактор Q4).

При сравнительном анализе данных основной и контрольной групп, полученных с помощью методики СМИЛ (табл. 4), установлено, что изучаемые выборки достоверно различались между собой по значениям шкал: L, K, Hs, Pd, Pa, Pt Sc и Si, причем у ком-

Таблица 4

Результаты сравнительного анализа психологических свойств военнослужащих-десантников по методике СМИЛ

Показатель	Величина исследуемых показателей в группах (M + m)			
	Основная группа (n= 118)		Контрольная группа-2 (n=142)	
Шкала L	63,31	1,8	70,21	1,2*
Шкала F	65,13	2,0	61,43	2,6
Шкала K	60,13	1,7	69,90	2,5*
Шкала Hs	65,07	2,0	43,20	2,8**
Шкала D	60,05	1,5	56,80	2,5
Шкала Hy	53,45	1,7	51,71	1,5
Шкала Pd	73,47	1,6	59,52	2,4*
Шкала Mf	55,41	1,5	58,20	1,6
Шкала Pa	69,78	1,8	56,50	2,7*
Шкала Pt	69,84	2,0	56,04	4,7*
Шкала Sc	71,89	1,5	60,50	4,6*
Шкала Ma	54,22	1,8	55,55	2,2
Шкала Si	68,29	1,7	47,70	1,1**

Примечание: * – $p < 0{,}1$, ** – $p < 0{,}05$.

батантов отчетливо прослеживались следующие основные тенденции:

1. Растет безразличие к тому, как они выглядят в глазах окружающих, они не стремятся представить себя в более выгодном свете, в меньшей степени склонны ориентироваться на социально желательные нормы поведения (шкала L, K).
2. Склонность к формированию ипохондрических и психастенических реакций, что, скорее всего, связано с явлениями эмоционального утомления, отсутствием эмоциональной разрядки и компенсации (шкалы Hs, Pt и Si).
3. Тенденция к поведенческим реакциям, характеризующимся импульсивностью и несдержанностью в межличностном общении с окружающими, что в ряде случаев приводило к неуставным взаимоотношениям в воинских коллективах и даже антисоциальным поступкам.
4. Повышенная фиксация на «внешних» и «внутренних» проблемах, проявляющаяся затрудненностью в установлении межличностных контактов с тенденцией к группированию по

принципу «чеченец» — «не чеченец», активным отвержением лиц, в том числе и командиров, «не нюхавших пороха».

Достаточно интересные данные получены при обследовании групп методикой Розенцвейга, предназначенной для оценки социальной адаптированности и характера реагирования на конфликтные и фрустрирующие межличностные ситуации (табл. 5). Так, в основной группе общий уровень стрессоустойчивости был ниже, чем в контрольных, состояние фрустрации наступало чаще, при этом количество реакций «препятственно-доминантного» типа (OD) преобладало над «самозащитным» (ED) и «разрешающим» (NP) типами реагирования. Обследуемые основной группы при действии значимого фрустратора склонны в значительно большей степени фиксироваться, «застревать» на источнике конфликтной ситуации, они реже находят социально адекватные пути их разрешения.

Индивидуальные комбинации приемов, используемых личностью при выходе из трудных ситуаций, рассматриваются как одна из характеристик или форм социальной адаптации. Фиксация на препятствие или конфликте в этом плане рассматривается как снижение приспособительных реакций.

В контрольной группе наиболее часто встречалось реагирование по так называемому «самозащитному» типу. Усредненный профиль выглядел как: ED > OD > NP, что в целом соответствует средненормативным показателям для здоровых людей.

Статистически значимые различия в группах получены и при сравнительном анализе способов разрешения фрустрирующих ситуаций. Если в контрольной группе достоверно чаще разрешение конфликтов осуществлялось за счет перекладывания ответственности на других или они надеялись на то, что конфликтная ситуация со временем разрешится «сама собой», то в основной группе комбатанты достоверно чаще принимали на себя ответственность за исправление или разрешение проблем.

При анализе общей направленности реакций на фрустрацию статистически значимых различий между группами не выявлено. В ответах преобладали реакции «внешне обвинительной» направленности (E), т. е. внешней агрессии. На втором месте по частоте были реакции отрицания чьей-либо вины при возникновении фрустрации. (M). Характерно, что обследуемые обеих групп редко

Таблица 5

Результаты сравнительного анализа показателей психологического обследования военнослужащих по тесту Розенцвейга

№ п\п	Показатели методики	Величина исследуемых показателей (M + m)		
		Основная группа	Контрольная группа	Вероятность (p)
1	OD (%)	40,99 ± 2,31	35,29 ± 1,41	<0,01
2	ED (%)	39,21 ± 1,06	40,72 ± 1,41	
3	NP (%)	19,82 ± 1,14	23,88 ± 1,09	<0,05
4	E (%)	45,52 ± 1,26	47,80 ± 2,10	
5	I (%)	15,60 ± 0,80	15,47 ± 0,87	
6	M (%)	38,99 ± 1,30	36,76 ± 1,64	
7	E^1	4,02 ±0,26	3,58 ± 0,28	
8	I^1	0,21 ± 0,05	0,38 ±0,08	<0,1
9	M^1	5,60 ± 0,28	4,52 ± 0,26	<0,01
10	E	5,33 ± 0,28	5,50 ± 0,43	
11	I	2,16 ± 0,16	2,52 ±0,19	
12	M	1,91 ± 0,14	1,76 ± 0,15	
13	e	1,56 ± 0,14	2,39 ± 0,18	<0,001
14	i	1,36 ± 0,15	0,81 ± 0,10	<0,01
15	m	1,83 ± 0,16	2,47± 0,21	<0,05
16	GCR (%)	51,59 ± 1,42	52,67 ± 1,39	

были склонны принимать вину на себя (I). Это отличает обе группы военнослужащих от средней популяционной нормы для здоровых лиц, у которых реакции «самообвинительной» (I) направленности количество преобладают над «безобвинительными» (M).

Показатель групповой конформности (адаптивности) в контрольной группе был несколько выше, чем в основной, но различия не достигали уровня статистически значимых.

Подтверждением тезиса о том, что на этапах реадаптации у военнослужащих нарастает нервно-психическое напряжение, проявляющееся в поведенческих реакциях, могут служить результаты социально-психологического изучения комбатантов с помощью анкеты «Ветеран», разработанной на кафедре психиатрии ВМА (В. М. Лыткин, 1991) (рис. 1).

Анализ полученных данных свидетельствовал, что респонденты, оценивая изменения, произошедшие с ними за время службы в «горячих точках», утверждали, что они стали «более тревожными и настороженными» (38,6% опрошенных). Часть из них (34,1%) отмечают у себя «излишнюю злость, жестокость и агрессивность»,

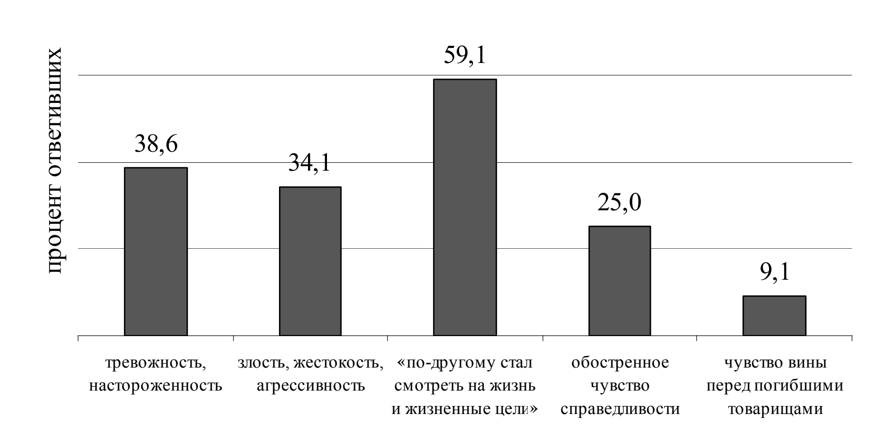

Рис. 1. Самооценка изменений в характере, сформировавшихся за время службы у военнослужащих (анкета «Ветеран»)

а большинство (59,1%) «переоценили свои жизненные цели, ценности и по-другому стали смотреть на жизнь». Для многих комбатанов было характерно «обостренное чувство справедливости» (25,0%), при этом почти 9% респондентов отметили «не проходящее чувство вины перед погибшими товарищам».

На этапе реадаптации для большинства комбатантов были характерны переживания по поводу возможных проблем, с которыми им придется встретиться в условиях мирной жизни («на гражданке»). Свидетельством этого являются данные раздела анкеты «Ветеран», где военнослужащим предлагалось указать круг важных и значимых проблем, которые у них могут появиться после увольнения из армии. Более 56% комбатантов на 1-е место поставили проблему, связанную с физическим здоровьем; проблемы, которые у них появятся в связи с трудоустройством и поиском своего места в жизни (29,5%); созданием семьи и воспитанием детей (29,5%). Около 16% высказали опасения относительно своего психического здоровья и душевного состояния в будущем.

При анализе показателей социометрического статуса (СМС) в основной и контрольной группах обращает на себя внимание тот факт, что была выявлена тенденция к более высокому СМС военнослужащих контрольной группы. Это в большей степени объяснялось тем, что прибывшие из районов боевых действий десантники в смешанных воинских коллективах демонстрировали более низкий уровень коммуникативности, предпочитая ограничивать круг общения собственной референтной группой.

Почти 20% анонимно опрашиваемых военнослужащих отметили ухудшение морально-психологического климата в воинских коллективах после выхода из боевых действий, особенно это было выражено во взаимоотношениях между теми, кто участвовал в боевых действиях, и теми, кто в них не принимал участия. В отдельных случаях в смешанных воинских коллективах наблюдались случаи неуставных взаимоотношений, когда комбатанты требовали к себе особого внимания или каких-либо послаблений в службе.

Необходимо отметить, что у военнослужащих контрольной группы, входящих в смешанные подразделения, уровень субъективного самочувствия, настроения и уверенности в себе был в среднем в 1,6–2,1 раза ниже по сравнению с аналогичными показателями военнослужащих «однородных» воинских коллективов. Обследуемые лица из «однородных» подразделений достоверно отличались от «смешанных» более высоким уровнем самоконтроля (фактор Q3), общительностью (фактор Q2) и меньшей тревожностью (факторы O и I) (табл. 3).

Таким образом, проведенные исследования свидетельствуют, что:

1. Военнослужащие, выведенные из боевых действий, в процессе социально-психологической реадаптации к условиям мирного времени испытывали определенные трудности, выражавшиеся повышением конфликтности, снижением установки на профессиональную деятельность и неудовлетворенностью внутригрупповыми контактами, особенно в смешанных подразделениях. Отмеченные психологические особенности отличались длительным течением и не обнаруживали сколько-нибудь заметных позитивных тенденций у военнослужащих даже спустя 3 месяца после окончания боевых действий.
2. В период социально-психологической реадаптации к условиям мирного времени у комбатантов определялись тенденции к повышению эмоциональной лабильности, тревожности и

нервно-психической напряженности, в основе которых, вероятно, лежала ориентация на собственные переживания, повышенная фиксация на внешних и внутренних конфликтах, а также «замыкание» контактов на собственной референтной группе.

3. Наиболее типичными формами индивидуальных реакций в период социально-психологической реадаптации боевых контингентов являются ипохондрические и психастенические со склонностью к импульсивным разрядам внутреннего напряжения, что снижает эффективность профессиональной деятельности и внутригруппового взаимодействия в смешанных коллективах.
4. Социально-психологическая реадаптация военнослужащих, возвратившихся из районов боевых действий, протекала значительно сложнее в тех случаях, когда комбатантов распределяли в «смешанные» подразделения, командирами которых были назначены лица, не имеющие боевого опыта.

Приведенные результаты изучения особенностей социально-психологической адаптации военнослужащих, принимавших участие в контртеррористических операциях на Северном Кавказе, предполагают дальнейшую разработку системы оказания комбатантам необходимой медико-психологической помощи в свете утвержденной в октябре 2003 г. Межведомственной программы «Реабилитация военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы и сотрудников правоохранительных органов, пострадавших при выполнении задач в условиях боевых действий и при проведении контртеррористических операций».

Литература

1. *Антомонов Ю. Г.* Моделирование биологических систем. Киев: Наукова думка, 1977.
2. *Медведев В. И.* Устойчивость физиологических и психологических функций человека при действии экстремальных факторов. Л.: Наука, 1982.
3. *Сапов И. А., Новиков В. С.* Неспецифические механизмы адаптации человека. Л.: Наука, 1984.

4. *Решетников М. М. с соавт.* Психофизиологические аспекты состояния, поведения и деятельности людей в очагах стихийных бедствий и катастроф // Воен. мед. журн. 1991. № 9. С. 11–16.
5. *Маклаков А. Г. с соавт.* Медико-психологические и социальные последствия воздействия на человека экстремальных факторов стихийных бедствий и катастроф // Проблемы безопасности при чрезвычайных ситуациях. М.: МНИИТИ, 1996. Вып. 7. С. 46–54.
6. *Маклаков А. Г., Чермянин С. В., Шустов Е. Б.* Проблема прогнозирования психологических последствий локальных конфликтов //Психологич. журн., 1998. Т. 19. №2. С. 15–26.
7. *Сидоров П. И., Литвинцев С. В., Лукманов М. Ф.* Психическое здоровье ветеранов Афганской войны. Архангельск: Издат. центр АГМА,1999–384.
8. *Гарасим И. Л., Лыткин В. М.* К вопросу о нервно-психических расстройствах у бывших воинов-интернационалистов в отдаленном периоде // Актуальные проблемы пограничной психиатрии: Материалы конф., 12–14 дек. 1989 г.: Тез. докл. Москва; Витебск, 1989. С. 39–40.
9. *Знаков В. В.* Психологические причины непонимания «афганцев» в межличностном общении // Психол. журн. 1990. Т. 11, №2. С. 99–108.;
10. *Знаков В. В.* Психологический портрет участника войны в Афганистане в массовом сознании // Психол. журн. 1991. Т. 12, № 6. С. 26–39.)
11. *Литвинцев С. В., Нечипоренко В. В.* Актуальные вопросы патогенеза боевой психической травмы // Актуальные вопросы военной и экологической психиатрии. СПб: ВМА, 1995. С. 30–38.
12. *Шустов Е. Б.* Повышение устойчивости к экстремальным воздействиям при астении: Дис. ... докт. мед. наук. СПб, 1996.
13. *Чермянин С. В.* Психофизиологическое обеспечение боевой деятельности военнослужащих в условиях локальных войн: Дис. ... докт. мед. наук. СПб, 1997.

Ю. В. Лобзин, В. М. Волжанин[1]

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ БИОТЕРРОРИЗМА

В новое тысячелетие человечество принесло с собой не только выдающиеся научные и технологические достижения последнего столетия, но и груз проблем, среди которых наиболее актуальным стал терроризм. По-прежнему основываясь на устрашении и шантаже населения и властей того или иного государства, терроризм приобрел международный размах, стал многонациональным и многоликим. Так, в частности, можно с уверенностью говорить о терроризме политическом, экономическом, информационном, психологическом и т. д. [Антонян Ю. М., 1998].

Одной из разновидностей современного терроризма является биологический терроризм (БТ), который предполагает осуществление по тому или иному адресу угрозы преднамеренного, сознательного и целенаправленного использования патогенных микроорганизмов. Мотивы для совершения актов БТ могут быть самыми разнообразными — от криминальных намерений до стремления воздействовать на политическую ситуацию в том или ином государстве или регионе с целью установления своего политического, идеологического или религиозного лидерства.

[1] Лобзин Юрий Владимирович — заместитель начальника Российской Военно-медицинской академии по научной работе, председатель Ассоциации врачей-инфекционистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области, Заслуженный деятель науки РФ, член-корреспондент РАМН, доктор медицинских наук, профессор; Волжанин Валерий Михайлович — начальник кафедры инфекционных болезней Российской Военно-медицинской академии — главный инфекционист МО РФ, член правления Ассоциации врачей-инфекционистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области, заслуженный врач РФ, кандидат медицинских наук, доцент.

При этом акты биологического терроризма могут осуществляться как самостоятельно действующими одиночками или группами террористов, так и целыми организациями, обладающими поддержкой на государственном уровне.

Существует безусловная близость между проблемами биотерроризма и биологической войны. Последняя характеризуется как широкомасштабное, заранее спланированное применение возбудителей инфекционных болезней (патогенов) и продуктов их жизнедеятельности (токсинов) в качестве средств поражения популяции людей или ее части с целью лишить или ослабить их бое- или дееспособность, дезорганизовать управление войсками и экономикой, а также системой медицинского обеспечения, что в целом призвано способствовать достижению стратегических целей. Акты же БТ направлены против отдельных лиц или групп людей и преследуют в основном цели устрашения и шантажа, причем не только самих инфицированных лиц, но и тех, кто их окружает, но при этом не стал прямым объектом нападения.

Как и в случае биологической войны, средством поражения является патогенный агент. Для прогнозирования возможности применения того или иного патогена в качестве биологического поражающего агента может быть использован и используется опыт разработчиков и теоретиков биологической войны. Необходимость анализа и основанного на нем такого рода прогноза очевидна, так как это позволяет обеспечить наибольшую эффективность соответствующих контртеррористических мероприятий.

Лидерство в области оценки потенциальных биологических поражающих агентов принадлежит исследовательским центрам США, в которых в годы Второй мировой войны были начаты разработки в области биологического оружия (БО). При этом исследования проблемы в целом и аэробиологических свойств отдельных патогенов в частности мотивировались и мотивируются в настоящее время интересами американского общества и необходимостью защитить его от любых возможных угроз.

Под БО понимаются любой живой организм, в том числе микроорганизм, вирус или другой биологический агент, а также лю-

бое вещество, произведенное живым организмом или полученное методом генной инженерии, или любое его производное, а равно средства их доставки, созданные с целью вызвать гибель, заболевание или иное неполноценное функционирование человеческого или другого живого организма, заражение окружающей природной среды, продовольствия, воды или иных материальных объектов. Под биологическим оружием не понимаются биологические агенты, токсины либо средства их доставки, разрабатываемые, производимые, приобретаемые, сбываемые, транспортируемые и используемые в мирных целях, например профилактических или медико-защитных (*Закон РФ от 29. 04. 93 № 4901–1 — Ведомости СНД РФ и ВС РФ, 1993, №22, ст. 789).*

Уже из данных первых публикаций по БО стало очевидно, что далеко не все из примерно 250 возбудителей инфекционных заболеваний бактериальной, вирусной, риккетсиозной и паразитарной природы могут быть пригодными в качестве биологических поражающих агентов (БПА). На основе оценки отдельных показателей (критериев) была выработана теоретическая основа для военно-технического и военно-эпидемиологического отбора патогенов, используемых в качестве биологических поражающих агентов. Принцип отбора по указанным критериям неоднократно получал подтверждение со стороны профессиональных военных.

Наиболее значимыми из них являются следующие: возбудители должны быть высокопатогенными, контагиозными, легко воспроизводиться при культивировании, обладать достаточно высокой устойчивостью на этапах снаряжения, доставки и хранения, а также в момент диспергирования в атмосферу и в состоянии аэрозоля. Заражающая доза для человека должна быть небольшой. Очевидно, что такой подход к отбору потенциальных биологических поражающих агентов сохраняет свое значение и при рассмотрении угрозы биотерроризма и вполне, например, мог быть использован для подготовки и осуществления актов биотеррора со стороны японской религиозной секты «Аум Синрике». С этой точки зрения представляется целесообразным включение в перечень критериев отбора такого показателя, как продолжительность инкубационного периода, который не должен превышать нескольких дней.

Американскими исследователями для создания стратегического бактериологического оружия были отобраны всего 7 патогенных для человека возбудителей. Однако число возможных биологических поражающих агентов возрастает, если в качестве одного из критериев отбора рассматривать особенности существующих в разных странах систем правительственного контроля за сохранением и движением культур возбудителей и токсинов. Степень жесткости контроля по отношению к тому или иному агенту позволяет косвенно судить о степени его опасности, в том числе в случае его попадания в руки террористов. Так, Центр по контролю за инфекционной заболеваемостью (CDC, Атланта, США) определил 24 патогена и 12 токсинов, по отношению к которым следует осуществлять правительственный контроль на федеральном уровне, учитывая их особую опасность для общества. Контролю подлежат также некоторые рекомбинантные микроорганизмы и генетические материалы, позволяющие продуцировать или кодировать факторы, связанные с инфекционностью, вирулентностью, патогенностью возбудителей. В то же время Д. Гендерсон, один из авторитетных американских экспертов по бактериологическому оружию, считает реальными для применения в качестве биологических поражающих агентов только 11 патогенов. В первую очередь это — возбудители чумы, сибирской язвы, натуральной оспы и ботулизма. *По его мнению, для осуществления террористических актов наиболее пригодны лишь вирус натуральной оспы и палочка сибирской язвы.*

В то же время сотрудники Стокгольмского института проблем мира и разоружения (СИПРИ) в качестве биологических поражающих агентов рассматривают вообще все возбудители, которые подлежат контролю в соответствии с национальными и международными требованиями, изложенными в Конвенции-72. Пересмотр и уточнение списка возможных БПА, предложенного еще Розбери (1956), проводился главным образом в сторону расширения на III и IV сессиях специальных представителей стран-участниц Конвенции-72 (Женева, декабрь 1995 г., июль 1997 г.). Это связано прежде всего с выделением в 60-е — 80-е гг. XX в. новых возбудителей бактериальной и вирусной природы (болезни легионеров, африканских лихорадок Ласса, Эбола, Марбург, южноамери-

канских лихорадок Мачупо, Хунин и др.), а также с развертыванием исследований по получению генетически измененных (в том числе и устойчивых к антибиотикам) вариантов отдельных возбудителей.

Анализ результатов многолетних исследований в плане биологического оружия позволил американским экспертам также пересмотреть перспективность некоторых способов применения, что, в свою очередь, отразилось на оценке пригодности отдельных патогенов для ведения биологической войны, а соответственно — и для проведения актов биотерроризма. Так, к моменту подписания Конвенции-72 военные специалисты США признали нецелесообразными методы распространения биологических поражающих агентов господствующими воздушными течениями и с помощью переносчиков. Наиболее перспективным были признаны открытое нападение с использованием систем доставки, оборудованных устройствами, генерирующими аэрозоль, и метод скрытого (диверсионного) применения.

Соответственно, в США была создана сеть арсеналов и баз по снаряжению и хранению снарядов, кассетных боеприпасов, головных частей ракет и выливных приборов. Одновременно были разработаны соответствующие уставы по их применению видами вооруженных сил США. Однако с учетом пространственно-временных особенностей биотерроризма по сравнению с методами ведения биологической войны значение способа применения может быть подвергнуто корректировке, что, в свою очередь, может изменить оценку отдельных патогенов в качестве потенциальных биологических поражающих агентов для подобных актов.

Очевидно, что при подготовке актов биотерроризма отпадает необходимость сохранять высокую степень жизнеспособности на этапах снаряжения и доставки, так как при этом предполагается использование не боеприпасов, а более щадящих диспергирующих устройств, замаскированных под бытовые аэрозольные баллончики, содержащие косметические и иные бытовые средства. Возможно исключение этапа лиофильного высушивания культур агентов с использованием криопротекторов или стабилизирующих добавок. Можно избежать необходимости строгого соблюдения температурных условий при хранении и доставке к местам рассеивания. Малогабаритные размеры укупорок и «короткие плечи» перевозок позволяют террористам предупредить резкие перепады температур, а заранее запланированные места осуществления биологического теракта (крытые стадионы, официальные помещения органов государственной власти, залы ожидания и регистрации аэропортов и вокзалов, станции метрополитена, зрительные залы театров и кинотеатров и т. д.) менее подвержены влиянию неблагоприятных метеоусловий, нежели открытые пространства. Эффективности самого акта биологической атаки в значительной мере будет способствовать точная локализация его осуществления во времени и пространстве.

Оценивая опасность тех или иных агентов, следует обратить внимание на возможность использования иных, нежели аэрозолирование, способов их применения. Например — через зараженные продукты в случае ботулинического токсина или возбудителей пищевых токсикоинфекций. В этом отношении показательна вспышка токсикоинфекции в г. Даллас (штат Орегон, США) в 1984 г., когда члены одной из религиозных сект преднамеренно инфицировали сальмонеллезной культурой салаты в 10 ресторанах города, что привело к заболеванию 751 человека. По своей сути действия сектантов представляли собой действительный, реальный акт БТ, предпринятый с целью изменить соотношение сил во время избирательной кампании.

Вряд ли можно считать окончательно закрытой и недооценивать проблему применения для организации терактов инфицированных переносчиков, особенно если проанализировать характер достаточно загадочной вспышки лихорадки Западного Нила, имевшей место в пригороде Нью-Йорка (США) в 1999 г.

Нельзя исключить и преднамеренное заражение людей в результате контакта со своеобразными «биологическими камикадзе». О правомочности такого предположения может свидетельствовать эпидемиологический анализ вспышек натуральной оспы, имевших место в Нью-Йорке (США) в 1947 г. и в Москве (в то время СССР) в 1960 г.

Для радикальных группировок, планирующих теракты с использованием биологических поражающих агентов, весьма привлекательным может быть и фактор упрощенной и относительно примитивной технологии скрытного получения необходимых количеств возбудителя, что позволяет замаскировать преступную

деятельность под обычные исследовательские работы в лабораториях различных фирм, университетов, клинических учреждений. Учитывая последние обстоятельства, некоторые эксперты расширили список возможных «террористических» биологических поражающих агентов до 60. В то же время американские военные специалисты ограничили его 34 возбудителями, *выделив в качестве наиболее опасных возбудители чумы, туляремии, сибирской язвы, натуральной оспы и ботулинические токсины.*

Очевидно, что наиболее достоверный прогноз возможного перечня патогенов, пригодных для биотерроризма, может быть получен при учете достаточно большого числа критериев (показателей), т. е. при кумулятивной оценке всех патогенных возбудителей, когда-либо рассматривавшихся в качестве биологического поражающего агента.

Одними из наиболее значимых при этом являются показатели клинического течения и прежде всего выраженность, манифестность, инфекционного процесса у всех лиц, подвергшихся возможному заражению, что особенно важно для случаев биотерроризма. Показателем манифестности процесса является соотношение клинически выраженных и инаппарантных форм заболевания. Такие данные известны для ряда инфекций, возбудители которых включены в список возможных БПА и представлены следующими данными:

- для западного и восточного энцефаломиелита лошадей 1:58, для детей, 1:150 и 1:23 для взрослых соответственно;
- для энцефалита Сан-Луи 1:64 — 1:257;
- для лихорадки Западного Нила 1:10 — 1:300;
- для клещевого энцефалита 1:30 — 1:90;
- для японского (комариного) энцефалита 1:25 — 1:1000;
- для лихорадки Ласса 1:5 — 1:10
- для холеры 1:10 — 1:1000.

С учетом этого показателя использование таких агентов для биологического теракта едва ли способно произвести сколько-нибудь серьезный деморализующий и психологический эффект. С этой точки зрения достаточно показательным является анализ последствий стихийной «биологической атаки» из «линейного источника формирования аэрозоля» коксиелл Бернета, которая стала результатом совпадения природных обстоятельств и повседневной деятельности людей в октябре 1983 г. в кантоне Валлэ (Швейцария). Из 1796 жителей долины, находившейся в зоне прохождения облака инфекционного аэрозоля, согласно результатам ретроспективного серологического обследования, было инфицировано 415 (21,1%). Из них за медицинской помощью по поводу гриппоподобного (flu-like) заболевания обратился 191 человек, госпитализировано было 8. Заболеваемость растянулась на 1,5 месяца. Среднесуточные санитарные потери составили 10 человек, на пике — 36. Две трети больных (64%) обратились к врачу на 16–28 сутки от предполагаемого срока заражения. В итоге, растянутая во времени вспышка лихорадки Ку не вызвала особого беспокойства ни у врачей, ни у жителей кантона.

Реальное представление о предполагаемой эффективности воздействия биологического поражающего агента может быть составлено также по результатам клинико-эпидемиологического расследования природных вспышек и внутрилабораторных инцидентов, сопровождавшихся заражением как непосредственных работников лаборатории, в которой имел место такой инцидент, так и лиц, случайно подвергшихся заражению. В качестве конкретных примеров этого рода могут быть указаны случаи заражения вирусами Хантаан, геморрагических лихорадок, натуральной оспы. В некоторых из этих случаев был реализован аэрогенный механизм передачи возбудителя.

Для оценки патогена в качестве биологического поражающего агента как с точки зрения биологической войны, так и с точки зрения биотерроризма особенно большое значение имеет показатель контагиозности заболевания.

Если относительно натуральной оспы и некоторых других возбудителей мнения и оценки экспертов остаются прежними, то по отношению к геморрагическим лихорадкам, по мере накопления данных и углубления знаний об этих заболеваниях, они претерпели существенные изменения. Так, вирус лихорадки Ласса с момента выделения вызываемой им болезни в отдельную нозоформу и идентификации самого возбудителя рассматривался как перспективный биологический поражающий агент, в т. ч. и с точки зрения целей биотерроризма. Однако на современном уровне знаний такая оценка может быть подвергнута сомнению, прежде всего с уче-

том показателя контагиозности и тяжести заболевания, а также устойчивости во внешней среде.

В более чем 20 эпизодах, когда больные на фоне лихорадки (некоторые из них впоследствии умерли) перемещались на тысячи километров из природных очагов инфекции в Западной Африке на Ближний Восток, в Германию, Великобританию, США и Канаду, заражения окружавших их лиц не произошло. При этом первичные больные имели прямые контакты с сотнями и тысячами людей из числа авиапассажиров, родственников и медперсонала, из которых никто так и не заболел. По данным серологических исследований, на одно клинически выраженное заболевание приходилось примерно 10 инаппарантных форм. Общая летальность на всю когорту инфицированных при данной инфекции не превысила 1–2 %. Госпитализировано в эндемичных очагах было не более 10 % всех заболевших.

Приводившиеся ранее показатели летальности (12,5–50%) были основаны на статистике, которая была получена при изучении случаев заболевания в Сьерра-Леоне и Нигерии и учитывала только госпитализированных пациентов. Что же касается контагиозности, то важно отметить, что в местных госпиталях практиковалось многократное использование одноразовых шприцев, а медицинский персонал, контактировавший с кровью и выделениями больных, пренебрегал простейшими мерами защиты (халаты, маски, резиновые перчатки).

Приведенный пример, на наш взгляд, подтверждает необходимость постоянного и критического обобщения сведений, публикуемых в научной печати и дающих возможность судить о степени реальной опасности того или иного возбудителя. В свою очередь, это позволяет конкретизировать меры по предупреждению и ликвидации последствий актов биотерроризма.

Суммарно оценивая известные данные и мнения экспертов из разных стран, весь спектр потенциальных патогенов можно разделить на 3 группы.

1. Агенты, занимающие устойчивое положение во всех перечнях: возбудители сибирской язвы, туляремии, чумы; вирусы венесуэльского и восточного лошадиных энцефаломиелитов, Эбола, Марбург, Хунин, Мачупо, натуральной оспы, лихорадки долины Рифт, желтой лихорадки, Хантаан, коксиеллы Бернета, — всего 14 агентов.
2. Агенты, занимающие неустойчивое положение, поскольку не все эксперты единодушны в их оценке: возбудители бруцеллеза, риккетсии Провачека и Риккетса, вирусы Ласса, Чикунгунья, денге, оспы обезьян, западного энцефаломиелита лошадей, крымской-конго геморрагической лихорадки, лихорадки Западного Нила.
3. Агенты, опасность которых признают только отдельные эксперты: вирусы энцефалита Сан-Луи, клещевого и японского энцефалитов, возбудители легионеллеза, псевдомелиоидоза, брюшного тифа, дизентерии, лимфоцитарного хориоменингита, ботулинический токсин и некоторые другие токсины животного и растительного происхождения.

К этому стоит добавить, что в сценариях предполагаемых терактов с применением БПА, рассматриваемых зарубежными специалистами, постоянно присутствуют возбудители натуральной оспы, сибирской язвы, чумы, туляремии и ботулинический токсин. Эксперты считают «неразрешимой проблемой» получение больших количеств возбудителей чумы и ботулотоксина, а также их эффективное диспергирование. Они же признают наиболее реальными в качестве БПА вирус натуральной оспы и возбудитель сибирской язвы.

При оценке реальной опасности биотерроризма нельзя не затронуть еще один важный момент — возможность приобретения криминально-террористическими группами исходных материалов, т. е. штаммов возбудителей или продуцентов токсинов. Один из возможных путей приобретения этих материалов — самостоятельные попытки выделения изолятов, особенно экзотических вирусных лихорадок или риккетсиозов. Для этого необходимо наличие высококвалифицированных специалистов, хорошо оснащенных лабораторий, финансовых и временных ресурсов. Об относительной бесперспективности таких попыток свидетельствует пример религиозной секты «Аум Синрике», которая в 1993 г. организовала специальную экспедицию в Западную Африку с целью выделить возбудитель лихорадки Эбола, но так и не достигла успеха.

Другой возможный путь получения исходных материалов — получение необходимых патогенов непосредственно из научно-

исследовательских учреждений и фирм. Теоретически, этот путь блокирован системой контроля на национальном (Указ президента РФ, директива президента США) и международном уровне (Конвенция-72). Однако на практике применяемые представителями террористических групп методы шантажа, запугивания и подкупа могут способствовать утечке материалов из соответствующих лабораторий. Поэтому всякое ослабление или нарушение системы контроля повышает опасность передачи патогенов в руки террористов. С учетом этого обстоятельства не может не вызвать настороженности ситуация, сложившаяся с вирусом натуральной оспы в 1998–2000 гг. Как известно, после окончательной ликвидации оспы ранее выделенные штаммы возбудителя находятся на хранении только в 2 лабораториях — CDC (г. Атланта, США) и НПО «Вектор» (г. Новосибирск, Россия). Работы с этими штаммами прекращены. Однако в настоящее время в США изъяты из хранилищ CDC 50 изолятов вируса, и с ними возобновлены исследовательские работы, включая и аэробиологические испытания. Такие действия увеличили потенциальный риск попадания вируса в руки террористов. Озабоченность, возникающая в связи с этими действиями, оправдывается еще и тем обстоятельством, что после полной ликвидации заболевания получение исходных материалов из функционирующих лабораторий для лиц, планирующих проведение актов биотерроризма, остается единственно возможным путем получения возбудителя. Степень же опасности возможных терактов с использованием вируса натуральной оспы возрастает многократно, поскольку значительно возросла неиммунная прослойка популяции, что, в свою очередь, сделало «мировое сообщество фактически заложником потенциальных террористов». Примечательно, что в США одновременно с решением о «размораживании» исследований с вирусом натуральной оспы производится пополнение национального запаса оспенной вакцины до 45 млн человеко-доз.

Несовершенство механизмов контроля за соблюдением Конвенции-72 также увеличивает риск передачи патогенов, характеризуемых как возможные БПА, не только отдельным группам потенциальных террористов, но и государствам, в отношении которых существуют подозрения в разработке биологического оружия. Известно, что компания «Америкэн Тайн Калчер Ко. » (г. Роквилл,

штат Мэриланд, США) в 80-е годы передала Ираку 26 штаммов 10 различных возбудителей, высокопатогенных для человека. В свою очередь, одной из британских компаний Ираку было продано около 10 тонн компонентов питательных сред для выращивания бактерий.

Таким образом, к настоящему времени по результатам исследований, связанных с проблемами биологического оружия в широком плане, обоснована система оценки и отбора патогенов, наиболее привлекательных в качестве БПА для потенциальных биотеррористов. Сохраняется угроза попадания таких агентов в руки представителей террористических организаций. Имеется также подкрепленное практическими разработками теоретическое обоснование способов применения препаратов, содержащих БПА. Все это позволяет рассматривать биотерроризм как реальную угрозу национальной безопасности России, которую необходимо учитывать при разработке и реализации стратегии здравоохранения в области инфекционных заболеваний и в первую очередь — при создании системы противодействия биотерроризму как таковому.

О. Е. Кашкарова, М. В. Семенова Тян-Шанская,
А. В. Курпатов, М. В. Бухарина[1]

Задачи кризисной службы в оказании помощи жертвам террористических актов

Террор подразумевает обесценивание человеческой жизни: как жертв терроризма, так и самих террористов. Первоочередной целью террористических актов является не нанесение ущерба, не выполнение определенных требований террористов, а именно устрашение, создание в обществе панической обстановки — своего рода психологическая атака. В результате жертвами терроризма становятся не только непосредственные участники событий и их близкие, но и практически каждый человек, узнавший о трагическом событии из СМИ.

Практикуемые меры борьбы с терроризмом демонстрируют свою недостаточную эффективность, редкий недельный выпуск новостей обходится без сообщения о новом террористическом акте. Люди чувствуют себя в постоянной опасности, боятся выходить из дома, пользоваться общественным транспортом, посещать крупные торговые центры и т. д., ощущая свою незащищенность. Поэтому в последнее время не только кризисные состояния, посттравматические стрессовые расстройства у самих пострадавших и членов их семей, но и страх стать жертвой террористического акта — не редкий случай в практике психотерапевта.

[1] Кашкарова Оксана Евгеньевна — главный врач городской психиатрической больницы № 7 (Клиника неврозов), главный психотерапевт Санкт-Петербурга, кандидат медицинских наук, Семенова Тян-Шанская Марина Владимировна, Курпатов Андрей Владимирович, Бухарина Марина Викторовна — сотрудники Клиники неврозов. E-mail: kurpatov@pochtamt.ru.

Кризисная служба Санкт-Петербурга впервые столкнулась с данными расстройствами в 1999 году, после террористического акта в Москве на Каширском шоссе, а также в 2002 году во время трагедии с «Норд-Остом». Кризисной службе Санкт-Петербурга не пришлось оказывать помощь лицам, непосредственно пострадавшим в результате данных террористических актов. Однако, в указанные сроки отмечался значительный поток пациентов с психическими расстройствами пограничного уровня, вызванными информаций о московских терактах. Помощь оказывалась на всех этапах — силами телефона доверия, в кабинетах социально-психологической помощи и кризисным стационаром.

В клинической картине подобных кризисных состояний преобладает, как правило, содержание переживаемой пациентом трагедии, катастрофические прогнозы относительно возможных будущих террористических актов и т. д., а также особенности индивидуального личностного реагирования на психогенные переживания. При этом отмечаются наиболее типичные особенности, учет которых необходим для выбора тактики ведения пациентов. Расстройства, как правило, относятся к личностному и невротическому уровням, отмечаются аффективные нарушения с преобладанием различной степени выраженности аффектов депрессивного характера и высоким уровнем тревоги, снижение адаптационных возможностей поведения, соматический дискомфорт с вегетативными проявлениями, острота, кратковременность, динамичность, в целом, быстрая обратимость состояний.

Анализируя роль личности в генезе подобных кризисных состояний, следует отметить, что личностные особенности человека, определяющие модус его поведения, имеют серьезное значение в клинике пограничных психических расстройств, спровоцированных информацией о террористическом акте, а также влияют на исход и течение этих состояний. Наиболее подвержены развитию подобных кризисных состояний пациенты с такими особенностями, как инфантильность, незрелость эмоций, слабая устойчивость к разнообразным отрицательно окрашенным внешним раздражителям, экстернальная ориентация, ригидность, повышенная чувствительность, недостаточность психологической защиты, преобладание вытеснений по истерическому типу.

В начальном периоде купирования острого аффективного напряжения наиболее эффективным является применение антидепрессантов и транквилизаторов. Предпочтительными являются малые дозы антидепрессантов и транквилизаторов седативного и активирующего действия, а также препараты нового поколения. Широкое применение в кризисном стационаре находят также препараты общебиологического действия, а также вегетотропные препараты для нормализации соматовегетативных проявлений. При выраженных нарушениях поведения целесообразно применение нейролептиков тормозящего действия. Подобная интенсивная медикаментозная терапия способствует снятию напряжения и нормализации поведения пациентов, а также готовит их к интенсивной психотерапевтической работе.

Психотерапевтическое воздействие в подобных кризисных ситуациях имеет свои особенности и осуществляется поэтапно.

Первый этап — это кризисная поддержка, которая состоит из установления терапевтического контакта, раскрытия сути психологических переживаний пациента, мобилизации личностной защиты и заключения терапевтического договора.

Второй этап — кризисное вмешательство, направленное на анализ психологических проблем пациента, формирующих его неуверенность в себе, опасливое отношение к жизни, его экстернальную ориентацию.

Третий этап — повышение уровня адаптации, формирование новых моделей поведения, адекватных фактическим угрозам и рискам. Указанная задача решается путем групповой кризисной психотерапии.

Перечисляя методы психотерапии, применяемые в кризисном стационаре, укажем также индивидуальные и групповые (помимо групповой кризисной) модификации аутогенной тренировки, ролевой тренинг, групповые дискуссии. При пребывании пациентов в кризисном стационаре большую роль играет психологический климат в отделении, психологическая среда. Создающаяся система межличностных отношений между пациентами и сотрудниками является фактором, способствующим выходу из кризиса.

Необходимо отметить, что кризисная служба Санкт-Петербурга имеет большой опыт работы с острыми стрессовыми состояниями, однако оказание помощи лицам, пострадавшим в результате террористических актов, а также помощь населению с целью психотерапевтического купирования стрессовых реакций на информацию о произошедших и готовящихся террористических актах является для нее относительно новой задачей. Эта проблема имеет как технологический, так и организационный аспекты.

Очевидно, что деятельность кризисной службы является необходимой и может быть продуктивной в обеспечении специализированной помощью лиц с психогенной реакцией людей на террористическую угрозу. Однако должны разрабатываться новые, современные технологии оказания помощи данной группе пациентов, необходимо увеличить мощности службы для обеспечения не только лечебных, но и широких психопрофилактических мероприятий. Специальные планы по организации оказания помощи пострадавшим в случаях массовых поражений при возможных в будущем террористических актах должны дорабатываться и уточняться.

В настоящее время кризисная служба города имеет все необходимые функциональные подразделения, обеспечивающие возможность оказания подобного вида помощи: телефон доверия, кабинеты социально-психологической помощи и кризисный стационар на 30 коек, располагающийся на базе Городской психиатрической больницы №7 им. академика И. П. Павлова.

Каждое из подразделений кризисной службы призвано выполнять свои задачи в рамках оказания помощи лицам, пострадавшим в результате террористических актов или испытывающим стресс, связанный с сообщением о них в СМИ. Телефон доверия обеспечивает возможность прямого и неотложного контакта со специалистом (психиатром, врачом-психотерапевтом, медицинским психологом), осуществление диагностических мероприятий, проведение кризисной психотерапии по телефону и т. д. Специалист телефона доверия имеет возможность перенаправления обратившегося на следующий этап оказания помощи пациенту — в кабинеты социально-психологической помощи.

Специалисты кабинета социально-психологической помощи работают бригадным методом (психиатр совместно с медицинским психологом и социальным работником), ведут анонимный прием

пациентов и обеспечивают возможность получения ими амбулаторной кризисной помощи. Если состояние пациента требует госпитализации в кризисный стационар, этот вопрос может быть решен на месте, а госпитализация пациента, при необходимости, производится как срочная и внеочередная. После выписки из стационара пациент имеет возможность обращаться за дополнительной амбулаторной психотерапевтической помощью с целью удержания результатов проведенного в стационаре лечения.

Кризисный стационар обеспечивает пациенту оказание комплексной фармакологической, кризисной и собственно психотерапевтической помощи, а также широкий спектр физиотерапевтических процедур и других оздоровительных мероприятий (иглоукалывание, ЛФК и др.). В условиях стационара также реализуется бригадный метод работы. Лечащим врачом является врач-психиатр, психотерапию и психокоррекцию проводят психотерапевт и психолог отделения. Большую роль в работе кризисного стационара, кроме того, играет высокопрофессиональный средний медицинский персонал — сестринский состав отделения.

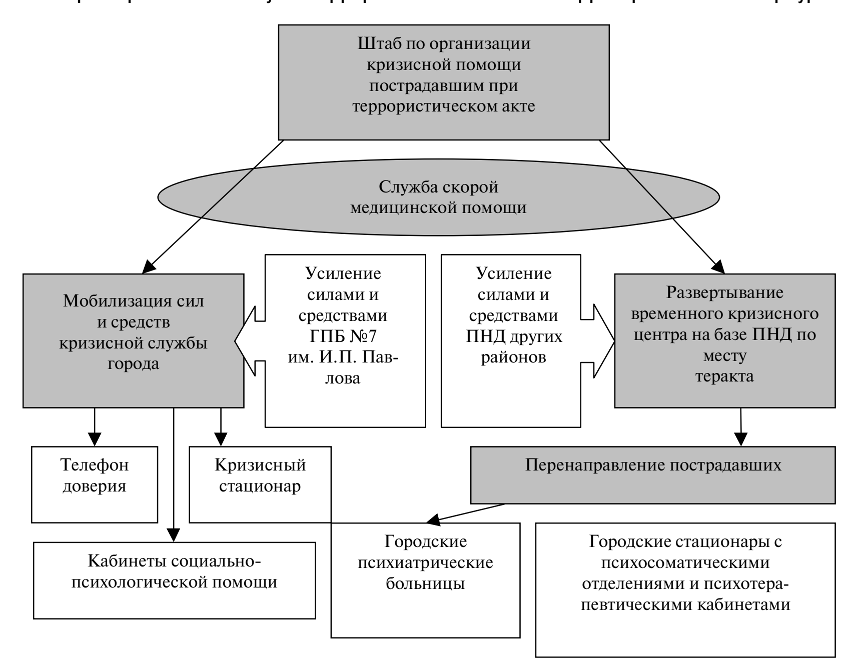
Однако мощностей этих подразделений для Санкт-Петербурга недостаточно. Согласно нормативам, установленным для кризисной службы приказом МЗ № 148 от 06. 05. 98 г. «О специализированной помощи лицам с кризисным состоянием и суицидальным поведением», количество линий телефона доверия должно превышать 40 единиц, кабинетов социально-психологической помощи должно быть также более 40, а суммарный коечный фонд кризисных отделений должен составлять 1200 коек. Фактически же служба укомплектована только на 5%. И с учетом новых угроз ее недостаточность становится еще более очевидной.

Конечно, финансовые затруднения, с которыми сталкивается здравоохранение в целом, объясняют такое состояние кризисной службы, но это не снимает с нее соответствующих задач. В этой связи встает вопрос об организации системы экстренной мобилизации ресурсов городского здравоохранения в случаях возникновения чрезвычайных ситуаций, связанных с возможностью совершения в Санкт-Петербурге крупных террористических актов, сопровождающихся большим числом пострадавших с реактивными психическими расстройствами.

Нами уже подготовлены планы по усилению кризисной службы силами и средствами ГПБ №7 им. академика И. П. Павлова, в случае возникновения ситуации, требующей оказания помощи пострадавшим в результате террористического акта: создание мобильных бригад, состоящих из психиатра, врача-психотерапевта и медицинского психолога, подключение дополнительных линий телефона доверия, развертывание дополнительных коек кризисного стационара и др. Однако возможная массовость поражения требует более основательного подхода к решению этого вопроса, подключение к его решению всех сил и средств городской психиатрической и психотерапевтической службы.

Как нам представляется, общая схема организации кризисной помощи лицам с реактивными психическими расстройствами при террористическом акте может выглядеть следующим образом (см. схему).

Общая схема организации помощи пострадавшим с реактивными психическими расстройствами в случае террористического акта на территории Санкт-Петербурга

Данная организационная схема предполагает, с одной стороны, усиление и мобилизацию действующих подразделений кризисной службы города — телефона доверия, кабинетов социально-психологической помощи, кризисного стационара (в основном, за счет коечного фонда и сотрудников ГПБ № 7 им. акад. И. П. Павлова, а также ее амбулаторного отделения ГПТЦ). С другой стороны, необходимо развернуть временный кризисный центр на базе ПНД того района, на территории которого произошел террористический акт. В случае большого числа пострадавших данный временный кризисный центр должен быть усилен силами и средствами ПНД других районов.

Временный кризисный центр, развернутый на базе ПНД, может осуществлять амбулаторную кризисную помощь пострадавшим, а также перенаправлять пострадавших или в ПНД по месту жительства, или, при необходимости, в психиатрические стационары города и общесоматические стационары, имеющие в своем составе психосоматические отделения или врача-психотерапевта психотерапевтического кабинета больницы или поликлиники. Служба скорой медицинской помощи в данной схеме организации помощи пострадавшим является связующим звеном, обеспечивающим помощь пострадавшим на месте террористического акта и их доставку в подразделения кризисной службы города или временный кризисный центр.

Для эффективной реализации этой схемы в случае возможного террористического акта необходима серьезная подготовительная работа, затрагивающая все учреждения городского здравоохранения, на которые возлагаются задачи оказания помощи пострадавшим.

А. М. Ялов[1]

Возможности решение-ориентированной психотерапии в оказании помощи людям, пострадавшим в результате террористических актов

Идеи, «витавшие в воздухе», были в 80-х годах оформлены как терапия, сфокусированная на решении (Solution Focused Therapy) С. Де Шезером и его группой в США. Работая в центре краткосрочной семейной терапии, они имели дело с разнообразными случаями. Но чаще всего работали с семьями, обращавшимися по поводу своих детей или по поводу зависимостей кого-либо из членов семьи, что нашло отражение в книгах и приводимых примерах. В Финляндии Б. Фурман и Т. Ахола несколько смягчили прагматичный американский подход, а также творчески его дополнили. Ориентируясь на свою культурную ситуацию и избегая медицинских ассоциаций, они стали пользоваться названием «разговор о решении» (Solution Talk). Действительно, предлагаемая модель, будучи социо- и саногенетически ориентированной, чрезвычайно адекватна в широком диапазоне оказания психологической помощи: решение реабилитационных задач при психических заболеваниях, психотерапия, семейное и профессиональное консультирование, школа и дошкольные учреждения и т. д.

Для терапии, сфокусированной на решении, характерны апелляция к сознанию клиентов и стремление расширить или изменить структуру их когнитивной «карты».

[1] Ялов Анатолий Михайлович — кандидат психологических наук, доцент кафедры Психологии кризисных и экстремальных ситуаций СПбГУ. E-mail: extrem13@rambler.ru.

Понимание и проникновение в более светлую сторону текущего серьезного затруднения делает его легче переносимым. Когда проблемы видятся в позитивном свете, люди могут становиться творческими в их разрешении. Часто оказывается, что люди больше способны сделать прогресс только после того, как поймут, что кроме боли их проблема несет что-то ценное.

Тем не менее изменения происходят по различным направлениям: эмоциональному, когнитивному и поведенческому. Попытка вычислить, что было вначале — чувства, мысли или поступки, напоминает знакомую дилемму «курица или яйцо». (По отношению к вопросу о первичности когниций или эмоций действует прагматическая позиция: изменение одного компонента запускает цепочку изменений.) Гораздо полезнее уделять внимание тому, как человеку удалось сделать заметные перемены.

Вместо списка того, что «неправильно у клиента», — появляется карта, позволяющая определить, куда хочет попасть клиент (и психотерапевт). Профессионал принципиально стремится придать разговору такое направление, где акцентируются не столько проблемы, сколько сильные, сохранные стороны человека, его ресурсы и цели.

Возвращение надежды у клиента, необходимость сотрудничества и т. д. — постоянный лейтмотив работ по медицинской психологии прошлых десятилетий. Оставался открытым вопрос о том, как это осуществить. Поэтому важной особенностью терапии, фокусированной на решении, является высокая степень инструментальности и описание как схемы действий (блоков), так и значительного числа «технических» приемов. Техники не только способствуют продвижению в сторону решения; их подбор работает на создание необходимой атмосферы психотерапевтической сессии, столь важной для успеха. Излюбленный способ введения ряда техник — это рассказ (иногда подробный) клиенту о случае из прошлой практики, о другом клиенте, успешно решившем проблему. Используются также притчи и истории из жизни, сочетающиеся с открытой позицией: «Нет ли чего-то подобного в Вашем случае?» Эти рассказы, притчи, истории не звучат как утверждение «Ваш случай аналогичен».

Разговор о будущем, помогая ставить перед собой конкретные цели, имеет еще много преимуществ. Предвидя для себя позитивное будущее, люди начинают смотреть на свои трудности в настоящем как на переходную фазу, а не как на вечную изнурительную ситуацию. Сегодняшние лишения и тяжелые испытания могут быть увидены как ценный научающий опыт. Фантазии о будущем порождают оптимизм, помогают думать о возможных способах решения проблем, увеличить осознавание клиентами тех решений, которые они уже имеют, увидеть уже происходящие изменения и понять, как разные люди могли бы способствовать осуществлению желаемого результата.

Участие психотерапевта в мечтах клиента, даже если они заведомо нереалистические или фантастические — замечательный путь установления контакта. (Как и вообще участие одного человека в мечтах другого способствует хорошим отношениям.) Участие в таком словесном фантазировании совершенно не подразумевает, что психотерапевт всегда собирается способствовать их осуществлению. Смысл такого разговора в том, что психотерапевт избегает менторской позиции, которую можно символизировать следующими словами: «Нет, Ваши желания неосуществимы. Лучше стремиться к тому-то и тому-то».

Будущее — одна из наиболее вознаграждающих тем для психотерапевтической беседы. Люди могут расходиться во взглядах насчет того, что будущее может принести. Но в глубине души они понимают, что никому неизвестно, что оно принесет, и потому это ничейная территория, которой никто не может владеть. Поэтому она открыта для всех возможных идей и представлений — замечательное место для равноправных конструктивных разговоров.

Сами клиенты часто обращены в прошлое как источник проблем. В этом случае психотерапевт может идти вслед за клиентом и говорить о прошлом, однако для него прошлое — еще один источник ресурсов.

Иногда люди убеждены, что за страдание ответственен определенный проступок, грех, совершенный ими по отношению к другим или совершенный другим лицом по отношению к ним. Негодование, чувство обиды или сильный и стойкий гнев, возникающие из ощущения несправедливости и причиненного зла, могут также (не отличаясь в этом от чувства вины) стать препятствием к наслаждению собственной жизнью.

Обычно, будто это само собой разумеется, господствует убеждение, что первопричина текущих проблем — в отрицательных прошлых переживаниях. Стало привычным думать, что неблагоприятный детский опыт (а также более поздние стрессирующие события) оставляет свой след, отпечаток на людях и проявляется в последующей жизни как симптомы. В клинической практике, основываясь на этой идее, клиентов зачастую поощряют «работать» через разговор о прошлых утратах. Это убеждение сейчас встречается не только в психиатрических и психологических учебниках и среди профессионалов, но также и в повседневных условиях. Взгляд, что прошлый травматический опыт — источник проблем в последующей жизни, — конечно, правдоподобен, по крайней мере в нашей культуре. Это мнение, однако, не является единственным. Противоположный взгляд, что тяжелые прошлые испытания — ценный обучающий опыт, — одинаково разумный. Убеждение, что трагедии прошлого являются причиной последующих проблем и делают людей уязвимыми к будущим стрессам, может становиться самоисполняющимся пророчеством. И наоборот, мысль о своем прошлом как о ресурсе может помогать людям в достижении своих целей, в будущем. Можно думать о негативных событиях, пережитых в прошлом, и как о тяжелых испытаниях, приведших к чему-то положительному, являющихся основой некоторых нынешних ресурсов и позитивных качеств.

Западная наука, включающая психиатрию, психологию и различные школы психотерапии, базируется на идее, что объективное исследование обеспечивает ответы на вопросы «почему?», касающиеся проблемного поведения людей. Концептуальный подход предполагает существование одной вещи, а именно — истины; следовательно, объяснения причин либо близки, либо далеки от нее. И поэтому в задачу специалиста до сих пор входит прежде всего поиск объяснений истинных причин проблем посредством внимательного наблюдения и логического рассуждения. Такой подход, характерный для современной науки, имеет свои несомненные преимущества, но также и ограничения. Такое соотношение преимуществ и ограничений сегодня далеко неоднозначно в различных научных дисциплинах и сферах человеческой деятельности, в частности в психологии.

Способ, которым мы объясняем проблемы, и принимаемые меры тесно взаимосвязаны. Изменение способа, каким мы объясняем проблему, ведет в результате к переменам в способе, которым мы пытаемся решать ее, и наоборот. Объяснения проблем в значительной степени определяют то, что, по мнению человека, требуется сделать для их решения. Так, объяснение детских проблем в терминах семейной дисфункции обусловливает стремление психотерапевта делать что-нибудь с предполагаемой дисфункцией. Это так же, как для людей в других культурах вера в то, что проблемы вызваны гневом предков, ведет к старанию задобрить дух предка.

Жесткое следование концепции может быть «шорами на глазах», заставляя каждый случай подгонять в рамки определенной концепции. В результате этого психотерапевтические воздействия должны ограничиваться только теми, которые логически согласуются с концептуальным пониманием.

Учитывая этот факт, решение-фокусированные психотерапевты могут выбрать в качестве альтернативы (или дополнения) концептуальному подходу другую возможность — разговор об объяснениях в ориентированном на решение ключе, где объяснения делятся не на верные и неверные, а на способствующие и препятствующие решениям (достижению цели). В такой прагматической позиции объяснения ценятся исключительно на основе их потенциальной пользы для разрешения проблемы.

Объяснения различаются степенью, в какой они приписывают вину и вызывают стыд. Поэтому полезно замещение некоторых объяснений на новые, которые лучше во взращивании сотрудничества и творчества. Существуют многочисленные способы объяснения отдельных аспектов поведения. Например, если отец не участвует в сессии семейной терапии, несмотря на отдельное приглашение, его поведение может рассматриваться разными способами. Так, можно думать, что его отсутствие вызвано недостатком заботы о своей семье, что он боится осуждения профессионалов или что он действительно слишком занят, чтобы посетить сессию. Эти различные объяснения вызывают разные эмоциональные и поведенческие реакции; некоторые из этих реакций, формируя необходимое настроение, более чем другие подходят для усиления сотрудничества и достижения цели.

Практика показывает, что стимулируемое терапевтом исследовательское отношение к своей проблеме возрастает по мере уменьшения поглощенности ею. В этом помогает юмор. Разумеется, важно смеяться вместе с клиентом, а не над ним. Чтобы было именно так, надо понимать, что юмор — это контекстуальное явление, а чувствительность к контексту определяется достаточным общим уровнем коммуникативных качеств психотерапевта.

Ю. Л. Бердникова[1]

Круги на воде, или «Неизвестные пострадавшие»

Государственая Дума РФ обсуждает поправку к закону «О средствах массовой информации» с предложением запретить показывать в СМИ тела погибших в результате терактов. В конгрессе США обсуждается законопроект по принятию мер по психологической защите населения страны от последствий терактов. Полное название законопроекта — «Акт о выработке национальной стойкости». Подобными вопросами сейчас озабочены правительства, наверное, всех стран мира. У широких слоев населения различных стран после сообщений о терактах усиливаются симптомы стресса, увеличивается количество обращений к врачам в связи с реакциями на угрозу терроризма. За различными недомоганиями обычно скрывается беспокойство, страх, чувство безысходности, депрессия.

Особое внимание следует обратить на негативное влияние угрозы терроризма на детскую психику. Интересно проследить трансформацию известной в нашей стране детской игры на протяжении нескольких последних десятилетий. Раньше дети играли в «казаки-разбойники». После 1917 года стали играть в «красных и белых». После Второй мировой войны играли в «советских и фашистов», или в «наших и немцев». Сейчас же дети играют в террористов. В игре «бандиты и бандиты» обе стороны убивают друг

[1] Бердникова Юлия Леонидовна — преподаватель Восточно-Европейского Института Психоанализа, супервизор Национальной Федерации Психоанализа.

друга. В игре нет плохих и хороших, правых и виноватых. Все убивают всех. С детства усваивается идея убийства ради убийства. И в отличие от периода после Второй мировой войны, когда быть фашистом в игре было непрестижно, сейчас образ террориста чем-то привлекателен. Это тот, кого все боятся, кого невозможно победить. То есть прекрасный объект для идентификации. Чтобы перестать бояться, нужно пугать других.

В США недавно был создан Национальный совещательный комитет по проблемам детей и терроризма, который подчеркивает, что «порождаемый терроризмом эффект распространяется главным образом посредством психологического воздействия». Известно, что самое негативное воздействие на детей и семьи оказывает испуг, порождаемый террористическими событиями. То есть достигается главная цель терроризма — воздействие на чувства большого количества людей. Объектами терроризма являются в настоящее время не убитые, а живые, те, кто боятся. Устрашение населения, деморализация, создание невротического страха, провокация и усиление психотических реакций — все это мы наблюдаем сейчас в нашем обществе, и это именно то, к чему стремятся террористы. Такие понятия, как «цель жизни», «смысл жизни», «жизненные ценности» теряют свое значение, так как угроза потерять жизнь существует в любой момент и везде. Можно быть убитым дома, по дороге на работу, на самой работе, в магазине. Нет сомнения, что все цели были бы недостижимы при отсутствии «посредничества» средств массовой информации и в особенности — телевидения.

Иллюстрацией может служить следующий клинический случай. За помощью обратилась семья: муж, жена и пятилетний сын. Около трех месяцев назад у мальчика появилась новая игра, как сказали родители. Он приспособил металлическую кастрюлю под барабан и, приходя из детского сада, изводил родителей и соседей стуком и грохотом. Родители в отчаянии купили ему игрушечный барабан, надеясь улучшить ситуацию. Но шума от этого меньше не стало. К ежевечерним «музыкальным» упражнениям добавилось марширование по комнате. Мальчик играл в «армию». Он говорил, что он солдат и должен тренироваться. Первое время родителей беспокоил только шум, позднее они стали отмечать, что игра носит все более продолжительный характер, становится навязчивой. Сына стало практически невозможно отвлечь чем-либо от его упражнений. Когда игра стала повторяться и в детском саду, тревогу проявила воспитательница. Она порекомендовала родителям обратиться к психологу. Психолог, в свою очередь, направил их к психоаналитику.

При первом посещении я отметила лишь некую напряженность, существующую в этой семье. Мама была очень немногословна и выглядела несчастной и измученной. Папа категорически отказался от посещения психолога, сославшись на занятость. Со слов мамы, до появления навязчивой игры каких-либо невротических проявлений или нарушений развития у сына не наблюдалось. У мамы также не было никаких предположений по поводу причин такого поведения сына. В целом, семейная ситуация на первый взгляд казалась почти нормальной.

На первых 6-ти сессиях, которые я обозначила как диагностические, мальчик поначалу вел себя довольно скованно. Он неохотно разговаривал, предпочитая отвечать на вопросы, не интересовался никакими игрушками. Слабое оживление вызвали игрушечные солдатики, он немного поиграл в войну, немного порисовал. Причем его рисунки всегда повторяли сюжеты с занятий по рисованию в детском саду. На четвертой сессии он выглядел особенно тревожным и спросил, нет ли у меня барабана. Барабана не было, и он решил приспособить под него круглую пластиковую коробку. Нашлись и палочки. С этого момента мальчик упоенно барабанил и маршировал во время наших сессий. Так как этот эквивалент барабана нельзя было подвесить на шею, он маршировал и барабанил поочередно, затем предложил мне участвовать. И мы с ним занимались этим еще 2 сессии, во время которых появилась возможность поговорить об этом. Выяснилось, что быть солдатом необходимо для того, чтобы защищать маму и его самого от врагов. Кто эти враги, мальчик не мог объяснить, но они хотели всех убить. На вопрос, откуда они появились, мальчик ответил, что про них была передача по телевизору.

После этого я пригласила на консультацию родителей мальчика, особенно настаивая на том, чтобы они пришли вместе. Мама сумела убедить папу в том, что совместная встреча необходима для продолжения работы с ребенком. Супруги пришли вместе, и папа

сел верхом на стул, отгородившись от меня спинкой, как будто я могла ему чем-то угрожать. От жены он тоже сидел на большом расстоянии, явно не желая иметь с ней ничего общего. Он был напряжен и готов к обороне. Мой вопрос удивил его. Я спросила, в чем он видит причину появления у сына навязчивых симптомов. Он горячо и сбивчиво стал рассказывать... про состояние жены. Оказалось, что у женщины вскоре после террористической акции в Москве, когда был взорван жилой дом, начались приступы панического страха. Она стала бояться ездить на лифте, даже с кем-то. Если была одна, предпочитала идти пешком. Кроме того, почти каждую ночь она вставала с постели и пыталась выбежать из квартиры в ночной рубашке. Несколько раз супруг возвращал ее уже с лестничной площадки, просыпаясь от звука открывшейся двери. Она говорит, что не помнит, как выбежала. Смутно вспоминает страшные сны о взрыве их дома.

Во время рассказа мужа женщина начинает плакать и не может остановиться. Она обращалась к невропатологу в районную поликлинику. Врач выписал женщине глицин и пристыдил ее, пригрозив, что если она будет так вести себя, то попадет в психиатрическую клинику. С этой поры супруги не рисковали не только искать помощи врачей, но и вообще рассказывать о происходящем кому бы то ни было. Вскоре начинаются симптомы навязчивости у сына, хотя предполагается, что он ничего не знает о том, что происходит с мамой.

Муж не в состоянии облегчить страдания жены, защитить ее от страха. Он чувствует себя виноватым. Постепенно чувство вины сменяется злостью. Он считает, что она могла бы сознательно контролировать себя, но не делает этого. Женщина обижается и злится на мужа, возникает эмоциональное отчуждение. Муж обвиняет жену в том, что сын невротизируется из-за нее, начинаются конфликты в семье.

В дальнейшем работа с этой семьей строилась нетрадиционным образом, исходя из их потребностей. Продолжались индивидуальные встречи с мальчиком, проводились индивидуальные консультации с матерью, раз в две-три недели проводились совместные семейные сессии, на которых присутствовали оба супруга. В целом воздействие основывалось на психодинамическом подходе с элементами системной семейной психотерапии. Наиболее дифференцированным членом семьи оказался муж. Сумев с помощью психолога понять и здраво оценить ситуацию, он немало способствовал изменению сложившегося патологического паттерна взаимоотношений в семье.

Все члены семьи, условно говоря, «разделили» между собой симптоматику посттравматического стрессового расстройства. Жена, напряженно и внимательно следившая за циклом телепередач, освещавших подробности трагедии в Москве, обладала и до этого общей повышенной тревожностью. Это проявлялось в психической сфере как периодически возникавшее беспокойство и озабоченность, эмоциональные срывы, неуверенность в правильности своих действий, мнительность по поводу здоровья себя и ребенка. После просмотра телепрограмм, подчеркивавших и нагнетавших негативные аспекты реальности, произошел «надлом» защитных механизмов психики. У женщины начались частые кошмарные сновидения, в которых частично воспроизводилась информация, получаемая из СМИ. В суженном, просоночном состоянии сознания пациентка пыталась выбежать из квартиры, чтобы спастись на улице. О происходящем ночью почти не помнила. Приходила в себя уже в руках мужа. Кроме этого, оказываясь в маленьком замкнутом помещении (лифте), испытывала приступы панического страха, что дом начнет рушиться и она не успеет выйти.

Сын, в силу своего возраста еще эмоционально сильно связанный с матерью, не демонстрирует явного страха. На него просмотр выпусков новостей поначалу, казалось бы, не оказывал какого-либо воздействия. Но через некоторое время в его игровом поведении появляются навязчивые действия (барабанит, марширует), которые можно интерпретировать как защитные, прямо связанные с содержанием материнских страхов. Если мать демонстрирует усиление виктимности, то сын идентифицируется с защитником, играя в марширующую и барабанящую армию.

Попытка матери получить медицинскую помощь и неудачный опыт усилили общие депрессивные тенденции и ощущение, что все бессмысленно и бесполезно.

На фоне этого у мужа развивается, как позднее выяснилось, стойкая бессонница, так как он вынужден был следить за поведе-

нием супруги ночью. Не будучи в состоянии помочь ей и испытывая чувство вины за это, он проявляет агрессивные реакции. Первое время он пытается воззвать к ее здравому смыслу, убедить перестать бояться, затем начинает насмехаться над ней. Несколько раз муж пытается силой заставить жену подниматься на лифте в одиночку, чтобы победить ее страх, что приводит к очередным сильным ссорам. Таким же образом, путем запретов и наказаний, он пытается побороть навязчивые действия сына.

О тяжести полученной психотравмы можно судить по длительности и усилению интенсивности семейной симптоматики. На момент обращения мать страдала уже около 5-ти месяцев, сын немного меньше, и их состояние последовательно ухудшалось.

В процессе терапии муж сумел понять, что жена может изменить свое состояние только с его помощью. После совместных консультаций и разъяснения терапевта он изменил свое отношение и поведение, стал давать жене необходимую поддержку и помощь, отказался от демонстрации злости и насмешек. При поездках в лифте и перед засыпанием стал обнимать жену и ласково разговаривать с ней, снижая ее тревогу. Благодаря этому женщина обрела уверенность и стала спокойнее. Параллельно в поддерживающей терапии с женой были проработаны две психотравмирующие ситуации из ее детства (пожар в деревенском доме и эпизод с застреванием в лифте). Эта проработка оказала решающее воздействие на исчезновение панических реакций и общее снижение тревожности. На совместных встречах также велась работа, направленная на позитивное объединение супругов, преодоление возникшего отчуждения.

В индивидуальной психодинамической терапии с мальчиком происходило постепенное преобразование навязчивых симптомов в интерес к военному делу, смягчение выявленных анально-садистических проявлений, усиление идентификации с сильным, защищающим отцом. Этому способствовало то, что отец стал больше времени уделять сыну, в частности посещал с ним музеи с военной тематикой, спортивные мероприятия.

В результате проводимого психотерапевтического лечения семья постепенно стала возвращаться к нормальному функционированию. Пропали навязчивые игры у сына, предварительно несколько раз видоизменившись в процессе терапии. Прекратились полностью ночные панические атаки у матери. Единственным последствием стало стойкое негативное отношение к телепередачам со стороны матери. Реальный страх угрозы теракта вылился у этой женщины в форму сверхбдительности ко всему, что происходит вокруг. Она дважды вызывала спецслужбы, подозревая, что готовится взрыв соседних домов.

После каждого террористического акта, широко освещаемого СМИ, как круги по воде, расходятся подобные приведенным в нашем докладе реакции, более или менее выраженные.

Исследования этих воздействий проводились американским социологом Д. Филипсом и израильскими профессорами Бергером и Лаходом. Результаты были аналогичными. Человек, вынужденный жить в постоянном страхе за свою жизнь, за жизни своих детей и близких, находится в состоянии, близком к невротическому. Частыми последствиями этого даже при эмоциональном отреагировании являются упадок сил и нарушения аппетита, различные алгические проявления (сердечные, головные боли), обострения хронических болезней, депрессивные реакции. Посттравматический синдром может вернуться и через длительное время. Всем известен, например, «синдром годовщины», когда повторяются все негативные симптомы, испытанные по поводу травматического события, иногда в виде имунных и психосоматических заболеваний.

Могу также сослаться на результаты социально-психологической экспертизы, проведенной в Нижнем Новгороде в 1999 г. Кандидат психологических наук Абрамцев В. В. и кандидат философских наук Волков Е. И. анализировали ряд телепередач одного из каналов и убедительно доказали, что показ шокирующих и тяжелых подробностей, некорректность видео- и информационного ряда наносят серьезный вред психическому здоровью граждан и особенно детей. Специалисты призывают к дальнейшим исследованиям.

Не хотелось бы повторяться и произносить хорошо известные вещи о влиянии СМИ на психику людей, об отсутствии элементарной этики в подаче звукового и видеоряда, особенно с эффектом документализма, эксплуатирующего шоковые подробности

В. В. Горанчук, Б. В. Овчинников, С. П. Шклярук[1]

Концептуальные подходы к подготовке «переговорщиков»

События последних лет, происходящие в США, России, Югославии, Испании, Узбекистане и других странах мира, привели к пониманию того, что возникающие этнические и конфессиональные конфликты все чаще сопровождаются крайними проявлениями экстремизма. Возрастающее число жертв насилия, неспособность государств остановить террор, мощный общественный резонанс способствуют эскалации напряженности и социальной нестабильности. Последнее предопределяет нарастающий риск политических кризисов вплоть до распада государств, возникновения социального хаоса и, в худшем варианте, уничтожения современной цивилизации. Изложенное объясняет необходимость разработки мероприятий предупреждения и ослабления проявлений террористических акций. Внимание политиков, социологов, психологов, специалистов силовых структур все чаще обращается к таким способам предупреждения терроризма, как переговоры.

Анализ немногочисленных доступных источников позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время в России отсутствует система подготовки специалистов, предназначенных для проведения переговоров с террористами и, в целом, с представителями

[1] Горанчук Валерий Валентинович — доктор медицинских наук, профессор кафедры Психологии кризисных и экстремальных ситуаций СпбГУ, Овчинников Борис Владимирович — доктор медицинских наук, профессор кафедры Психологии кризисных и экстремальных ситуаций СпбГУ, Шклярук Сергей Павлович, старший научный сотрудник, кандидат медицинских наук, доцент кафедры Психологии кризисных и экстремальных ситуаций СпбГУ. E-mail: extrem13@rambler.ru.

экстремистских группировок. Вместе с тем потребность в специалистах указанного профиля, равно как и концептуальное обоснование системы их подготовки, становится все ощутимей. В настоящей публикации мы ставили перед собой задачу обсудить возможные формы и содержание такой системы.

В наиболее общем виде к основным компонентам системы подготовки «экстремальных переговорщиков» можно отнести следующие:

- отбор кандидатов с необходимыми профессионально важными качествами (ПВК);
- обучение их приемам экспресс-диагностики как своих, так и чужих актуальных психических состояний и личностных свойств;
- формирование навыков ведения переговоров и психологического воздействия;
- практическая отработка умений и навыков в модельных и реальных условиях.

Опыт подготовки специалистов «экстремальных» профессий (подводников, летчиков, водолазов и др.) свидетельствует о том, что указанная схема оправдывает себя и дает неплохие результаты. Осмысление перечисленных положений, однако, вызывает множество вопросов, которые в настоящее время еще не имеют ответов.

Принципиальным вопросом, требующим разрешения в первую очередь, является определение необходимых переговорщикам профессионально важных качеств. В идеальном случае перечень ПВК можно было бы выявить путем оценки личностных и профессиональных свойств специалистов, успешно проводивших переговоры с террористами. Поскольку таких специалистов нет (или практически нет), подобный подход нереален. В этой ситуации единственно возможным методом становится анализ специфики ситуаций, возникающих во время террористических актов, с последующим прогнозированием ПВК, обеспечивающих выживание человека и решение поставленных перед ним задач, а затем аппроксимированием этих свойств на будущих переговорщиков. При этом анализ специфики террористических актов осуществляется post factum чаще с участием представителей силовых структур и выживших очевидцев и, что значительно реже, с привлечением

собственно террористов. Восприятие и интерпретация произошедших событий теми и другими имеют определенную степень субъективизма, что следует учитывать в ходе психологического анализа террористического акта.

Наиболее важными моментами, связанными с анализом террористического акта и имеющими отношение к подготовке «экстремальных переговорщиков», вероятно, следует считать: мотивы (идеологию), причины и поводы к совершению террористического акта; способы подготовки и реализации агрессии; характеристика человеческих и материальных ресурсов террористов; личностно-профессиональные качества лидеров экстремистской группы; степень психологической подготовки террористов и методы их психологического воздействия на окружающих. Уяснение перечисленного способствует воссозданию фабулы теракта, психологического климата в группе террористов, прогнозированию возможных методов воздействия на переговорщика, что в целом с определенной степенью вероятности обеспечивает формирование представлений о требуемых ПВК будущих специалистов переговорного процесса.

Ориентировочный перечень необходимых переговорщику характеристик психических процессов, свойств и состояний можно представить в следующем виде: высокие интеллект (общий — выше среднего, коммуникативный — высокий) и темп мышления; значительные гибкость и переключаемость мышления; быстрая ориентировка в новой ситуации; хорошо поставленная и эмоционально выразительная речь; значительные объем, распределение и скорость переключения внимания; способность мысленно наблюдать ситуацию извне; точная субъективная оценка времени; низкий уровень спонтанной агрессивности и выдержка; аутентичность, искренность и способность вызывать доверие. При этом наиболее развитыми интегративными качествами, по-видимому, должны быть развитой интеллект, высокие стрессоустойчивость и надситуативная активность, а также интуиция (понимаем под этим способность к прогнозу динамики событий на основе личностной и ситуативной экспресс-диагностики). Важно подчеркнуть то, что каждая экстремальная ситуация требует, наряду с перечисленными «неспецифическими» качествами (важными в условиях любого кризиса), констелляции и акцентирования определенных, «специфических» ПВК, которые в другой ситуации могут оказаться недостаточными. Последнее, по-видимому, предполагает специализацию переговорщиков и, соответственно, разнообразие форм и методик их подготовки.

Логичным продолжением этапа формирования перечня ПВК является отработка валидных, надежных и стандартизированных методик их выявления. При этом объективизация внешнего критерия, предопределяющего эффективность отбора и подготовки переговорщиков, окажется не всегда возможной. В таком случае в качестве внешнего критерия, по-видимому, придется использовать результаты тренировок, максимально приближенных к реальным условиям, и данные зарубежных специалистов, имеющих опыт подготовки «экстремальных переговорщиков».

Способность быстро ориентироваться в обстановке, выявлять актуальные психические состояния и личностные свойства террористов требует воспитания наблюдательности, умения концентрировать внимание, видеть и слышать, правильно интерпретировать информацию. В основе этой способности, несомненно, лежат некоторые врожденные качества личности. Вместе с тем обучение основам психологии общения, этнической психологии, психодиагностики, психологии маргинальных сообществ, криминальной и наркоаддиктивной психолингвистики (а также наверняка и многих других дисциплин) с последующей отработкой в ходе тренингов позволит «отточить» эти умения, довести их до уровня мастерства. Очевидно, наиболее существенным при этом можно считать умение выявлять те психологические «комплексы» экстремиста, которые предопределяют его поведение и воздействие на которые обеспечит требуемое разрешение ситуации.

Экспресс-диагностика личностных свойств террориста (экстремиста) столь же актуальна, сколь и оценка собственных психических состояний. Переговорщик обязан уметь регулировать уровень своего эмоционального напряжения, одновременно удерживая в поле внимания противника. Идеальной следует считать способность наблюдать за происходящим как бы со стороны (эффект геликоптера), одновременно оценивая и себя, и оппонента. Подобное качество обеспечивает возможность предугадывать ход событий и выбирать те стратегию и тактику переговоров, которые будут наиболее эффективными.

Подготовка «экстремальных переговорщиков» не может быть совершенной без обучения разнообразным приемам и способам психологического воздействия. Техники вхождения в контакт, создания первого позитивного впечатления, привлечения внимания и инициации интереса к личности, создания адекватных ситуации имиджа и ролевых моделей с учетом этнических и конфессиональных качеств террориста, установления раппорта и поддержания диалога, внушения, убеждения и даже подчинения, очевидно, должны составить ядро этого этапа подготовки. Приведенный перечень вряд ли можно считать окончательным, особенно с учетом быстро меняющейся специфики чрезвычайных ситуаций.

Практическая отработка полученных знаний, умений и навыков с целью снятия синдрома «новизны», тренировки навыков реального взаимодействия с террористами представляется наиболее сложным этапом подготовки «переговорщиков». Сложность состоит не только в том, что трудно моделировать кризисную ситуацию как таковую, но и в том, что практически невозможно предугадать ее реалии. Тем не менее одним из возможных способов такой тренировки может стать взаимодействие с заключенными, характеризующимися крайне деструктивными формами поведения (например, «отказники»), в условиях «зоны» или камер предварительного заключения. Важным элементом прикладного этапа подготовки должны стать семинары, в ходе которых действующие опытные переговорщики будут передавать свой опыт. К сожалению, этот компонент подготовки пока еще находится за горизонтом самых радужных перспектив.

В заключение следует подчеркнуть, что система подготовка «экстремальных переговорщиков», вне всякого сомнения, должна носить комплексный характер с привлечением психологов, социологов, экономистов, политологов, юристов, представителей силовых структур. Динамичность, насыщенность и обязательная креативность должны стать основополагающими принципами, столпами этой системы.

С. Н. Ениколопов[1]

Современный терроризм и агрессивное поведение

Для всех, кто хотел бы предсказывать и предотвращать появление террористических групп или срывать реализацию террористических актов, необходимо знание психологических аспектов терроризма. Конечно, терроризм является следствием не только психологических, но также и экономических, политических, религиозных и других факторов, и нет никаких сомнений в том, что терроризм — сложное социальное явление. Было бы упрощением и просто ошибкой объяснять акт терроризма единственной причиной типа психологической потребности террориста в совершении акта насилия. П. Вилкинсон показал, что причины терроризма, как и любой формы политического насилия, в том числе и революции, включают этнические, религиозные и идеологические конфликты, бедность, напряжения модернизации, политическую несправедливость, недостаток мирных каналов коммуникаций, традиции насилия, существование революционных групп, слабость правительства, эрозию доверия режиму и глубокие разногласия среди элит [23] .

Вместе с тем без глубокого психологического анализа трудно найти ответы на вопросы типа: почему некоторые индивиды ре-

[1] Ениколопов Сергей Николаевич — сотрудник Научныого центра психического здоровья Российской Академии наук, кандидат психологических наук. E-mail: enikolopov@rambler.ru.

шают порывать с обществом? Как становятся террористами? Имеют ли политические или религиозные террористы в различных регионах мира что-нибудь общее в своем развитии, или террористические группы слишком разнообразны, чтобы иметь общие черты? Если психологический портрет террориста может быть создан, то может ли он надежно помочь сотрудникам правоохранительных органов идентифицировать потенциальных террористов?

В отличие от политологов и социологов, которые сосредоточены на анализе политических и социальных аспектах терроризма, психологи, изучающие терроризм, прежде всего заинтересованы исследованием индивидуально-психологические характеристик террористов, их ценностей, убеждений, мотивов, их вовлечением в террористические группы и карьеры, а также психологическими аспектами возникновения и функционирования террористических групп.

Существует большое число определений насилия, и практически во всех этих определениях под насилием понимают применение силы, приводящее к ущербу, наносимому основным человеческим потребностям или даже жизни вообще, понижающему уровень их удовлетворения ниже потенциально возможного. Угроза возможного насилия также является насилием. Й. Галтунг предлагает в качестве основных потребностей рассматривать: а) потребность выживания (отрицанием данной потребности является смерть, смертность); б) потребность благополучия (отрицанием является нищета, болезни); в) потребность в идентичности (отрицание этой потребности — отчуждение); г) потребность свободы (отрицание — репрессии) и выделил три форм насилия: прямое, структурное и культурное [6].

Наиболее явным и доступным для эмпирического наблюдения является прямое насилие со всеми видами жестокости, проявляемой людьми друг к другу, к другим формам жизни и природе в целом. По отношению к перечисленным выше потребностям прямое насилие проявляется в следующих формах — а) убийство; б) телесные повреждения, блокада, санкции, нищета; в) десоциализация из собственной культуры и ресоциализация в другую культуру (например, запрещение родного языка и навязывание другого), отношение к людям как гражданам второго сорта; г) репрессии, задержание, изгнание. Именно эти формы чаще всего определяются как агрессивное поведение.

Структурное насилие: а) эксплуатация типа А, когда нижестоящие могут быть ущемлены настолько, что умирают от голода и болезней; б) эксплуатация типа Б, когда нижестоящие могут оказаться в состоянии постоянной нищеты, включающем недоедание и болезни; в) внедрение в сознание, ограничение информации; г) маргинализация, разобщение.

Под культурным насилием Й. Галтунг предлагает рассматривать те аспекты культуры, которые могут быть использованы для оправдания и легитимации прямого и структурного насилия. Культурное насилие ведет к тому, что прямое и структурное насилие начинает выглядеть и восприниматься как справедливое.

Три вида насилия имеют базовое различие во временном отношении. Прямое насилие имеет характер события; структурное — процесса с подъемами и спадами; культурное насилие — остается неизменным долгие периоды. Можно обнаружить переходы от культурного через структурное к прямому насилию. Культура воспитывает, учит и предлагает рассматривать эксплуатацию, репрессии, индивидуальные и групповые агрессивные действия в качестве нормальных и естественных явлений. Анализ культурного насилия позволяет понять, каким образом прямое насилие или агрессивное поведение и структурное насилие легитимизируются и делаются приемлемыми в обществе.

Большинство ценностей, функционирующих в современном обществе, способствуют тому, что агрессия и насилие активно проявляются и воспроизводятся в социуме. Это в первую очередь имеет отношение к ценностям, касающимся статусных, имущественных, возрастных отношений и создающим основу для сильных социальных напряжений, переживаемых большим количеством членов социума. В модернизирующихся странах прямое и структурное насилие проявляются как попытка перераспределить или сохранить статус, богатство, ресурсы или отомстить за предшествующие унижения. Кроме различных формы прямого насилия может возникнуть также ощущения безнадежности, одиночества и фрустрированности, которые проявляются как направленная вовнутрь агрессия или апатия и отстранение.

В большинстве стран индивидуальные агрессивные действия, в том числе и криминальное насилие, не имеют правовых оснований и общественного признания, т. е. нелегитимны, и только го-

сударство имеет право на легитимное насилие. Терроризм, провозглашая идеи социальной справедливости, национальной независимости или религиозных ценностей, осуществляет контрлегитимное насилие. Легитимизация террора проявляется в признании справедливости требований и действий террористов, их моральной оправданности, а правовых норм не имеющими значения. Терроризм разрушает сложившийся общественный и правовой порядок, признавая убийство и угрозу насилием справедливой правовой процедурой. Многие террористические организации претендуют на то, что осуществляют параллельное правосудие и выносят своим врагам смертные приговоры. Все это осуществляется во имя высших целей, которые предполагаются более значимыми, чем лигитимизированные государством и обществом ценности.

Многочисленные исследования показали, что рост агрессивного поведения, насилия и терроризма обусловлены крупными и резкими социальными переменами (например, аномия или модернизация страны) и связанными с этими переменами нарушениями традиционной организации общества. В обществе, переживающем подобные изменения как острый кризис, отмечается активный процесс социальной дифференциации и имущественного расслоения граждан, идеологическое противостояние существующих и возникающих политических движений, партий и организаций, ведущих борьбу за власть. Социальная и психологическая поляризация населения происходит на фоне низкой эффективности государственного аппарата и правоохранительных органов.

Способы разрешения подобных ситуаций во многом обусловлены существующими в данном обществе и группах (в том числе и этнических) образцами и схемами поведения (например, этническими стереотипами поведения), которые являются упрощенными стереотипизированными, зачастую искаженными и предубежденными представлениями характерными для обыденного сознания. Нарастает тенденция к разрешению возникших противоречий и конфликтов силовыми способами.

Терроризм связан с радикализацией критики существующего общества, и является проявлением идей социальной справедливости, национальной независимости и религиозного фундаментализма. Большинство современных террористических организаций являются проявлением либо социального терроризма, который ставит перед собой революционные, антикапиталистические цели, либо националистического или религиозного терроризма. Существует и еще и антисистемный терроризм, который отрицает современное общество вообще и объявляет ему войну. Это терроризм одиночек или маргинальных групп сектантского характера. Этот вид терроризма наиболее тесно связан с психической патологией и наименее предсказуем.

Дж. Кнутсон [13] считает, что люди приходят в терроризм в результате чувств беспомощности и гнева, вызванного отсутствием альтернатив. Опираясь на теорию идентичности Э. Эриксона, он полагает, что политический террорист сознательно принимает отрицательную идентичность, которая проявляется в отвержение социальных ролей, оцениваемых как желательные и правильные социумом и семьей будущего террориста. Например — член угнетенного этнического меньшинства, разочарованный невозможностью получить университетское образование, принимает отрицательную идентичность, становясь террористом. Анализируя раннее развитие террористов, многие исследователи опираются на агрессивно-нарциссическую гипотезу, согласно которой если первичный нарциссизм в форме «грандиозного Я» не нейтрализован реальными жизненными испытаниями, то вырастает самоуверенный, не уважающий и не считающийся с другими людьми социопат, переживаемое которым состояние беспомощности может вести к реакциям гнева и желанию уничтожить источник, угрожающий его нарциссизму. Дж. Крейтон [3] считает терроризм попыткой приобрести или поддержать власть или контроль запугиванием. Он предлагает, что «высокие идеалы» политической террористической группы защищают членов группы от переживания стыда и позора.

По мнению Дж. Проста [17], отличительной чертой личности террористов является уверенность, в своей правоте основывающаяся на таких механизмах психологической защиты, как экстернализация и диссоциация. Эти защитные механизмы обнаруживаются у лиц с нарциссическими и пограничными личностными расстройствами. Диссоциация, по его мнению, характерна для людей, чье личностное развитие формировалось в детстве под влиянием нарциссического ущерба. Их Я-концепция не смогла интегрировать хорошие и плохие части Я, которые вместо этого раз-

дроблены на «я» и «не я». Такие индивидуумы, включая Гитлера, нуждаются во внешнем враге, виноватом в их собственной неадекватности и слабости. Исследования Дж. Проста [15, 16, 17] показали, что многие террористы не имели успехов в личной и профессиональной сферах жизнях. Как следствие, они стремятся к террористическим группам, которые предлагают готовый образ врага. Однако в последние годы отмечается рост числа хорошо образованных террористов — инженеров, химиков и физиков.

Дж. Прост акцентирует внимание на внутренних проблемах, мотивирующих террористическое поведение. Он подчеркивает различие между анархическими террористами в Германии и Италии и этническими сепаратистами (ETA, IRA). Если первые разрушают «мир своих отцов», то вторые продолжают миссию своих отцов. Другими словами, для одних террор — это акт возмездия за реальные или мнимые обиды, направленный *против общества родителей*; для других — это акт возмездия обществу за обиды, нанесенные *родителям*. Это предполагает больше психопатологии среди первых.

Действительно, Дж. Беккер [2] описывает немецких террористов как «детей без отцов». Они были сыновьями и дочерями людей, переживших нацизм, и презирали своих родителей из-за позора фашизма и побежденной Германии. Одна бывшая член РАФ сказала: «Мы ненавидели наших родителей, потому что они были прежде нацистами, которые никогда не смогут очиститься от своего прошлого». Г. Вагенлехнер [22] заключает, что мотивы террористов РАФ были неполитические и принадлежали больше к области психопатологических нарушений. Он обнаружил, что немецкие террористы обвиняли правительство в неудаче решить их личные проблемы. Терроризм становится «индивидуальной формой освобождения» для радикальных молодых людей с личными проблемами. «Эти студенты стали террористами, потому что страдали от острого страха, агрессии и мазохистского желания». К. Келлен [12] отметил, что большинство западногерманских террористов страдает от глубокой психологической травмы, которая «заставляет их видеть мир, включая их собственные действия и ожидаемые эффекты тех действий, в чрезвычайно нереалистичном свете», и это мотивирует их к убийству.

Криминолог Ф. Ферракути [6] отметил, что террорист-одиночка — это случай психически больного. Психически неуравновешенные индивидуумы были особенно склонны к захвату самолетов. Д. Хабард [10, 11] провел психиатрическое изучение захватчиков самолетов. Его исследование показало, что воздушные пираты обладали несколькими общими чертами: склонный к насилию отец, часто алкоголик; глубоко религиозная мать, часто религиозная фанатичка, сексуально застенчивая, робкая и пассивная индивидуальность; более молодые сестры, по отношению к которым будущие воздушные пираты проявляли заботу; невысокий собственный социальный статус, финансовые неудачи. Однако подобные характеристики обнаруживаются и у многих людей, не захватывающих самолеты и не являющихся террористами.

Многие исследователи отмечают депрессивный и ангедонистический аспект личности террориста, который отражается его отношении к смерти. Террорист часто описывается как неспособный к формированию значащих межперсональных отношений, а его межперсональных мир характеризуется тремя категориями людей: идеализированные герои террориста; враги террориста и люди, с которыми он сталкивается в повседневной жизни и воспринимает их как ничего не значащие фигуры [3, 8].

Однако большинство специалисты отмечают отсутствие надежных данных о психически больных террористах и обращают внимание на то, что осторожность, детальное планирование и своевременное выполнение, которые характеризуют большое число террористических актов, не типично для психически больных. Террористы чрезвычайно отчуждены от общества, но отчуждение не обязательно означает психическое заболевание. В. Расх [18] считает, что обсуждение терроризма как формы патологического поведения используется для того, чтобы минимизировать политические или социальные проблемы, которые мотивировали террористов к действию.

М. Тейлор [21] нашел, что понятие психической болезни имеет небольшую полезность для понимания большинства террористических действий. Тейлор обращает внимание на то, что террористические группы нуждаются в осторожных активистах, которые не привлекают к себе внимания и могут слиться с толпой после вы-

полнения действия. Селективность, с которой террористические группы принимают новых членов, помогает объяснять, почему среди террористов обнаружено так мало патологически больных. Кандидаты с непредсказуемым или безудержным поведением, которые кажутся потенциально опасными для выживания террористической группы, отбраковываются.

Согласно другому подходу к психологическому пониманию терроризма, террорист рассматривается как фанатик. В этом случае подчеркиваются рациональные качества террориста и рассматривают его как холодного, логически планирующего свои действия человека, который в фанатизме проявляет свою жестокость и садизм [14]. Этот подход принимает во внимание, что террористы часто хорошо обучаются и способны к сложному, хотя и очень тенденциозному политический анализу.

Фанатизм связан с предубеждением и авторитаризмом, с которыми имеет множество общих характеристик: нежелание идти на компромисс, презрение к другим альтернативным представлениям, тенденция видеть вещи в черно-белом свете, жесткость веры и восприятия мира, который отражает закрытое сознание. По мнению М. Тейлора [21], фанатизм можно рассматривать как одну из характеристик терроризма, но для понимания связи фанатизма и терроризма требуется признание роли культурного, религиозного и социального контекста. Картина мира фанатика характеризуется специфической экстремальной перспективой. Особенно остро проблема фанатизма встает при анализе действий террористов-самоубийц, причины которых многие западные исследователи объясняют или фанатизмом, или психическим заболеванием, или и тем и другим.

В целом террористы чувствуют себя отчужденными от общества, обижены на него или расценивают себя как жертву несправедливости. Они преданы своим политическим или религиозным целям и ценностям и не оценивают свои насильственные действия как преступные. Они не обнаруживают опасения, жалости или раскаяния. Они лояльны к друг другу, но относятся к нелояльным членам группы хуже, чем к врагам [4].

Практически все исследователи указывают на следующие наиболее характерные черты личности террористов: 1. Комплекс неполноценности, который чаще всего является причиной агрессии и жестокого поведения, выступающих в качестве механизмов компенсации. Комплекс неполноценности ведет к сверхконцентрации на защите Я с постоянной агрессивно-оборонительной готовностью. 2. Низкая самоидентификация. Террористическая группа помогает индивидууму избавиться от проблем психосоциальной идентификации, выполняя функцию стабилизирующего фактора. Так, Дж. Прост нашел, что члены анархически-идеологических групп безвозвратно рвут и семейные связи, и связи с сообществом. В результате чего террористическая группа становится единственным источником информации и безопасности [17].

3. Самооправдание. Очень часто политико-идеологические мотивы указывают на главные побудительные причины вступления на путь терроризма, но, как правило, они являются формой рационализации скрытых личностных потребностей — стремления к усилению личностной идентификации или групповой принадлежности. А. Бандура описал четыре метода освобождения от моральной оценки последствий своих действий, которые может использовать террористическая группа. Сначала, используя моральные оправдания, террористы могут воображать себя спасителями людей, которым угрожает большое зло.

Во-вторых, через технику смещения ответственности на лидера или других членов группы террористы считают себя функционерами, которые просто следуют за распоряжениями лидера или обвиняют других членов группы. Группы, которые организованы в ячейки, могут быть более способны к выполнению безжалостных действий из-за потенциала для смещения ответственности. Чем более разделена группа, тем больше она теряет контакт с действительностью, включая оценку последствий собственных действий. Третья техника должна минимизировать или игнорировать фактическое страдание жертв. Четвертый метод морального освобождения проявляется в дегуманизации жертв или восприятии их как иноверцев [1].

4. Личностная и эмоциональная незрелость. Большинству террористов присущи максимализм, абсолютизм, часто являющийся результатом поверхностного восприятия реальности, теоретический и политический дилетантизм.

Ф. Ферракути и Ф. Бруно [7] описали девять психологических черт, характерных для правых террористов: двойственное отношение к власти; примитивное и дефектное понимание; приверженность конвенциональным поведенческим образцам; эмоциональное отчуждение от последствий своих действий; нарушения полоролевой идентичности; суеверное, магическое и стереотипное мышление; гетеро-и аутоагрессия; низкий уровень образовательных навыков; восприятие оружия как фетиша и приверженность нормам субкультуры насилия. Эти черты составляют то, что Ферракути и Бруно назвали «авторитарно-экстремистская индивидуальность». Они заключают, что правый терроризм может быть более опасен, чем левый, потому что «в терроризме правого крыла индивидуумы — чаще психопатичны, а идеология пуста: идеология чужда реальности, а террористы и более нормальны, и более фанатичны».

Очень часто террористами становятся безработные, малообразованные, социально отчужденные индивидуумы. Более образованные молодые люди могут обнаруживать подлинные политические или религиозные убеждения (некоторые из них и интеллектуалы, и идеалисты). Обычно эта разочарованная (не зависимо от уровня образования) молодежь, участвующая в спорадических акциях протеста. Потенциальные члены террористических групп часто начинают как сочувствующие, а от сочувствующего один шаг до пассивного сторонника. Многие начинают в организациях поддержки типа групп поддержки заключенного или защиты экологии. Часто столкновения с полицией или другими силами безопасности мотивируют уже социально отчужденного индивидуума присоединиться к террористической группе. Несмотря на разнообразие обстоятельств, результат этого постепенного процесса — то, что индивид, часто с помощью родственников или друга с террористическими контактами, становится террористом. Но только собственного желания не достаточно. Потенциальный террорист должен иметь возможность присоединиться к террористической группе. Подобно большинству ищущих работу, он должен быть приемлем для террористической группы [19].

Некоторые психологические особенности террористических групп являются характерными для всех малых групп. Ф. Ферракути утверждал, что теория субкультур лучше объясняет терроризм, т. к. принимает во внимание, что террористы живут в своей субкультуре, с их собственными системами ценности [5]. Членство в группе обеспечивает ощущение принадлежности, чувство уверенности и новую системы ценностей, которая определяет террористический акт как нравственно приемлемый, а цели группы — как цели первостепенной важности. Группа радикализирует индивидуальные взгляды, коллективная идентичность группы занимает многое из индивидуальной идентичности членов; создает иллюзию неуязвимости, ведущую к чрезмерному оптимизму и чрезмерному риску, предлагает этику группы, одномерное восприятие врага как зло и нетерпимость к чужим убеждениям и взглядам [19, 20]. Террористические группы подобны религиозным сектам или культам. Они требуют полного подчинения; часто запрещают отношения с посторонними, регулируют и иногда запрещают сексуальные отношения; требуют взаимозависимости и доверия и пытаются промывать мозги членам с их специфической идеологией [9].

К сожалению, необходимо констатировать отсутствие серьезных отечественных психологических исследований терроризма, что существенно обедняет разработку действенных мер борьбы с терроризмом. Психология терроризма в настоящее время испытывает недостаток в полномасштабных, количественных и качественных исследованиях для обоснованного развития теории террора и терроризма.

Литература

1. Bandura, A. Mechanisms of Moral Disengagement. in: W. Reich, ed., *Origins of Terrorism: Psychologies, Ideologies, Theologies, States of Mind*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
2. Becker, J. *Hitler's Children: The Story of the Baader-Meinhof Terrorist Gang*. Philadelphia: J. B. Lippincott, 1977.
3. Crayton, J. W. Terrorism and the Psychology of the Self. In: L. Z. Freedman and Y. Alexander, eds., *Perspectives on Terrorism*. Wilmington, Delaware: Scholarly Resources, 1983.
4. Della Porta, D. Political Socialization in Left-Wing Underground Organizations: Biographies of Italian and German Militants. In: Donatella Della Porta, ed., *Social Movements and Violence: Participation in Underground Organizations*, 4. Greenwich, Connecticut: JAI Press, 1992.

5. Ferracuti, F. Ideology and Repentance: Terrorism in Italy. In: W. Reich, ed., *Origins of Terrorism: Psychologies, Ideologies, Theologies, States of Mind*. Cambridge, England: Cambridge University Press, 1990.
6. Ferracuti, F. A Sociopsychiatric Interpretation of Terrorism. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 463, September 1982, 129–41.
7. Ferracuti, F., and F. Bruno. Psychiatric Aspects of Terrorism in Italy. In: I. L. Barak-Glantz and C. R. Huff, eds., *The Mad, the Bad and the Different: Essays in Honor of Simon Dinhz*. Lexington, Massachusetts: Lexington Books, 1981.
8. Fried, R. The Psychology of the Terrorist. In: Brian M. Jenkins, ed., *Terrorism and Beyond: An International Conference on Terrorism and Low-Level Conflict*. Santa Monica, California: Rand, 1982.
9. Holloway, H. C., and Anne E. Norwood. Forensic Psychiatric Aspects of Terrorism. In: R. Gregory Lande, and David T. Armitage, eds., *Principles and Practice of Military Forensic Psychiatry*. Springfield, Illinois: Charles C. Thomas, 1997.
10. Hubbard, D. G. The Psychodynamics of Terrorism. In: Y. Alexander, T. Adeniran, and R.A. Kilmarx, eds., *International Violence*. New York: Praeger, 1983.
11. Hubbard, D.G. *The Skyjacker: His Flights of Fantasy*. New York: Macmillan, 1971.
12. Kellen, K. Ideology and Rebellion: Terrorism in West Germany. In: W. Reich, ed., *Origins of Terrorism: Psychologies, Ideologies, Theologies, States of Mind*. Washington: Woodrow Wilson Center, 1998.
13. Knutson, J. N. Social and Psychodynamic Pressures Toward a Negative Identity. in Y. Alexander and John M. Gleason, eds., *Behavioral and Quantitative Perspectives on Terrorism*. New York: Pergamon, 1981.
14. Laqueur, W. *The Age of Terrorism*. Boston: Little, Brown, 1987.
15. Post, J. M. «Hostilitй, Conformitй, Fraternitй»: The Group Dynamics of Terrorist Behavior, I*nternational Journal of Group Psychotherapy*, 36, No. 2, 1986, 211–24.
16. Post, J. M. Notes on a Psychodynamic Theory of Terrorist Behavior. *Terrorism: An International Journal*, 7, No. 3, 1984, 242–56.
17. Post, J. M. Terrorist Psycho-Logic: Terrorist Behavior as a Product of Psychological Forces. 25–40. In: W. Reich, ed., *Origins of

Terrorism: Psychologies, Ideologies, Theologies, States of Mind. Cambridge, England: Cambridge University Press, 1990.
18. Rasch, W. Psychological Dimensions of Political Terrorism in the Federal Republic of Germany. *International Journal of Law and Psychiatry*, 2, 1979, 79–85.
19. Shaw, E.D. Political Terrorists: Dangers of Diagnosis and an Alternative to the Psychopathology Model, *International Journal of Law and Psychiatry*, 8, 1986, 359–68.
20. Sprinzak, E. The Psychopolitical Formation of Extreme Left Terrorism in a Democracy: The Case of the Weathermen. In: W. Reich, ed., *Origins of Terrorism: Psychologies, Ideologies, Theologies, States of Mind*. Cambridge, England: Cambridge University Press, 1990.
21. Taylor, Maxwell. *The Terrorist*. London: Brassey's, 1988.
22. Wagenlehner, G. Motivation for Political Terrorism in West Germany. In: M. H. Livingston, ed., *International Terrorism in the Contemporary World*. Westport, Connecticut: Greenwood Press, 1978.
23. Wilkinson, P. *Political Terrorism*. London: Macmillan, 1974.

О. А. Лежнина[1]

Психология войны: смена мифологий[2]

Как известно, миф является одним из общечеловеческих способов структурирования реальности. Как пишет основатель школы архетипической психологии Джеймс Хиллман, «мифы — не просто истории в иллюстрированной книге. Это мы проживаем эти истории, это мы иллюстрируем их собственной жизнью». Обычно мифы соотносятся с чем-то древним, но это глубокое заблуждение. Мифология пронизывает все сферы нашего бытия, и по ряду авторитетных мнений (например, Альтюссер), все действующие сейчас идеологии также представляет собой современную форму мифотворчества. В кратком сообщении мы обратимся только к такой, пока малоизученной области, как мифология войны.

Интересное исследование психологии и мифологии войны проводит А. К. Секацкий в работе «Дух воинственности», где рассматриваются различные типы воинов, полярности героя и труса, стили ведения войны и т. д. Аналогичные типологические и интерпретативные подходы характерны и для других работ. Нами была поставлена иная задача, а именно: исследовать мифологию войны с точки зрения ее иррациональных целей и их проекций на восприятия врага, в том числе попытаться обобщить, как менялось представление о цели и смысле войны, а также образе врага в различные эпохи в различных культурах.

[1] Лежнина О. А. — психолог-психоаналитик, помощник ректора Восточно-Европейского Института Психоанализа по работе с иностранными специалистами.

[2] Автор выражает искреннюю благодарность проф. М. М. Решентикову за ряд существенных замечаний и дополнений.

Джозеф Кэмпбелл в работе «Мифологии войны и мира» отмечает, что древнейшие военные мифологии можно разделить на две группы. К одной из них относится военная мифология древних греков. Например, в эпосах Гомера враждующие стороны изображаются как равно доблестные герои и отважные воины. При этом олимпийские боги принимают ту или иную сторону в зависимости от личных пристрастий. Аналогичную ситуацию мы наблюдаем и в военной мифологии древних индусов («Махабхарате»): противоборствующие стороны проявляют одинаковую воинскую доблесть, а боги с равным пристрастием защищают своих сыновей, относящихся к противоборствующим кланам. Победители оплакивают смерть соратников и побежденных, и совершают необходимые очистительные ритуалы. Обратим внимание, в древнем эпосе всегда присутствует героизация любой войны, в равной степени касающаяся и победителей, и побежденных, в том числе — совместное оплакивание убитых с обеих сторон, а также — реализация очистительных ритуалов, имеющих глубокий символический смысл. Характерно, что в большинстве случаев инициатива оплакивания принадлежит победителю, который, таким образом, символически соединяет свою военную удачу со своей виной перед побежденным, ибо обе стороны сражались честно и обе чисты перед Богом и людьми. Сама война при таком подходе воспринимается как некое соревнование, мало отличающееся от боев гладиаторов или даже современных боксерских поединков.

К другой категории, как показывает Кэмпбелл, относятся более поздние военные мифологии иудаизма, христианства и ислама. Здесь уже тот или иной единый Бог поддерживает только одну из воюющих сторон и санкционирует все ее действия в отношении другой, будь то порабощение или полное уничтожение. В торе и коране можно обнаружить яркие примеры того, что сегодня мы назвали бы «дегуманизацией» или «демонизацией» врага. Враг становится не просто противником — он обретает образ «неверного», не почитающего истинного Бога, и в силу этого его убийство приобретает характер освященного свыше (сакрального) ритуала, в некотором смысле — демонстрации высшей формы служения *своему* Богу, тем самым одновременно освобождая победителя от чувства вины и раскаяния.

Таким образом, определяющую роль в том, к какой из этих двух категорий относится военная мифология того или иного народа, играет его религия — политеистическая или монотеистическая. Этот вывод, который подтверждается множеством исторических примеров, чрезвычайно значим для нашего исследования. Соответственно этому различные мифологические системы современных войн мы также будем называть политеистическими или монотеистическими.

Более ранняя политеистическая мифология войны отличается от монотеистической не только представлением об образе врага, но и такими немаловажными факторами, как формирование смыслового поля и целей войны. В рамках политеистической мифологии война не нуждалась ни в каких высоких моральных оправданиях. Она понималась скорее как некий способ проявления мужественности или героизма или даже как способ познания мира в результате «великих походов», как всеобщий двигатель и даже — как благородная самоцель («дело кшатрия — воевать»). А непосредственными поводами к войнам служили вполне конкретные «земные» соображения (потомки Лунной династии в индийском эпосе сражались исключительно за трон отцов, в основе Троянской войны лежало похищение Прекрасной Елены, а кому-то просто во что бы то ни стало захотелось заиметь золотое руно, что уже было достаточным основанием для снаряжения «военной экспедиции»). Желание «захватить» и сам «захват» чего-либо в политеистической мифологии был делом обыденным и даже геройским.

В случае монотеистических мифологий войны декларируемой целью становится «правое дело»: насаждение истинной веры или борьба за благо всего человечества (или его отдельных сегментов), а также уничтожение всего, что этому благу препятствует. В реальности, естественно, за этим стояли все те же старые основания: стремление к власти, захват территорий, амбиции правителей и народов, все соображения экономической и политической выгоды. Но эти прозаические цели уже не были самодостаточными; они (в рамках монотеистической культуры) должны были обязательно согласовываться с какими-либо возвышенными идеями праведности священной борьбы. Война становится якобы только средством, а высокой целью — построение той или иной очередной утопии, в некотором смысле — реализацией представлений о некоем аналоге рая на земле. Сюда относятся все крестовые походы, священные джихады, а также, немного забегая вперед, коммунистические и фашистские утопии.

В новой и в новейшей истории, в процессе уже многовекового кризиса христианской (чаще именуемой — европейской) цивилизации роль мифологии начинает играть идеология. В двадцатом столетии это проявилось наиболее демонстративно: в одном случае место монотеистического бога занимает вера в атеизм и коммунизм, в другом — вера в превосходство арийской расы. Но суть монотеистической мифологии войны при этом не меняется: враг — это всегда подлежащее уничтожению чудовище; цель войны — построение утопии (коммунистической или арийской). При этом тоталитарные государства, являющие собой яркий пример монотеистической мифологии (всегда сопровождающейся угрозой войны), одновременно способствовали консолидации на монотеистических началах всех других государств, идеология которых строилась «от противного» — на образе врага и тотального противодействия (коммунизму или фашизму).

По-видимому, следует признать, что концепция «деидеологизации», получившая широкое распространение на Западе в 60-е годы XX века, а в конце 80-х «докатившаяся» до СССР и России, оказалась нежизнеспособной. И это естественно, так как человек не может существовать без ощущения своей причастности к чему-то большему, чем окружающая его реальность — без причастности к сакральному. Как неоднократно отмечалось М. М. Решетниковым, смысл жизни появляется только тогда, когда у человека есть какая-то благая (пусть даже иллюзорная) цель, которая объединяет его с другими людьми и выходит далеко за рамки его повседневного существования.

В конце XX века в западном и в российском мировосприятии произошли существенные изменения. После крушения коммунистических режимов образ врага становится исчезающим, и современная западная идеология (включая идеологию «деидеологизации») лишается своей «внешней подпитки». В результате все более широкое распространение приобретает качественно новое явление, а именно: одним из основополагающих мифов современного западного общества становится представление о том, что утопия уже построена — это западная демократия.

В рамках этой утопии, как отмечает ряд исследователей (например, Жан Бодрийяр), преобладающими становятся нарциссические ценности немедленного и максимального удовлетворения, а прежняя репрессивная мораль сменяется более снисходительным отношением к человеческим слабостям и запретным влечениям в сочетании с тонкими методами манипуляции общественным мнением. На символическом уровне это эквивалентно мифологеме рая с его бесконфликтностью, всеобщим равенством и отсутствием каких бы то ни было различий (в том числе — половых, расовых и т. д.) и полным абсолютным удовлетворением всех желаний и потребностей. В рамках этого мифического представления вообще нет места войне, как и представлению о враге. Врагов нет — есть лишь несчастные, еще не попавшие в «наш рай» и только поэтому (из зависти или по незнанию) проявляющие агрессивность. В рамках этой мифологии присутствует еще одна бесконечная (и столь же бесконечно иллюзорная) уверенность, что эти несчастные немедленно изменятся к лучшему, как только им позволят приобщиться к райским благам. Именно эта мифологема сегодня во многом определяет мировосприятие западных обществ. Поэтому все чаще речь идет не о войнах и не о врагах, а об операциях по уничтожению тоталитарных режимов и присоединении населения их стран к западному раю. Но это только с нашей, обычно обозначаемой как «цивилизованная», точки зрения.

Посмотрим на процесс с другой стороны. Что составляет особенности современного терроризма? Современный терроризм характеризуется применением умышленного насилия, и, как правило, считается, что это делается с целью демонстрации силы и запугивания населения. Но поскольку во многих случаях никаких требований террористами не выдвигается, ряд исследователей считает, что цель терроризма — не просто «уничтожение объектов противника», как на войне, а передача определенного символического послания, апеллирующего к большой аудитории, в связи с чем известный эксперт по терроризму Брайан Дженкинс говорит, что «терроризм — это театр».

В мире существует широкий спектр террористических организаций, но здесь мы будем говорить в первую очередь о террористах воинствующего фундаментализма, поскольку большинство самых разрушительных нападений последних лет, включая трагедию 11 сентября 2001 года, было связано именно с этим «сектором» современного терроризма.

Многие интерпретаторы трагического события рассматривали действия террористов как проявление их индивидуальной психопатологии и приписывали им цели тотального разрушения западного общества, вызванное завистью и ненавистью. Меньшая часть исследователей вопроса обращалась с призывом понять этих людей, которые, по их мнению, всего лишь отвечают на враждебные действия в отношении их стран и защищают свои дома и свой уклад жизни. Третьи, включая одного из авторов этого материала, высказывали предположения о неотреагированной мести за прежние (колониального периода) притеснения, национальное преследование и унижение. Но в этих поисках объяснений и скрытых причин нами всегда почему-то напрочь отметается самое простое, которое многократно и открыто выдвигают сами организаторы и исполнители терактов, а также их лидеры, а именно, что в настоящее время в мире идет джихад, священная мусульманская война против Запада.

Мы поражаемся их жестокости, которая несовместима с современностью. Но они и не претендуют на современность. Мусульманский мир продолжает жить, руководствуясь монотеистической мифологией войны. В рамках этой мифологии те, кого мы называем террористами, — это борцы за правое дело. С точки зрения их стандартов и их мифологии, они вполне адаптивны и социально адекватны. Семьи погибших «мучеников веры» гордятся ими, пользуются уважением и получают поддержку соплеменников. То же самое было и в Европе, только несколько столетий назад, когда против иноверцев выступали столь же уверенные в своей исключительной правоте крестоносцы. Мы не хотим в это верить, потому что это противоречит *нашим* представлениям о *нашем* мире. Но он не только наш. И почему бы не допустить, что в некоторых частях мусульманского мира ситуация именно такова? И им нет дела до того, что эта ситуация в полуатеистических западных обществах радикально изменилась.

Характерно, что на этом фоне наблюдается «монотеистическая» консолидация стран Европейской цивилизации и примкнувших к ней на основе якобы идеологии «антитеррора». Но где ее духовные лидеры? Поэтому предпринимаемые отдельными груп-

пами, политическими деятелями и лидерами государств попытки действовать так, будто демократический мир также руководствуется монотеистической мифологией войны, оказываются неэффективными. Идея «священной войны» против фундаментализма и терроризма — «за мир и демократию» — не находит поддержки. Более того, она встречает сопротивление весьма значительной части населения самих европейских и американских сообществ, доказательством чему служат многочисленные митинги протеста против военных действий в Ираке. На это есть, как минимум, две причины.

Во-первых, значительную роль играет уже упомянутое выше мифическое представление о воплощенном рае. Некоторые пацифисты (оставаясь приверженцами западной модели) считают, что уже построенную утопию незачем навязывать под дулом автомата — достаточно дать тем несчастным, кто к ней еще не приобщился, попробовать ее благ. Отсюда (несколько наивные) представления о том, что экономическая помощь странам, поставляющим или покрывающим террористов, качественно изменит ситуацию, а окончательным ее решением станет последовательное построение в этих странах демократий западного типа. Эту, весьма популярную, точку зрения следовало бы отнести к категории историко-политического волюнтаризма, не имеющего даже элементарных представлений о традициях, повседневности и ценностях мусульманского мира, «победить» которые в современных условиях можно только одновременно с уничтожением населения. Другая победа — маловероятна.

Маловероятность победы в другом варианте, кроме того, имеет вторую причину. Идеалы, за которые сейчас призывают воевать граждан западных обществ, не вызывают у них того сакрального трепета, что вел в бой крестоносцев, сражавшихся за христианскую веру. Десакрализация европейской морали, как следствие системного кризиса христианства, привела к парадоксальному явлению. В построенном демократическом раю есть почти все, что нужно для нарциссического удовлетворения. Но в нем нет Бога. А следовательно, нет ни обожествленного государства, ни сакральных лидеров, ни мистических идей, как это было в тоталитарных системах двадцатого столетия. Современному западному индивиду воевать стало не за что. И если приверженцу воинствующего

фундаментализма обещано после исполнения его кровавой (а в его представлении — священной) миссии и смерти место в раю, то современный западный гражданин ничего подобного обрести уже не рассчитывает. Погибая, он теряет свое место в раю земном — и подозревает, что навсегда[3].

Есть такое ощущение, что мы пытаемся мыслить в рамках политеистической мифологии войны, надеясь, что, как и герои древних мифов и сказаний, современные террористы сражаются не за абстрактную утопию, а за конкретные практические цели, и воспринимают противников как равных себе людей, с которым возможны переговоры. Но следовало бы вспомнить, что ни на христианском Западе, ни в мусульманском мире политеистическая мифология войны никогда не существовала, а за «практическими целями» всегда стояли вопросы религии или идеологии, а не наоборот. И также как мы ставим целью всемирное торжество нашей «самой лучшей» цивилизации и наших «самых лучших» демократических идей (почему-то забывая, что это всемирное «торжество» подразумевает уничтожение всех иных), цель фундаменталистского джихада примерно та же — уничтожение неверных и установление «царства Ислама». А все, что пока не стало «царством Ислама», согласно их представлениям, является «царством войны».

Подводя итог, еще раз повторим, что в откликах западного общества на современный терроризм преобладают две основные категории реакций. Во-первых, это попытки прямого возрождения мифологии «священной войны», продиктованные пониманием того факта, что воинствующие исламисты свою войну против Запада прекращать не собираются — попытки малоэффективные, поскольку западная «священная война» после десакрализации Запада едва ли возможна. Во-вторых, это отрицание необходимости военных действий (исходя либо из мифологемы «земного рая» западной демократии, приобщение к которой магическим образом изменит противную сторону к лучшему, либо из неверной оценки позиции противной стороны как основанной на политеистической мифологии войны с ее практическими целями и возможностью прагматических компромиссов).

[3] В свое время именно это «обстоятельство» стимулировало развитие дистанционных видов оружия и способов ведения войн. Поэтому уничтожать противника — можно. А вот перевоспитывать его своим примером — вряд ли.

Отдельно стоит упомянуть идеи, которые выражает американский эксперт Шанкар Ведантам, со ссылкой на Томаса Фридмана и доклад Национального Исследовательского Совета США. Речь идет о необходимости реагировать не только на прямую террористическую угрозу, но и на идеологический вызов, который бросают террористы. Жесткое военное подавление, подчеркивает Ведантам, играет на руку террористам, поскольку приводят в их лагерь ранее пассивных сторонников, убедившихся в результате репрессий в отношении стран и народов, что нейтральность — не лучший выход. Именно за эту пассивную часть аудитории, по мнению автора, и должна вестись стратегическая борьба с террористами.

При попытках исключительно силового решения проблемы западные государства (несмотря на явное материально-техническое преимущество) оказываются в невыгодном положении. Вследствие смены военной мифологии в западных обществах и ее неизменности у террористов такие действия западных держав, с одной стороны, приводят в лагерь воинствующих фундаменталистов все новых сторонников, а с другой — эти действия встречают все большее неприятие в лагере «своих». Антивоенная оппозиция становится заметной силой практически во всех странах, вовлеченных в конфликт. Подавление же собственной оппозиции было бы нарушением всех принципов демократии, а значит — полной идеологической победой террористов. По мнению уже упомянутого Шанкара Ведантама, возможный выход из этого замкнутого круга — это противостояние на уровне символического.

Что предлагается в частности? Привнесение в противостояние методов ведения предвыборных кампаний и современных информационных технологий: последовательно работать на снижение влияния всех проявлений деятельности и высказываний противной стороны и добиваться максимального эффекта и привлекательности своих «проектов». И в западном и в российском обществе имеется широкий спектр технологий, позволяющих решать такого рода задачи, описывать их здесь нет необходимости. Такие действия, безусловно, исходят из представлений монотеистической мифологии, но, по мнению автора идеи, могут быть более результативными, особенно с учетом мощности современного «арсенала» средств информационного воздействия западного мира.

И этот (в значительной степени заимствованный) «арсенал» уже широко используется террористами, устраивающими публичное шоу из своих действий, привлекая, таким образом, в свои ряды новых сторонников. Возможно, это один из путей. Но при условии, что стратегии и программы такого воздействия будут разрабатываться и реализовываться специалистами, владеющими знаниями о специфике истории, культуры, морали, традиции, языка повседневности и символического ряда исламского мира, а их разработчики смогут дотянуться до уровня духовного лидерства.

Информационное агентство «Росбалт»

Информационные аспекты террористических актов (Аналитическое исследование)

Общепризнано, что ***современный терроризм неразрывно связан с деятельностью средств массовой информации***. Именно посредством СМИ террористы доносят свое «послание» до общественности, именно через них «публика» узнает об актах насилия. Причем пресса не просто информирует нас о происходящем, но и формулирует определения, подсказывает выводы, задавая рамки интерпретации того или иного события. Таким образом, обсуждение ответственности СМИ в освещении террористических актов, вопросов взаимодействия власти и СМИ в противодействии терроризму становится сейчас особенно актуальным.

Современные террористы учитывают и эффективно используют особенности нынешней информационной эры: зависимость власти от выборов и, следовательно, от общественного мнения. Современная политика все более очевидно встраивается в цепочку: СМИ — общественное мнение — политическое решение — СМИ — общественное мнение и т. д. Поэтому сегодня самые эффективные методы террора — насилие не в отношении представителей власти, а против мирных, беззащитных людей, с обязательной демонстрацией в реальном масштабе времени через СМИ катастрофических результатов террора. И наконец, предъявление

[1] Аналитический материал предоставлен информационным агентством «Росбалт». Руководитель проекта Черкесова Наталья Сергеевна, директор — Чеснокова Татьяна Юрьевна. Ответственный исполнитель — Краев Владислав Владимирович. E-mail: kraev@rosbalt.ru.

через те же СМИ обществу и властям мотивов террора и условий его прекращения.

В свою очередь, ***терроризм для СМИ — это центральный информационный повод.*** Так, наблюдатели единодушны во мнении, что организаторы захвата заложников «Норд-Оста» с самого начала детально продумывали свою медиастратегию. Они сделали все возможное, чтобы насытить эфир максимумом информационных поводов о себе: выдвигали и отменяли различные требования, заставляли родственников заложников проводить митинги с плакатами, приглашали на переговоры известных людей и потом отказывались от переговоров с ними, впускали камеры НТВ и пытались выйти в эфир с мобильных телефонов заложников, когда те говорили с «внешним миром». Все это может быть расценено только как стремление сделать так, чтобы теракт «висел» в медиасфере непрерывно, обрастая все новой и новой информацией, нагнетая напряжение. В итоге, СМИ превращаются в совершенно новый элемент терроризма — специальный передаточный механизм («ретранслятор») между террористами и адресатами террора. ***Телекамера становится, по существу, главным оружием террора***, ***без которого он бессмыслен.***

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОСВЕЩЕНИЯ В ПРЕССЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ АКТОВ

1. Террористические акты пресса квалифицирует как разновидность боевых действий. «Любой масштабный теракт есть объявление войны», — констатировала в свое время «Новая газета». В связи с этим неким водоразделом стал захват заложников в Театральном центре на Дубровке. Буденновск — Кизляр — Москва: «велика Россия, а отступать дальше некуда» — такова была общая тональность публикаций центральных СМИ.

Соответственно, для пропаганды военного времени вполне оправданными являются приемы морального уничтожения противника. Учитывая, что женщины — гораздо более удобный объект для такого уничтожения, нежели мужчины, особого внимания заслуживают многочисленные публикации СМИ, посвященные проблеме участия женщин в террористической деятельности.

2. Тема женского участия в террористической деятельности осмысляется СМИ преимущественно через сравнение женщин с мужчинами — своеобразной «нормой» в мире терроризма. При этом отличительными чертами участниц терактов предстают иррациональность, фанатизм и чрезмерная агрессивность. Так, в одном из материалов, опубликованных «Комсомольской правдой», приводится мнение психолога ФСБ: «Женщины-террористки не контролируют себя. Все они “кровницы”. Если с мужчинами можно договориться, то с этими — практически невозможно». Мысль об иррациональности женщин-террористок транслируется и «Российской газетой» (26.10.2002): «Из мировой практики давно известно, что женщины-террористки куда более фанатичны, чем мужчины, с ними очень сложно говорить, их куда труднее, а чаще просто невозможно в чем-то переубедить».

Восприятие событий аудиторией во многом зависит от способов подачи соответствующего материала в средствах массовой информации. Так, после событий на Дубровке печатные СМИ еще долго «смаковали» образ убитой террористки, неоднократно показанный по телевидению: «Откинув голову на спинку красного сиденья, сидит молодая шахидка. Лицо, которое она так тщательно скрывала, открыто. Изо рта вытекла и засохла тонкая струйка крови» (Комсомольская правда, 28.10.2002). Публикация сопровождается большой цветной фотографией, подпись к которой гласит: «Эта террористка-шахидка так и осталась сидеть на втором этаже, в четвертом ряду». Отметим, что данный снимок был воспроизведен и в последующих двух выпусках «Комсомольской правды». Понятно, что тиражирование изображения мертвого врага было призвано служить знаком устрашения и расплаты. Вместе с тем подобная «наглядная иллюстрация» есть ярлык, клеймо, которое упрощает восприятие события, делает его более понятным, не позволяя усомниться в образах и аргументах.

Большое внимание центральные издания уделяют мотивам женского терроризма. В связи с этим некоторые издания придают особое значение мести «черных вдов» как решающему мотиву. «Им нечего терять, и они готовы мстить даже ценой собственной жизни», — говорится в «Независимой газете» (№135, 2003). Комментируя действия шахидок, «Комсомольская правда» разъясняет — «мстила за брата» или «мстила за мужа» (29.10.2002). Среди причин участия женщин в терактах называется также и шантаж: «Других превращают в камикадзе вербовщики, угрожающие в случае отказа расправой над родственниками» («Независимая газета», №135, 2003). В прессе появляются и другие варианты объяснений. Так, в частности, готовность террористок к смерти нередко связывается с употреблением ими наркотиков. «Террористок унижали, насиловали, заставляли принимать психотропные вещества и наркотики. После таких ускоренных курсов “прокачки мозгов” смерть становится желанным исходом», — замечает «Российская газета» (08.07.2003). «Теракты совершают одурманенные женщины», — вторит ей «Комсомольская правда» (08.07.2003) и со ссылкой на следователей Генпрокуратуры РФ утверждает, «что шахидок пичкают наркотиками (опиатами), которые регулярно добавляются в пищу или сок». В итоге, в большинстве случаев пресса делает упор на принудительном характере включения женщин в террористическую деятельность, ставится под сомнение их способность принимать самостоятельные решения.

ХРОНИКА ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ АКТОВ, ИМЕВШИХ НАИБОЛЬШИЙ РЕЗОНАНС В СМИ

Еще год назад Россия уверенно лидировала в рейтинге терактов года — «Норд-Ост» был самой кровопролитной трагедией в 2002 году в мире. Так же, как годом раньше лидировали события 11 сентября. В прошлом году многие подметили существенную разницу между тем, как прошла годовщина событий на Дубровке, и годовщиной 11 сентября в США. Размах траурных мероприятий в США, а также чуть ли не ежедневные напоминания в течение всего года говорят о том, что американцы не хотят забывать о той трагедии. В России же мало кто через год после «Норд-Оста» помнит, какого числа или хотя бы месяца произошел захват заложников на Дубровке.

В связи с этим Аналитический центр «Петербургский транзит» по заказу ИА «Росбалт» провел специальное исследование, посвященное отражению в центральных СМИ террористических актов, имевших наибольший резонанс. Обзор подготовлен на основе контент-анализа материалов 29 центральных печатных из-

даний. Представленные данные являются оценкой интереса федеральных масс-медиа к произошедшим в России терактам, начиная с трагедии на Дубровке (23 октября 2002г.) и заканчивая терактом в Грозном (09.05.2004 г).

23 октября 2002 года группа Мовсара Бараева, в которую входили шахидки, захватила в заложники более 900 зрителей в Театральном центре на Дубровке. В ходе операции по освобождению заложников все террористы, в том числе смертницы, были убиты. Погибли 129 заложников. Это событие можно с полным правом оценить как информационную бомбу — теракт спровоцировал настоящий медийный взрыв. Доля материалов с упоминанием этой трагедии составляет 56,2% в общем количестве публикаций о крупнейших террористических актах последнего времени.

Обращает на себя внимание тот факт, что наибольшая волна публикаций о произошедшем теракте, естественно, выпадает на первые две недели после события. Однако уже через месяц количество публикаций сократилось в 2 раза, в январе 2004 года — в 3 раза. Далее интерес СМИ стабильно держится меньше чем в первый месяц после теракта примерно на одном уровне — в 5–6 раз меньше публикаций, чем в первый месяц. Всплески публикаций о событиях на Дубровке в основном были связаны с годовщиной трагедии, судебными исками пострадавших, а также опубликованием данных о расследовании теракта.

При этом практически все издания подчеркивают, что эта трагедия — самый тяжелый кризис за время правления президента Путина. Всего лишь усиленный взвод террористов взорвал политическую стабильность в России, нанес болезненный удар по самой основе имиджа президента — неумолимого борца с терроризмом и сепаратизмом, продемонстрировал России и миру, что сепаратисты не только продолжают борьбу, но и способны проводить операции такого масштаба.

27 декабря 2002 года — взрыв Дома правительства в Грозном, который до последнего времени считался одним из самых громких терактов на территории Чечни. Два террориста-смертника прорвались к зданию на грузовике КамАЗ и автомобиле УАЗ, груженных взрывчаткой. В результате теракта 72 человека погибли, более 200 — получили ранения различной степени тяжести. Глава чеченской администрации Ахмад Кадыров тогда остался жив лишь по счастливой случайности. Уровень его упоминаемости в прессе составляет 3,6% от общей доли публикаций о терактах в России.

5 июня 2003 года — в Северной Осетии террористка-смертница подорвала автобус с вертолетчиками и техническим персоналом российской авиабазы в Моздоке (1,9%). В автобусе находились около 40 человек. В результате теракта погибли 16 человек и 15 получили ранения. Это был пятый теракт, предпринятый шахидами-смертниками. В связи с этим пресса констатировала переход террористов к новой тактике. Одновременно часть газет осторожно признает, что ресурсы и настрой боевиков российские спецслужбы «недооценили».

5 июля 2003 года — на рок-фестивале «Крылья» в Тушино две чеченские террористки-смертницы поочередно подорвали себя в толпе (8,1%). 16 человек погибли и 57 получили ранения. Тогда наблюдатели, включая даже самых ярых критиков российской милиции, признали профессионализм руководства ГУВД Москвы, проявленный в этой драматической ситуации. Между тем самое удивительное — это довольно спокойная реакция прессы на теракт. Либо она продиктована нежеланием сеять панику, либо «мы просто привыкаем жить так, как живут в Иерусалиме». Уже через месяц после теракта число публикаций на эту тему снизилось почти в 5 раз.

1 августа 2003 года — в Моздоке на территорию военного госпиталя въехал КамАЗ, нагруженный взрывчаткой (2,4 %). Произошел мощный взрыв, в результате которого здание и прилегающие территории были полностью разрушены. Десятки погибших и раненых. СМИ назвали произошедшее «черным августом». При этом некоторые издания утверждали, что теракт по сути был осуществлен вследствие непрофессионализма российских военных. «Трагедия стала возможна только из-за преступной халатности — моздокский госпиталь от террористов берегли лишь десяток омоновцев да металлические ворота; и это притом что Шамиль Басаев еще весной открыто объявил о начале операции "Бумеранг", по плану которой он обещал атаки с помощью террористов-смертников» («Время новостей»).

3 сентября 2003 года — под одним из вагонов электропоезда, следовавшего из Кисловодска в Минеральные Воды, сработали два

взрывных устройства. В результате теракта 6 человек погибли и около 80 получили ранения. Интерес к этому теракту по сравнению с прочими был невысоким (2,1%) и к концу сентября эта тема практически не интересовала СМИ. Вспомнили о нем в связи с новым терактом на направлении Минводы—Кисловодск.

5 декабря 2003 года — в Ставропольском крае произошел взрыв в электричке Кисловодск—Минводы (2,7%). Он прогремел в тот момент, когда электропоезд подъезжал на вокзал Ессентуков. Взрыв был столь мощным, что вагон разорвало на две части. Поезд был заполнен ехавшими на работу людьми. 44 погибших и 165 раненых. Взрыв прогремел накануне старта выборов в Государственную Думу РФ, в связи с этим СМИ расценили его как прямой вызов власти. Эта версия активно обсуждалась и в связи с тем, что именно в этот день в Ростов-на-Дону прилетел В. Путин, чтобы провести заседание президиума Госсовета.

9 декабря 2003 года в центре Москвы на Тверской улице возле гостиницы «Националь» произошел взрыв. Всего пострадали 20 человек, из них шестеро погибли. Взрыв осуществила смертница, спрашивавшая у прохожих, как найти Государственную Думу. Искавшая Госдуму шахидка взорвалась в 50-ти метрах от цели. 6 погибших, 14 раненых. Реакция СМИ очень бурная (5,7%) и далеко не однозначна. Часть федеральных изданий отнеслась к трагедии спокойно: предотвратить теракты невозможно — можно только оперативно реагировать на них и минимизировать число жертв; что и было сделано. Другие издания остро критикуют спецслужбы — у них была вся необходимая информация для предотвращения теракта; новый взрыв свидетельствует о полной неспособности спецслужб обеспечить безопасность граждан даже в двух шагах от Кремля. Через некоторое время из Чечни стали поступать сведения о том, что «черные вдовы» готовят серию терактов в различных городах России накануне выборов и новогодних праздников. Оппозиционные власти издания пишут о политической составляющей — «очередная акция террористов наверняка приведет к ужесточению контртеррористических операций и законов. А именно борьба с терроризмом является козырной картой президента Путина. И именно его президентский срок скоро истекает»...

6 февраля 2004 года — на перегоне московского метро между станциями «Автозаводская» и «Павелецкая» прогремел взрыв (13,1%). В результате погибли более 40 человек, 134 обратились за медицинской помощью. Примечательно, что информационные программы оперативно и сдержанно фиксировали трагедию в метро, делая акцент на самопожертвовании и поступке машиниста взорванного поезда. Хотя печатные СМИ отмечали, что у многих осталось ощущение, что информационный поток с места трагедии, пожалуй, впервые был так жестко отфильтрован, дозирован и не эмоционален. Горе, вопросы, реакции, оценки — все было смикшировано. «Трагедия стала обыденностью», — констатировали масс-медиа.

Учитывая, что теракт прогремел на старте выборной кампании, некоторые издания не удержались от аналогий с событиями пятилетней давности — страшными терактами в сентябре 1999-го. Федеральные издания подчеркивали, что все четыре года популярность президента держалась на его попытках навести порядок в стране и завершить чеченскую войну. Однако взрыв в метро накануне президентских выборов стал для многих очередным подтверждением, что надежды на порядок и прекращение войны призрачны.

9 мая 2004 г. — теракт в Грозном, в результате которого убит президент Чечни Ахмат Кадыров (4,1%). Смерть Ахмада Кадырова стала главной новостью последних двух недель. Журналисты уверены, что гибель президента Чечни от рук террористов негативно отразится на обстановке в Республике. В связи с этим пресса ожидает активизацию действий сепаратистов на фоне усиления межклановой борьбы за «наследство Кадырова». Кроме того, в связи с гибелью Кадырова на первый план выходит вопрос, на кого поставит Кремль в качестве будущего президента Республики — на представителя местной политической элиты или на нейтральную фигуру (нечеченца).

ОСВЕЩЕНИЕ В СМИ ПОСЛЕДСТВИЙ ТЕРАКТОВ

1.Освещение последствий терактов — вопрос профессионального самосознания СМИ

Во время событий 11 сентября в Нью-Йорке наблюдатели обращали внимание, что американские СМИ демонстрировали высокую государственную дисциплину. В основном по ТВ показывали общие планы катастрофы и разные периферийные события. В кадр не попадали ни изувеченные трупы, ни раненые, ни сцены, как люди выбрасывались с верхних этажей небоскребов, ни паники, ни истерики родственников жертв...

На фоне подобных репортажей американских СМИ ярко контрастировали телесюжеты российских телекомпаний из Театрального центра на Дубровке. В погоне за оперативностью в эфир выбрасывалось все без разбора: кадры, которые удавалось снять в театральном зале; яростные воззвания к властям немедленно принять все требования террористов; вплоть до информации о передвижениях спецслужб. Впоследствии на разных каналах повторялась жуткая панорама театрального зрительного зала, где в неестественных позах остались лежать убитые во сне чеченки. «Кровавое реалити-шоу превзошло все пределы, — прокомментировал тогда "Московский комсомолец" (29.10.2002). — Эпидемия насилия захлестнула российский телеэфир». Видеоряд с трупами, причем крупным планом, заполнял эфир и после взрыва на фестивале «Крылья» в Тушино, и после трагедии у «Националя». Жертвы взрыва в московском метро не показывались только потому, что телевизионщиков допустили в метро лишь после эвакуации фрагментов человеческих тел.

При этом в погоне за сенсациями *проблема психологического здоровья телезрителей прессой практически не рассматривается*. Между тем, по данным социологов, люди невероятно остро на психологическом уровне воспринимают показ жестких кадров о терактах. Фонд «Общественное мнение» через месяц после «Норд-Оста» и телесюжетов о нем зафиксировал, что 68% населения страны считали — следующий теракт произойдет именно в их городе или поселке. Если учесть, что опрос проводился в 40 типах населенных пунктов — от деревни Шамышейка Пензенской области до Санкт-Петербурга, — то это поразительно. Больше 70% опрошенных испытывали чувство настоящего ужаса, как если бы это произошло с их близкими, коллегами, детьми. Более того, после «Норд-Оста» отдел клинической психологии Научного центра

РАМН проводил собственное исследование, когда были опрошены более 300 москвичей, у которых на Дубровке не было ни родственников, ни знакомых. В итоге у 24% из них обнаружили симптомы посттравматического расстройства. Точно такого же, как у участников боевых действий и настоящих жертв теракта. Для сравнения — среди необученных солдат доля страдающих ПТС — 16–18%, у обученных — 8–10, иногда 4%. То есть люди, смотревшие телевизор, чувствовали себя хуже, чем необученные солдаты после реального боя. *Можно считать их дополнительными жертвами теракта*.

2. Взаимодействие власти и СМИ в чрезвычайных ситуациях

В ноябре прошлого года, после серии взрывов в Стамбуле, Высший совет теле- и радиовещания Турции запретил показ трупов погибших (а заодно и произведенных разрушений) в целях «обеспечения спокойствия граждан». Турецкие власти посчитали, что смакование показа крови на экране способно посеять панику, «дискредитировать органы правопорядка» и, в конечном счете, сыграть на руку террористам.

Между тем ***проблему ограничений показа насилия многие российские СМИ автоматически переводят в проблему свободы слова***. Первым критерием демократии является свобода слова, поэтому показывать события такими, какие они есть, является главной задачей средств массовой информации, считают эти издания. Именно такой взгляд на ситуацию представили после событий на Дубровке, например, «Ведомости» и «Новая газета».

Более того, после очередного крупного теракта в центральных СМИ начиналась новая волна дискуссий по поводу методов работы власти со СМИ в чрезвычайных ситуациях. Примечательно, что достаточно активно в прессе обсуждается *мнение о некой врожденной оппозиции журналистов и власти*. Показательна в этом смысле цитата из публикации в «Еженедельном журнале» (12.11.2002). «Теракт в Москве вновь пробудил в российских властях чуть притупившееся желание привести в окончательно образцовый порядок российское медийное хозяйство», — прокомментировало издание *поправки в законы о СМИ и о борьбе с терроризмом, регламентирующие работу прессы в кризисных ситуациях*. Эти законопроек-

ты, которые были одобрены парламентом большинством голосов вскоре после трагедии на Дубровке, широко критиковались российскими и зарубежными журналистами как откровенно широкое наступление на свободу прессы. Критики предостерегали, что они будут использоваться не только для ограничения освещения операций против террористов, но также и для цензуры сообщений о войне в Чечне.

Не менее острую реакцию журналистского сообщества вызвали и последующие *методические рекомендации Министерства печати РФ по освещению в СМИ чрезвычайных ситуаций*. В проекте этого документа были использованы, в частности, положения Международной хартии безопасности журналистов, резолюция ЮНЕСКО, правила ряда западных общественных организаций. Однако многие журналисты восприняли этот документ как чисто формальный. «У меня сложилось впечатление, что кто-то из высокопоставленных чиновников высказал очередные претензии в адрес прессы, а Михаил Лесин дал своему аппарату команду сочинить эту бумагу и показать, что министерство не сидит сложа руки», — прокомментировал главный редактор газеты «Версия» Рустам Арифджанов.

Очередная попытка законодательно ограничить деятельность СМИ в экстремальных ситуациях была после взрыва в московском метро связана с *законопроектом, запрещающим показ тел погибших в результате терактов*. Автором инициативы выступил глава профильного думского комитета по СМИ ***Валерий Комиссаров***, член фракции «Единая Россия». Комментируя событие, ***центральные издания вновь сместили акценты из области этики на политические мотивы*** и не преминули подчеркнуть «знаковый» момент появления подобной инициативы — накануне президентских выборов, т. е. «в период, когда настроения электората улавливаются властью особенно чутко». При этом СМИ ссылались на результаты социологических опросов, согласно которым еще за год до этого законопроекта более 60% россиян выступало за введение цензуры при освещении СМИ терактов. «За истекшее время, с учетом всех трагических событий, вряд ли это число уменьшилось. Однако именно сейчас инициатива единороссов, воспринимаемая обществом

как инициатива В. Путина, может вызвать одобрение многих избирателей», отметило тогда интернет-издание «RBC daily» (19.02.2004).

В конечном итоге, журналисты приходят к выводу, что ***этика освещения последствий терактов — вопрос профессионального самосознания СМИ.***

3. Обсуждение этических принципов профессионального поведения прессы

В США в 70-е годы до 80% телепоказов содержали сцены насилия. Параллельно шли исследования, заказанные обеспокоенным обществом и государством. Слушания в Конгрессе в 1980 году резко изменили отношение телемагнатов и медиасообщества к тому, что и как надо показывать. Фильмы с насилием, правда, не перестали производить, но аналоги «Бригад» у них не идут по всем каналам в лучшее время. Вот что могут сделать сами журналисты без всякого запрета. И кроме того, там действуют такие мощные лоббистские организации, как Телевизионный совет родителей, Комитет американских матерей в защиту детей от насилия на телеэкране. Он сообщает, какие телеканалы отходят от необходимых пропорций, показывая все больше и больше насилия, эти данные публикуются. Таким образом, гражданское общество берет на себя функции контроля.

В большинстве других стран также существуют только «добровольные» самоограничения руководства телеканалов, которые опираются на разного рода моральные кодексы.

Российские журналисты также пытаются сформировать собственный этический кодекс. Так, уже через два месяца после захвата заложников на мюзикле «Норд-Ост» Союз журналистов России представил «Антитеррористическую хартию СМИ — этические принципы профессионального поведения журналистов, освещающих акты терроризма и контртеррористические операции». Антитеррористическая конвенция — это внутрикорпоративный документ, который, по замыслу его создателей, должен стать частью договора о найме на работу журналистов. В итоге, Хартия была все же была подписана, несмотря на споры среди руководителей СМИ. Так, если главные редакторы «Известий» и «Российской газеты» Михаил Кожокин и Ядвига Юферова в руководстве своими

изданиями отстаивали общие принципы — соответственно «первична жизнь человека» и «не навреди», то уже директор Центра экстремальной журналистики Олег Панфилов выразил сомнения в эффективности конвенции. По его словам, «*в государстве, где толком не работают законы, принимать этические нормы глупо*».

«ЯЗЫК ВРАЖДЫ В РОССИЙСКИХ СМИ»

Тема терактов напрямую связана с темой ксенофобии

Цитата из репортажа «Намедни» (НТВ): «Фоторобот, как всегда, похож на самого себя: то в шапочке, то в кепке, то без ничего. Это оперативно восстановленное лицо нашей общей фобии. Откуда исходит угроза нам? И кого бояться? Этого среднерусского кавказца на вид 42–45 лет, ростом метр семьдесят, в куртке средней длины и шапочке? Таких слишком много в Москве».

По данным правозащитников, ***античеченские настроения, всплеск которых был зафиксирован после «Норд-Оста», постепенно сменяются неприязнью вообще к «нерусским».*** В частности, Информационно-аналитический центр «Сова» в марте текущего года обнародовал результаты специального исследования «Язык вражды в российских СМИ», посвященного проявлениям ксенофобии в российских СМИ. Исследование центра «Сова» проводилось 4 месяца и охватило 10 федеральных и 20 региональных газет. СМИ, считающиеся националистическими, в мониторинг включены не были, правозащитники исследовали только нейтральные общественно-политические издания. Под «языком вражды» подразумевались как прямые или завуалированные призывы к насилию в отношении представителей какой-либо национальности, так и упоминания об «исторических преступлениях», совершенных той или иной этнической и религиозной группой, суждения о ее моральных недостатках и обвинения в негативном влиянии этой группы на российское государство и общество. Всего в материалах газет было выявлено 945 высказываний, подпадающих под определение «язык вражды». Год назад аналогичное исследование зафиксировало 804 ксенофобски окрашенных формулировок. То есть рост составил почти 20%. Еще одно отличие нынешнего исследования от прошлогоднего: если тогда, после теракта на Дубровке, явными «лидерами» неприязни оказались чеченцы, то сейчас на первое место со значительным отрывом вышли абстрактные «нерусские». На их долю пришлась примерно треть высказываний. Следом идут все те же чеченцы, азербайджанцы и цыгане.

Чеченская проблема глазами СМИ

Трагические события, связанные с терактами последнего времени, заставили прессу по-новому взглянуть на чеченскую проблему и возможные сценарии ее решения. Начало открытым выступлениям в поддержку «мирного решения чеченской проблемы», то есть призывам к переговорам с террористами, положил захват ДК на Дубровке. «Новая газета» (25.10.2002) написала тогда: «Власть (президент, правительство) уже просто обязана, а не должна изменить свою политику по Чечне — совершенно тупую, смертельно опасную и безответственную». «Независимая газета» (29.10.2002) прогнозировала в противном случае «очередную, третью чеченскую кампанию». В связи с этим «*Известия*» напоминали опыт де Голля, «отдавшего Алжир ради спасения Франции», а в качестве антитезы — Сталина, «решившего национальный вопрос путем депортации — в том числе тех же чеченцев, по сути, просто делегировав чеченскую проблему своим потомкам в Кремле» (29.10.2002).

Любопытно, что ***захвату заложников в Москве чеченскими террористами предшествовал резкий рост интереса к чеченской проблеме*** со стороны большей части федеральных газет. При этом информационное поле прессы августа-октября 2002 г. позволяет сделать вывод — ***захват заложников пришелся на пик критики действий российских властей в Чечне***. Так, еще после взрыва в Каспийске во время парада Победы 9 мая 2002 года практически все газеты написали о неспособности федералов контролировать обстановку в Республике и указывали на очевидный провал чеченской политики Кремля. В итоге, СМИ (в основном, оппозиционно настроенные) делали вывод, что ситуация в стране накалена до предела и взрыв неизбежен. В частности, «Новые известия», «Советская Россия» рассуждали тогда о «расползании» чеченской войны за пределы Республики. Между тем стоит подчеркнуть, что в информационном потоке августа-октября 2002 г. присутствовали также и публикации, основным тезисом которых была тема стабилизации

чеченской проблемы. В этом лагере доминировали официальные издания. «Парламентская газета» регулярно приводила факты из мирной жизни Республики. Издание Минобороны «Красная звезда», соглашаясь с тем, что в Чечне наметилась «незначительная активизация диверсионной деятельности боевиков», тут же оптимистично заявляла — это лишь последняя агония, «бандформирования пытаются хоть как-то отсрочить свое неминуемое уничтожение»...

Примечательно, что ***вплоть до сегодняшнего момента слова «агония», «отчаяние» достаточно часто встречаются как в материалах, посвященных чеченской проблеме, так и в публикациях о произошедших терактах.*** Например, «Парламентская газета» (07.07.2003) рассуждает по поводу активного привлечения женщин к террористическим действиям как о «жесте отчаяния». В свою очередь «Российская газета» (02.08.2003) теракт в Моздокском госпитале расценивает как свидетельство «последней агонии». Аналогичные интонации прослеживаются в комментариях «Труда» (07.07.2003) о взрыве на рок-фестивале в Тушино: «Судя по всему, женщины и подростки — последний резерв Масхадова», сил у террористов практически не осталось и «они стоят на грани краха».

Обращает на себя внимание тот факт, что ***после очередного теракта чеченский вопрос встает для прессы с новой силой***. Особую остроту он приобрел после гибели в результате теракта 9 мая 2004 г. главы Республики ***Ахмада Кадырова***. Центральные издания констатируют, что сейчас Кремль встал перед необходимостью принятия срочных мер политического и экономического характера с целью избежать масштабной дестабилизации ситуации в регионе.

М. В. Павлова[1]

Экстренная психологическая помощь пострадавшим в результате террористического акта[2]

- Экстренная психологическая помощь является самостоятельной отраслью психологической практики, актуальной в условиях современного мира.
- Психологические последствия террористических актов у пострадавших с очевидностью доказывают необходимость профессиональной психологической помощи, начиная с самых ранних этапов реабилитации.
- Оказание экстренной психологической помощи способствует поддержанию психического и психофизиологического самочувствия пострадавших, направленное на работу с вновь возникшими в результате чрезвычайной ситуации негативными эмоциональными переживаниями, также решает задачи профилактики отсроченных реакций на чрезвычайную ситуацию у пострадавших (психосоматические проблемы, ПТСР и др.).
- Экстренная психологическая помощь может быть оказана только в том случае, если реакции человека можно описать как *нормальные реакции на ненормальную ситуацию*. Экстренная психологическая помощь не может быть оказана тем людям, чьи реакции выходят за пределы психической нормы. В этом случае необходима помощь врача-психиатра.

---

[1] Павлова Мария Валерьевна — начальник отдела психологической подготовки ГУ ЦЭПП МЧС России.

[2] Тезисы доклада.

- Террористические акты и другие социальные бедствия являются разрушительными по своим последствиям для психики человека, ведь даже если не пострадал сам человек физически, не пострадали его родственники, осталось невредимым его имущество, невозможно оставаться равнодушным, когда вокруг видишь горе и страдание других людей. Выделяют несколько групп пострадавших:
  1. Жертвы, т. е. пострадавшие, изолированные в очаге ЧС.
  2. Пострадавшие непосредственно физически, материально, люди, потерявшие своих родных и близких или не имеющие информации об их судьбе.
  3. Очевидцы, «свидетели» — это люди, с которыми трагедия прошла где-то очень близко, совсем рядом, поэтому они примеривают на себя, на своих близких случившееся, ставят себя на место пострадавших.
  4. Наблюдатели, «зеваки» — люди, которые непосредственно не участвовали в ситуации, но, узнав от знакомых или из средств массовой информации о происшествии, прибыли на место ЧС (вторично пострадавшие).
  5. Телезрители (вторично пострадавшие). Нагнетание эмоций, использование технологий манипулирования общественным сознанием представителями СМИ способствует снижению адаптационных возможностей организма людей, блокированию механизма поиска рационального выхода из трудных жизненных ситуаций тем самым провоцирует возникновение психосоматических и обострение хронических заболеваний.
- Специалист, оказывающий экстренную психологическую помощь, применяет не один конкретный метод, а скорее набор техник, методик, которые сочетаются друг с другом и подходят конкретному клиенту. В зависимости от конкретной ситуации, ее условий, индивидуальных особенностей клиента выбираются или разрабатывается индивидуальная тактика работы с конкретным человеком.
- В качестве методов психологической диагностики применяется методы наблюдения и беседы, как наиболее адекватные ситуации.

- Способы распознавания психологического состояния пострадавших общедоступны. Однако профессиональная неподготовленность тех, кто оказывает экстренную психологическую помощь, может сильно усугубить и без того тяжелое состояние пострадавшего.

В. Д. Бекренев[1]

Стратегии информирования населения СМИ о деятельности МЧС России, связанной с профилактикой и ликвидацией последствий террористических актов

Средства массовой информации подразумевают весь комплекс разнообразных средств получения, обработки и передачи значимой информации. И неважно, будут ли это газеты и журналы или радио и телевидение, в любом случае в исходящий эфир выходит информация полученная и обработанная. Следует отметить, что продуктом деятельности СМИ является *массовое информирование,* не зря у СМИ есть и второе название — «четвертая власть», т. к. поле информационного воздействия СМИ затрагивает интересы практически всех слоев населения нашей страны и в глобальных размерах — всей планеты.

Стратегии получения, обработки и передачи информации разнообразны и практически полностью зависят от стратегии компании-хозяина. В частности, существуют музыкальные телекомпании, целевая аудитория которых — молодые люди в возрасте от 14 до 20 лет. И скорее всего, данная телекомпания не будет информировать своих телезрителей о каком-либо происшествии, не затрагивающем их интересов, например, о пожаре в Манеже. Другой пример — в одном из популярнейших московских периодических изданий (назовем его «Х») существует правило, если в какой-либо газете появится объявление о происшедшем «громком» событии раньше, чем в этом издании «Х», то на представителей отдела «го-

[1] Бекренев Владимир Дмитриевич — начальник отдела экстренного реагирования ГУ ЦЭПП МЧС России. Тел. (095) 926-38-96 (доб. 244).

рячих новостей» накладывается штраф. Здесь мы увидели две совершенно разные стратегии управления информацией:

- получение информации — ее скорость, ее ориентированность на целевую аудиторию (ее необходимость);
- обработка информации — что особенно существенно в ситуации, когда достаточно сложно быстро подготовить материал к публикации и проверить ее полную достоверность и еще сложнее проверить «слухи» о каком-либо событии;
- подача (передача) информации — здесь очень много зависит от вида СМИ: либо это газета и раньше чем через несколько часов этой информации не увидеть, либо это радио или телевидение и материал может поступать в рамках on-line вещания.

Как мы уже упоминали выше, в процессе обработки и подготовки информации к выходу в эфир очень сложно проверить полную достоверность этой информации или оценить всю ее значимость и своевременность, в частности, как это было с показом в прямом эфире штурма здания на ул. Дубровка («Норд-Ост»). Не всегда есть необходимость подачи полученного материала населению, чаще бывает наоборот — когда эту информацию следует задержать или вообще проигнорировать. Сейчас в правительственных кругах решается вопрос о введении ценза в СМИ и проверки всей информации, выходящей в эфир, но до полного согласования этой проблемы со всеми заинтересованными лицами пройдет еще достаточно времени, а проблема обозначена уже сейчас.

В результате террористического акта, о котором большинство людей узнают из СМИ, возникает ситуация неопределенности. При этом наиболее общий когнитивный ответ на подобную ситуацию — придание или приписывание произошедшему событию какого-либо значения. Оно происходит в самом начале процесса осмысливания полученной информации, прежде чем человек получит всю относящуюся к делу информацию. Этот процесс сугубо индивидуальный и протекает не всегда в полной мере осознанно. Процесс, развертывающийся одновременно с предыдущим, заключается в том, что люди стремятся заполнить пробелы в необходимой информации догадками или предположениями о неизвестном. Очень часто они связаны с предположениями негативного характера, пессимистического содержания. Поиск же информации для снижения неопределенности является одной из наибо-

лее важных стратегий поведения человека в подобных обстоятельствах. Процесс поиска информации, в свою очередь, поддерживает устойчивость к фактору неопределенности. В то же время чрезмерно большое или малое количество информации может способствовать проявлению стрессовых реакций, а точнее, как отмечал Лазарус, той опосредующей переменной развития психологического стресса — угроза некоторого будущего столкновения человека с опасной для него ситуацией.

В регуляции информационных процессов и, в частности, в защите от перегрузки информацией и с возникновением в связи с этим стресса существенную роль играет избирательность внимания, которая помогает сконцентрироваться на необходимой информации. Избирательность внимания в сочетании с его концентрацией на ситуационно изменчивой информации определяется понятием «перцептивная бдительность». Состояние бдительности подвержено большим колебаниям и может резко ухудшиться, вызывая последующее чувство перенапряжения.

Другая проблема бдительности — реакция при получении тревожной новости, и она может проявляться в отказе от активного поведения, интенсивном поиске информации для снижения неопределенности ситуации, в развитии состояния постоянной готовности («гипербдительность») с последующим ее снижением.

Таким образом, при оповещении населения о террористическом акте важно и нужно учитывать количественную и качественную стороны подаваемой информации о трагедии, дабы не привести к двум основным возможным стратегиям поведения населения: 1) ажиотажу, связанному с поиском необходимой информации, и 2) пассивности, вызванной перенапряжением когнитивных структур информационным массивом.

Тема искажения информации в процессе анализа информации уже упоминалась выше, но хочется обратить внимание на другую проблему, тесно связанную с предыдущей.

Обработка и передача информации или аналитический обзор этой информации происходит в рамках авторских программ или рубрик. При этом не исключено, что обозреватель может допускать те же ошибки, что и большинство его слушателей (зрителей, читателей), т. е. заполнение неизвестного собственными догадками, домыслами, предположениями, которые не всегда истинны.

Таким образом, мы получаем, как минимум, двойное искажение реальности произошедших событий. И это не единственная проблема деятельности средств массовой информации.

Другая, не менее важная проблема — намеренное искажение истинной информации. Не секрет, что некоторые ведущие создают передачи или пишут статьи «под заказ». И здесь содержание информации практически полностью зависит от мнения и желания заказчика. Не всегда для изменения смысла требуется изменение фактической стороны события, в большинстве случаев требуется изменение приоритетов высказываемой информации, что приводит к увеличению возможных домыслов и предположений.

Теперь хотелось бы привести саму схему информирования населения о деятельности МЧС России по профилактике и ликвидации последствий террористических актов. Данная схема информирования о произошедшем ЧС в данном регионе, основана на следующей схеме реагирования на экстренную ситуацию: ЧС — шоковое состояние (вызванное информационным сообщением) — эмоциональное реагирование на информацию и ситуацию — физическое реагирование (перебор и применение различных стратегий поведения в сложных условиях) — уточнение информации о наличной ситуации (здесь, используется как одна их наиболее вероятных стратегий поведения) — необходимость получения и оказания помощи — переживание наличной ситуации.

Некоторые принципы профилактики.

1 — информационная профилактика:

- оповещение населения о деятельности специалистов МЧС России, представляющих различные службы и отделы;
- обзор тренировочных мероприятий различных подразделений МЧС России;
- обзор тематического материала о возможных ЧС в данном регионе (можно включить информирование о близлежащих территориях);
- описание вариантов поведения при возможных ЧС;
- информирование населения об оказании первой помощи пострадавшим при ЧС.

2 — подготовка во время ЧС:

- описание ситуации и оповещение населения о том, кто и как берет контроль над данной ЧС;

- кто занимается обеспечением работы специалистов и какие подразделения задействованы в ликвидации данного чрезвычайного происшествия;
- какие варианты развития ситуации возможны в данной ситуации;
- оповещение населения о правилах поведения в данной ситуации и при ее ухудшении;

3 — предотвращение массовых волнений населения:
- информирование о происшедшей ЧС в данном регионе, его характере и обстоятельствах;
- описание границ ЧС (его локализации) и действий специалистов по устранению последствий;
- информирование об оказываемой помощи, о правилах поведения в подобных обстоятельствах, о мерах первой медицинской и психологической помощи пострадавшим;
- информирование о ходе проведения спасательных работ специалистами;
- описание спасательных работ, затраченных людских и технических ресурсах, а также описание возможной помощи населения специалистам;
- развернутый анализ происшедшей ситуации, информирование населения о сделанных выводах.

4 — освещение завершения работ по ликвидации последствий террористического акта:
- описание и классификация произошедшей ЧС;
- описание развития ситуации данного акта;
- какие ресурсы были задействованы при ликвидации последствий ЧС;
- какие потери произошли в рассматриваемой ситуации;
- какие выводы были сделаны по профилактике подобных ситуаций;
- описание изменений в работе специалистов МЧС России по предупреждению возникновения подобной ситуации и по уменьшению последствий подобных ЧС;
- освещение поощрения спасателей, должностных лиц структур, а также представителей населения, демонстрирующих адекватное поведение (создание социальных образов). Информирование о награждениях.

С. В. Чермянин, В. А. Корзунин, О. В. Иванов,
А. Г. Маклаков, В. Л. Ситников[1]

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ НА СОСТОЯНИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

(Северный Кавказ: 1995–1996 и 1999–2000)

Известно, что морально-психологическое и психофизиологическое состояние солдат и офицеров воюющей армии, их боеспособность во многом зависят от успешности военной кампании и от той моральной и материальной поддержки, которую им оказывает общество [1, 2, 3, 9].

Пристальный интерес к состоянию психического здоровья и планомерное изучение психофизиологического состояния комбатантов (лиц, участвовавших в реальных боевых действиях) относится к периоду войны в Афганистане и последующих локальных войн и вооруженных конфликтов. Именно в то время отечественными учеными была проведена серия исследований, направленных на изучение динамики психофизиологического состояния военнослужащих в различные периоды боевой деятельности. [4, 5, 6, 7, 10, 11, 12].

В процессе исследований было однозначно установлено, что психофизиологическое состояние военнослужащих в условиях

[1] Чермянин Сергей Викторович, доктор медицинских наук, профессор; Корзунин Владимир Александрович, доктор психологических наук, доцент; Иванов Олег Владимирович, кандидат медицинских наук (Российская Военно-медицинская академия); Маклаков Александр Геннадьевич, доктор психологических наук, профессор; Ситников Валерий Леонидович, доктор психологических наук, профессор (Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина).

реальной витальной угрозы определяется целым рядом факторов, среди которых главенствующая роль принадлежит социальному. «... Человек способен перенести самые тяжелые страдания и лишения лишь в том случае, если он способен придать им смысл... если он находит внимание и уважение со стороны окружающих...» [3].

С целью изучения влияния сформированного в обществе отношения к военным действиям, в том числе при активном участии средств массовой информации (СМИ), на психофизиологическое состояние военнослужащих был осуществлен сравнительный анализ данных комплексного социально-психологического изучения, психологического и психофизиологического обследования более 400 военнослужащих, участвовавших в боевых действиях на Северном Кавказе в 1995–1996 гг. и 1999–2000 гг.

В ходе социально-психологического изучения и интервьюирования военнослужащих изучались неблагоприятные факторы, негативным образом воздействующие на психофизиологическое состояние военнослужащих.

В процессе бесед с военнослужащими было выявлено, что как в первую, так и во вторую кампании достаточно выраженное воздействие на психофизиологическое состояние комбатантов оказывали средства массовой информации.

Проведенный анализ показал, что в течение 1995–96 гг. в ряде СМИ были сформированы устойчивые стереотипы подачи читателям (зрителям) негативной информации о характере ведения федеральными войсками боевых действий на территории Чеченской Республики. По мнению ряда авторов, первую чеченскую войну населению нашей страны чаще всего преподносили как «вредоносную кампанию» [7, 8, 9, 11, 12].

В печатных и электронных средствах информации был сформирован образ российского солдата как «жестокого захватчика», воюющего против чеченских женщин, стариков и детей. Им (российским военнослужащим) противостояли «благородные воины Ислама, защитники свободной Ичкерии». Такое освещение событий в СМИ зачастую приводило к непониманию среди населения страны истинных целей и задач контртеррористической операции 1995–1996 гг.

Особенно следует остановиться на влиянии средств массовой информации на психическое состояние военнослужащих, участвовавших в то время в боевых действиях. Практически 100% опрошенных военнослужащих отметили, что, по их мнению, по радио, телевидению и в газетах:

- необъективно отражались события, происходившие в Чечне, что приводило к непониманию среди солдат и офицеров той роли, которая возлагалась на армию (особенно на начальном этапе кампании);
- подвергалось сомнению правомерность боевых задач, которые выполняли российские военнослужащие на Северном Кавказе;
- всячески замалчивалась самоотверженность солдат и офицеров, проявлявшаяся в ходе боевых действий;
- не предавались широкой гласности многочисленные факты издевательств боевиков над мирными жителями и надругательств над телами погибших военнослужащих, о которых было хорошо известно всем солдатам и офицерам.

По мнению большинства опрошенных, такое воздействие СМИ порождало у военнослужащих чувство неуверенности, унижения, обиды, возмущения, уязвленного самолюбия; в некоторых случаях — проявляясь сомнениями в возможности благополучного завершения военной кампании.

Негативным воздействием на психику военнослужащих обладала также информация, распространяемая некоторыми СМИ, о возможных карательных акциях со стороны боевиков по отношению к членам семей военнослужащих. Около 15% военнослужащих срочной службы и почти 30 % опрошенных офицеров выражали беспокойства за судьбу своих родственников, в отношении которых могут последовать террористические акты.

Напротив, в военной кампании 1999–2000 гг. российская армия предстала в СМИ совсем в ином облике, чем несколько лет назад. Стали появляться многочисленные сообщения об успешном проведении операций в Дагестане и на территории Чечни, о мужестве, храбрости и стойкости военнослужащих. Кроме того, произошло изменение характеристик целей военной кампании. Понимание необходимости непосредственного уничтожения не-

законных вооруженных формирований уступило место сохранению целостности России и борьбе с международным терроризмом (Р. Медведев, 2000, С. Ястржембский, 2001).

Средствами массовой информации стал формироваться образ военнослужащего как вооруженного защитника государственных интересов России. Это привело к пониманию солдатами и офицерами воюющих частей и подразделений целей антитеррористической операции на Северном Кавказе, дополнительному притоку в Вооруженные Силы значительного количества лиц, изъявивших желание проходить военную службу на контрактной основе [9, 11].

При этом не только материальная заинтересованность стала побудительной причиной поступления этих граждан на службу по контракту, но и причины морального характера. Многие военнослужащие-контрактники в процессе интервьюирования указывали на то, что служить по контракту они пошли потому что:

- остались «долги» за прошлую войну;
- чтобы Россия осталась «единой и неделимой»;
- чтобы «полностью разрушить это осиное гнездо» и др.

Конечно, не только влияние СМИ, но и целенаправленные усилия командования и воспитательных структур ВС РФ по разъяснению целей и задач антитеррористических мероприятий позволили сформировать у военнослужащих частей и подразделений должное отношение к военной кампании в целом и своей собственной роли в ней.

Сравнение данных социально-психологического изучения военнослужащих во время 1-й и 2-й кампаний показало, что только во время атитеррристической операции 1999—2000 гг. большинство солдат и офицеров получили полноценную информацию о целях и задачах военной кампании, о моральной поддержке со стороны государственных и общественных организациях, обладали информацией о льготах и материальном вознаграждении за участие в боевых действиях (таблица 1).

Проведенные исследования свидетельствовали, что, несмотря на сравнимость интенсивности боевых действий во время 1-й и 2-й военных кампаний, психофизиологическое состояние военнослужащих имело существенные отличия. В частности, проведен-

Таблица 1

Информационное обеспечение военнослужащих во время антитеррористической операции на Северном Кавказе (1999–2000 гг.), (% опрошенных лиц)

Информационное обеспечение	Военная кампания 1995-1996 гг.	Военная кампания 1999-2000 гг.
Наличие точной информации о льготах и денежном вознаграждении за участие в боевых действиях	0%	75 %
Наличие полноценной информации о целях и задачах военной кампании	20%	92%
Уверенность в моральной поддержке со стороны государственных структур и общественных организаций	10%	85%
Объективность освещения происходящих событий в средствах массовой информации	0%	75%

ные психофизиологические обследования военнослужащих срочной службы во время штурма г. Грозного в январе 1995 г. и в декабре 1999 г. показали, что в первом случае отчетливые признаки нервно-психической неустойчивости были характерны для 64% военнослужащих, в то время как во втором случае этих лиц было не более 18% от общего количества всех обследованных.

В таблице 2 приведена структура и процентное соотношение жалоб на состояние здоровья, предъявленных военнослужащими во время участия в боевых действиях. Представленные данные свидетельствуют, что в ходе антитеррористической операции 1999—2000 гг. количество жалоб, предъявленных военнослужащими, на состояние здоровья, было значительно меньшим, по сравнению с аналогичным периодом 1995 г. То есть военнослужащие, которые вели боевые действия в предместьях г. Грозного в декабре 1999 г., по сравнению с личным составом, участвовавшим в уличных боях

Таблица 2

Структура и количество жалоб (% случаев)* на состояние здоровья, предъявленных военнослужащими во время 1-й и 2-й кампаний

Жалобы на состояние здоровья	Бои в г. Грозном (январь 1995 г.)	Бои в предместьях г. Грозного (декабрь 1999 г.)
Головная боль	12	13
Головокружение	28	6
Учащенное сердцебиение	18	7
Неприятные ощущения в животе	40	10
Боли за грудиной	19	8
Мышечная слабость	50	30
Прочие жалобы	50	30

*Примечание: сумма жалоб не равняется 100%, так как в ряде случаев военнослужащие предъявляли несколько жалоб.

в г. Грозном в январе 1995 г., значительно реже предъявляли жалобы на состояние здоровья и в первую очередь на головокружение, чувство тяжести в голове, тахикардию, неприятные ощущения в животе и др.

Одновременно военнослужащие — участники боев за г. Грозный (1999 г.) — отличались более низким (почти на 20%) уровнем ситуационной тревожности, по сравнению с военнослужащими, штурмовавшими город в 1995 г., что также может быть расценено как следствие менее выраженного нервно-психического напряжения (рис. 1).

Выявленные отличия в психофизиологическом состоянии комбатантов, участвовавших в активных боевых действиях на Северном Кавказе, в полной мере относятся и к военнослужащим, которые находились на лечении в военно-медицинских лечебных учреждениях по поводу боевых ранений. Крупнейшим организатором военно-медицинской службы Е. И. Смирновым на опыте Великой Отечественной войны было замечено, что во время наступательных операций Красной Армии психическое состояние раненых было лучше, а выздоровление шло эффективнее по сравнению с состоянием раненых в период неудач на фронтах [2].

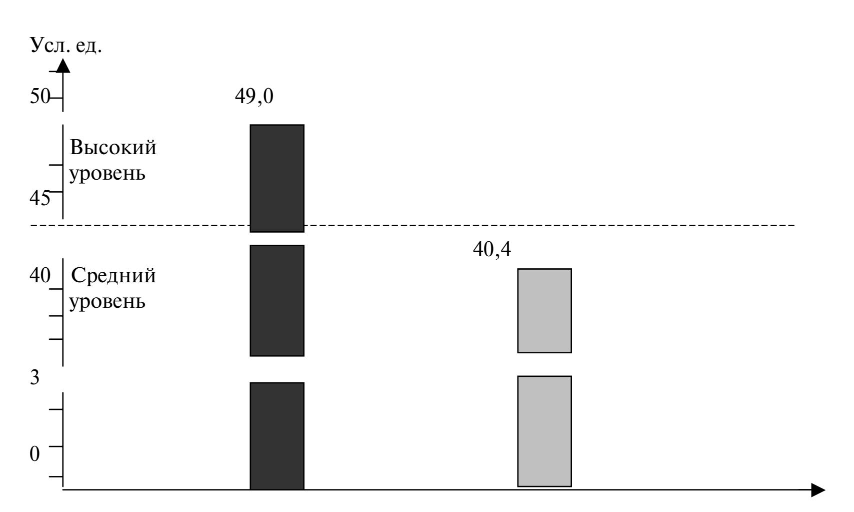

Рис. 1. Показатели уровня ситуационной тревожности (методика Спилбергера) у военнослужащих, принимавших участие в боевых действиях в военных кампаниях 1995 г. и 1999 г.

Для изучения психофизиологического состояния раненых, участвовавших в боевых действиях на Северном Кавказе, было обследовано 186 реконвалесцентов на разных этапах антитеррористической операции. Из них 77 человек были обследованы в 1995–1996 гг. во время лечения в клиниках ВМА и 109 военнослужащих — в 2000 г. Характер ранений военнослужащих обеих групп был примерно одинаков.

Результаты сравнительного анализа данных психологического и психофизиологического обследования раненых свидетельствовали о наличии достоверных различий по целому ряду изучаемых характеристик. В частности, установлено, что для раненых, находившихся на лечении в 1995–1996 гг., в большей степени была характерна повышенная ранимость, чувствительность, нервно-психическая неустойчивость, тревожность, ипохондрическая фиксация, склонность к аутичности мышления (шкалы Hs, Hy, Mf, Pt, Sc методики СМИЛ при $0,05>p>0,0005$) (рис. 2).

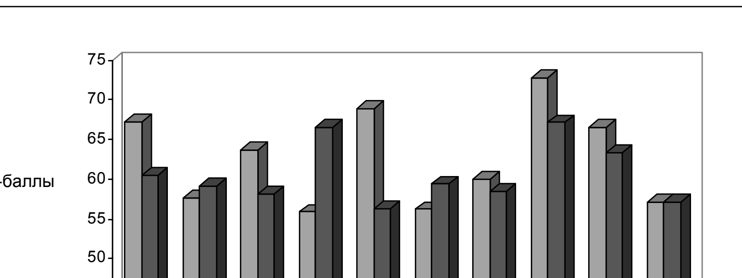

Рис. 2. Результаты обследования раненых в 1995, 2000 гг. по методике СМИЛ

Лечащие врачи неоднократно отмечали, что у раненых периода 95–96 гг. зачастую возникали эксплозивные (взрывчатые) реакции по незначительному поводу, или же, напротив, такие реконвалесценты надолго «уходили в себя» после просмотра телевизионных репортажей с Северного Кавказа (либо после чтения газет с информацией на «чеченскую» тему) .

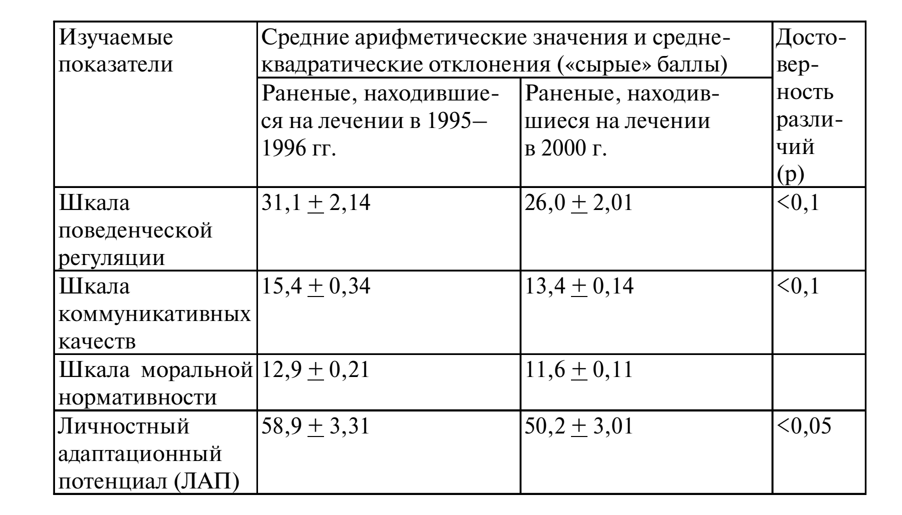
Весьма показательными являются высказывания некоторых раненых, находившихся в тот период на стационарном лечении.

Так, сержант В., находившийся в 1996 г. на лечении по поводу контузии и множественных осколочных ранений, полученных от разрыва гранаты, писал: «...Сейчас времени думать много. А тут еще посмотришь телевизор, как все преподносится, поубивал бы всех. Иногда вообще никого не хочется видеть. Лежишь и целый день смотришь в потолок».

У части военнослужащих отмечалась отчетливая тенденция к трансформации нервно-психического напряжения в функциональные психосоматические расстройства. Так, в 1995–1996 гг. реконвалесценты в процессе обследования предъявляли большее (в 1,8 раза) количество жалоб (по сравнению с обследованием 2000 г.) на плохое самочувствие, сниженное настроение, быструю утомляемость, инсомнические нарушения и др. ($0,01<p<0,05$). Военно-профессиональная направленность реконвалесцентов была

Таблица 3

Результаты сравнительного анализа обследования раненых, находившихся на лечении в 1995–1996 г. и 2000 гг., по методике МЛО «Адаптивность»

Изучаемые показатели	Средние арифметические значения и среднеквадратические отклонения («сырые» баллы)		Достоверность различий (р)
	Раненые, находившиеся на лечении в 1995–1996 гг.	Раненые, находившиеся на лечении в 2000 г.	
Шкала поведенческой регуляции	31,1 ± 2,14	26,0 ± 2,01	<0,1
Шкала коммуникативных качеств	15,4 ± 0,34	13,4 ± 0,14	<0,1
Шкала моральной нормативности	12,9 ± 0,21	11,6 ± 0,11	
Личностный адаптационный потенциал (ЛАП)	58,9 ± 3,31	50,2 ± 3,01	<0,05

снижена, практически 100% респондентов не испытывала желания вновь оказаться в районе боевых действий.

Напротив, для военнослужащих, участвовавших в антитеррористической операции на Северном Кавказе в 1999–2000 гг., был характерен более низкий уровень нервно-психического напряжения на фоне оптимистичности и уверенности в благоприятном исходе лечения. Многие реконвалесценты (около 40%) высказали желание после лечения вновь вернуться в свои боевые подразделения.

Установлено, что раненые военнослужащие в 2000 г. отличались большей толерантностью к стресс-факторам и достаточно развитыми адаптационными способностями личности (шкала ЛАП, методика МЛО «Адаптивность», $p<0,05$). Одновременно данный контингент реконвалесцентов отличался от контингента раненых 1995 г. (более высокими показателями поведенческой регуляции и коммуникативных качеств) (табл. 3).

Таким образом, результаты проведенных исследований свидетельствуют о наличии существенных различий психофизиологического состояния военнослужащих, участвовавших в антитеррористической операции на Северном Кавказе в 1995–1996 гг. и 2000 гг.

Определена значимая роль средств массовой информации в формировании у военнослужащих, участвующих в боевых действиях, отношения к военной кампании в целом и своей собственной роли в ней.

Использованная литература

1. *Шапошников Б. М.* Воспоминания. Военно-научные труды. М.:Воениздат, 1974.
2. *Смирнов Е. И.* Война и военная медицина. 1939–1945 годы (Мысли и воспоминания). М.: Медицина, 1976. — 462 с.
3. *Сидоров П. И., Литвинцев С. В., Лукманов М. Ф.* Психическое здоровье ветеранов Афганской войны. Архангельск: Издательство АГМА, 1999.
4. *Решетников М. М.* Психопатология героического прошлого и будущие поколения // Актуальные вопросы военной и экологической психиатрии. СПб: ВМА, 1995. С. 38–45.
5. *Литвинцев С. В., Снедков Е. В.* Психиатрическая помощь военнослужащим в Афганистане. СПб.: ВМедА, 1997.
6. *Снедков Е. В. с соавт.* Стрессогенные психические расстройства у раненых // Актуальные вопросы военной и экологической психиатрии. СПб: ВМА,1995. С. 79–82.
7. Актуальные вопросы реабилитации военнослужащих, получивших боевые травмы и ранения / Под ред. Ю. Л. Шевченко. СПб: ВМА, 1996.
8. *Довгуша В. В., Кудрин И. Д., Кудрин А. И., Маклаков А. Г., Чермянин С. В.* Преморбидные состояния в экстремальной медицине и экстремальной психологии. СПб: ГУП НИИ ПММ, 2003.
9. Война и психическое здоровье / Под ред. С. В. Литвинцева и В. К. Шамрея. СПб: ВМА, 2002.

10. Медицинская реабилитация раненных и больных / Под ред. Ю. Н. Шанина. СПб: Специальная литература, 1997.
11. Актуальные проблемы психофизиологической коррекции функционального состояния военнослужащих / Под ред. Ю. В. Лобзина. СПб: ВМА,2001.
12. *Маклаков А. Г. с соавт.* Проблемы прогнозирования психологических последствий локальных военных конфликтов // Психологический журнал, 1998. Т. 19, №2. С. 15–26.

А. Л. Катков[1]

Метамодель социальной психотерапии

1. УТОЧНЕНИЕ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ

Под термином *социальная психотерапия* мы понимаем такую форму особой развивающей практики, которая затрагивает существенную часть общества, а не только эксклюзивные группы населения (например, невротизированных пациентов); которая по степени эффективности существенно превосходит признанные институализированные способы социального развития (воспитание, образование и т. д.), о чем, в частности, можно будет судить по степени блокирования и обратного развития тенденции распространения основных социальных эпидемий (терроризм, религиозный экстремизм, рост преступности, военные конфликты, распространение наркомании и сопутствующего ВИЧ/СПИДа, экологические угрозы и катастрофы, значительное расслоение общества по признаку доступа к материальным и информационным ресурсам).

Таким образом, в качестве *основного объекта* воздействия социальной психотерапии выступает социум в целом. В качестве *основного предмета* воздействия — универсальные механизмы формирования и распространения поименованных социальных эпидемий. *Основной способ* воздействия социальной психотерапии —

[1] Катков Александр Лазаревич — доктор медицинских наук, профессор. Вице-президент Профессиональной психотерапевтической лиги. E-mail: vikgal@psyclub.net.

форсированное развитие механизмов антагонистической (по отношению к факторам формирования социальных эпидемий) динамики в обществе.

Основные вопросы, которые возникают в связи с вышеприведенным определением социальной психотерапии, ее основного объекта, предмета и способа воздействия, следующие:

- существуют ли общие (универсальные) механизмы, лежащие в основе возникновения и распространения наиболее масштабных социальных эпидемий конца XX — начала XXI столетия (другими словами — возможна ли разработка единой концепции социальной психотерапии или это будут достаточно разрозненные блоки теоретических построений)?
- возможно ли выведение более или менее общих (концептуально единых) способов воздействия на механизмы формирования социальных эпидемий нового времени?

2. ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ К АГРЕССИВНЫМ ВЛИЯНИЯМ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ

Наши социологические, социально-психологические и экспериментальные исследования, проводимые с конца 2001 года, дают утвердительные ответы на поставленные выше вопросы. В частности, на материале масштабной выборки (7997 респондентов, опрошенных в 10 регионах Республики Казахстан), а также на основании статико-математического анализа 4750 базисных исследовательских карт, заполняемых на пациентов, зависимых от психоактивных веществ (каждая карта содержит 1860 учитываемых признаков) в регионах Республики, было доказано следующее:

1) Существует выраженная антагонистическая динамика распределения признаков высокой степени развития определенных личностных свойств, с одной стороны, и очевидных предикторов упомянутых социальных эпидемий — с другой, в частности:

- фактов вовлечения в наркотическую или иную химическую зависимость;
- наличия высоких рисков вовлечения в наркотическую или иную химическую зависимость;

- наличия крайней степени вовлеченности в религиозное мировоззрение с нетерпимостью к конкурирующим конфессиям и культам;
- наличия признаков сочувствия террористическим акциям;
- низкого материального благосостояния;
- низкой скорости адаптации;
- нисходящей социальной динамики.

Помимо перечисленных в многоуровневых исследованиях, проводимых в 2001–2003 гг., анализировались, в общей сложности, 97 факторов, особенности распределения которых в той или иной степени подтверждают приведенный нами тезис (на некоторых фрагментах проведенного анализа мы остановимся позднее).

2) В рамках достаточно длительного клинического эксперимента, проводимого на базе Республиканского научно-практического центра медико-социальных проблем наркомании, выявилось, что форсированное развитие идентифицированных и, таким образом, личностных свойств в режиме психотерапевтического прессинга (специальная реабилитационная программа) существенно удлиняет сроки и повышает качество ремиссий, в том числе у лиц с наиболее тяжелыми формами наркотической зависимости (в среднем, на 25–30%). Данные результаты получены в корректных сравнениях с контрольными группами пациентов, где практиковались традиционные модели реабилитации и психотерапии.
3) В ходе реализации других экспериментальных программ сотрудниками Республиканского центра было доказано, что первично-профилактические мероприятия, разработанные и реализуемые с акцентом на активное формирование соответствующих личностных свойств, на порядок превышают эффективность традиционных профилактических программ, проводимых в группах подростков с высоким риском вовлечения в зависимость от психоактивных веществ.

На основании результатов данных исследовательских проектов, составляющих основу комплексной научно-исследовательской программы Республиканского центра, нами была сформулирована функциональная концепция психологической устойчивости к агрессивным влияниям среды (главным образом — информационной). Под психологической устойчивостью (психологическим здоровьем) понимается специальная функция психики субъекта, обеспечивающая высокую толерантность к первичному или повторному вовлечению в орбиту зависимости от агрессивных факторов среды (информационной, химической и др.), полноценное формирование которой возможно как за счет эволюционных механизмов индивидуального развития, так и за счет использования специальных технологий (психологических, психотерапевтических, социальных и т. д.). Феномен индивидуальной устойчивости к агрессивным воздействиям среды обеспечивается комбинацией определенных личностных свойств, гармоничное развитие которых ведет к закономерному снижению риска вовлечения в зависимость от деструктивных социальных процессов (эпидемий). К интересующим нас личностным свойствам относятся следующие:

- полноценное завершение личностной идентификации;
- наличие позитивного (идентификационного) жизненного сценария;
- сформированность навыков свободного и ответственного выбора;
- сформированность внутреннего локуса контроля;
- наличие личностных (психологических) ресурсов, необходимых для реализации позитивного жизненного сценария;
- наличие адекватной информированности об агентах (агрессивных и деструктивных) по отношению к основным (идентификационным) жизненным сценариям.

Как показали наши исследования, другие свойства и характеристики, приписываемые фактору психологической устойчивости различными авторами (Meninger, Becker, Jhoda и др.), не имеют прямого отношения к рассматриваемому феномену и, к тому же, трудно поддаются измерению. Идентифицированные нами свойства — слагаемые фактора психологической устойчивости — принципиально измеряемы как по отдельности (экспериментально-психологические методики Кеттелла, Шмишека, Шострома, Лири и другие), так и в совокупности (компьютеризированная методика экспресс-диагностики свойств психологической устойчивости к агрессивным факторам внешней среды, разработанная сотруд-

никами Республиканского центра). Далее, нами было показано, что названные личностные свойства (за понятным исключением шестой позиции, где речь идет о степени информированности) представляют собой отнюдь не случайный набор характеристик психологического профиля. Тесная взаимосвязь описываемых свойств обусловлена синергетическим типом их общей функциональной активности, для которого характерны высокие степени взаимообусловленности, взаимозависимости, взаимодополнения. Таким образом, ни одно из поименованных личностных свойств не может быть полноценно сформировано без активного вовлечения и развития всех других. Это обстоятельство должно учитываться в соответствующих терапевтических и профилактических стратегиях. Нашими исследованиями было установлено, что эффективность эволюционного (естественного) и специально-технологического способа формирования функций устойчивости к агрессивным влияниям внешней среды связана с успешным прохождением следующих универсальных этапов:

а) фаза полноценного развития первичного комплекса личностных свойств, обеспечивающего требуемую реакцию на адекватную информацию об агентах, агрессивных к основным жизненным сценариям, а также успешное прохождение следующих этапов цикла;
б) фаза реального конфликта основного (идентификационного) жизненного сценария с агрессивной средой и дивидендами конкурирующих сценариев (например, вариантов вовлечения в религиозные секты, экстремистские организации, орбиту наркозависимости и т. д.);
в) фаза нейтрализации деструктивных (по отношению к основному идентификационному сценарию) вариантов взаимодействия с агрессивной средой и их дивидендов, с полной или частичной редукцией мотивации к реализации данных вариантов;
г) фаза реализации позитивного (идентификационного) жизненного сценария с конструктивным типом взаимодействия (адекватная защита, ассертивные способы реагирования) с агрессивной средой.

В первом случае (эволюционные сценарии формирования свойств психологической устойчивости) на прохождение названных этапов требуются достаточно длительные временные периоды. Кроме того, следует учитывать, что полноценное формирование описываемого нами комплекса личностных свойств завершается к 16–18 годам. Форсированное прохождение данных этапов, при соответствующих условиях, возможно за относительно более короткие временные периоды, длительность которых зависит от степени выраженности дефицита свойств, составляющих комплекс психологической устойчивости.

В ходе многоуровневого исследования 2001–2003 годов нами было показано, что максимальные степени позитивной взаимозависимости с высокими уровнями психологической устойчивости (психологического здоровья) были установлены для следующих факторов:

- фактор восходящей социальной динамики (дифферент 52:1);
- фактор высокой скорости адаптации (дифферент 20,4:1);
- фактор высокого уровня доходов (благосостояния) (дифферент 7,78:1);
- фактор принадлежности к группе учащейся молодежи (дифферент 7,1:1);
- фактор наличия позитивных целей и установок (дифферент 5,36:1);
- фактор высокой степени заинтересованности собственным здоровьем, предполагающий наличие соответствующей самоорганизующей активности личности (дифферент 4,9:1);
- фактор принадлежности к профессиональной группе, занятый в системе образования (дифферент 3,3:1);
- фактор высшего образования (дифферент 3,05:1).

Значения дифферента в данных соотношениях отражают интенсивность распределения высоких и низких уровней психологической устойчивости (здоровья) по отношению к анализируемому фактору. Приведенные в данном фрагменте результаты интерпретируются следующим образом: позитивная взаимозависимость параметра высокого уровня психологического здоровья и фактора принадлежности к учащейся молодежи, а также фактора принадлежности к профессиональной группе, занятой в системе

образования, высшего образования свидетельствуют о том, что за счет активности института образования (главным образом, высшего) у контактных аудиторий формируются позитивные цели и установки, а также и другие свойства психологического здоровья — устойчивости. Эти свойства способствуют восходящей социальной динамике, высокой скорости адаптации и сравнительно более высокому уровню доходов. Формируемые комплекс психологической устойчивости, с одной стороны, создают относительно высокий уровень социального комфорта, с другой — надежно препятствуют вовлечению индивида в орбиту агрессивно-деструктивных социальных зависимостей.

Логика приведенного исследовательского фрагмента в конечном итоге ориентирована на расширение доступа к качественному образовательному процессу как к средству, которое относительно медленно, но надежно профилактирует распространение социальных эпидемий. Между тем такого рода логика не дает ответа на вопрос — почему же, несмотря на постоянное повышение образовательных стандартов и улучшение кондиций учебных процессов, отмечаемых практически повсеместно, уровень распространения социальных эпидемий не снижается, а напротив, повышается в прогрессии, сходной с геометрической.

В других исследовательских фрагментах, оценивающих разнополярную динамику распределения высоких уровней психологической устойчивости (здоровья) с высокими уровнями психического здоровья (понимаемого как отсутствие единичных или множественных симптомов психических расстройств), мы получили результаты, свидетельствующие о полярных различиях рассматриваемых категорий в отношении некоторых из интересующих нас параметров. Так, высокие уровни психического здоровья, в отличие от высоких уровней психологической устойчивости, обнаруживали отрицательную взаимозависимость с факторами высшего образования и занятости в системе образования. Но, что еще более важно, высокие уровни психического здоровья обнаруживали позитивную взаимозависимость с высокой (крайней) степенью вовлеченности в религиозное мировоззрение, в то время как сравниваемые параметры психологического здоровья по отношению к данному признаку обнаруживали отрицательную (антагонистическую) взаимозависимость. Для лиц с высокими уровнями психического здоровья не характерна средняя (умеренная) степень вовлеченности в религиозное мировоззрение, свойственная лицам с высоким уровнем психологического здоровья. Другие, существенные (но, уже не полярные) различия между анализируемыми категориями заключаются в том, что высокие уровни психического здоровья обнаруживают более выраженную позитивную взаимозависимость с высокими уровнями соматического здоровья и существенно менее выраженную позитивную взаимозависимость в отношении заинтересованности в собственном здоровье, чем сравниваемые высокие уровни психологического здоровья. В группе лиц с высоким уровнем психического здоровья всего лишь 8,2% респондентов обнаруживали высокие уровни психологической устойчивости (86,4% респондентов относились к группе со средней степенью выраженности свойств психологической устойчивости; 5,3% — с низкой). В группе с высоким уровнем психологического здоровья 50,5% респондентов обнаруживали высокую степень выраженности психического здоровья (45,4% — среднюю; 4% — низкую степень психического здоровья). Таким образом, сам по себе факт высокой психологической устойчивости не обеспечивает полноценного ресурсного статуса индивида, измеряемого соответствующими уровнями соматического и психического (в смысле отсутствия психопатологических симптомов) комфорта.

Интерпретация результатов, полученных по данному исследовательскому фрагменту, заключается в том, что институализированные практики (особенно практика высшего образования), ориентированные на развитие когнитивных способностей индивида и формирование у него рациональной системы координат, в лучшем случае оставляют без внимания или (в худшем случае) затрудняют доступ к другим ресурсным составляющим психики, а именно к тем инстанциям, которые обеспечивают искомый уровень физического и душевного комфорта. Следовательно, институализированные способы формирования истинной устойчивости к агрессивным влияниям внешней среды эффективны в отношении ограниченного объема населения, обладающего изначально высокими уровнями соматического и психического здоровья. В смысле ресурсного доступа они достаточно уязвимы и не про-

филактируют периодически возникающее поисковое поведение индивида, характерное для кризисных периодов его жизни. Другими словами, институализированные развивающие практики отнюдь не всегда способны перекрыть дивиденды конкурирующих сценариев, предлагающих быстрый и эффективный доступ к ресурсам подсознательного (религиозный экстаз, освобождение от социальной ответственности, присущее террористическим сообществам; наркотический транс и т. д.). Таким образом, можно констатировать, что наиболее сложной и неоднозначной позицией в перечне свойств, обеспечивающих устойчивость к агрессивным воздействиям внешней среды, является свойство ресурсной достаточности индивида (пятая позиция), понимаемое в том числе и как облегченный доступ к суперресурсным инстанциям психического, а не только как высокие кондиции в овладевание стереотипными знаниями, умениями, навыками.

Дело, следовательно, заключается в том, насколько далеко современные естественнонаучные и гуманитарные изыскания, питающие как институализированные, так и эксклюзивные развивающие практике (такие, например, как психотерапия), продвинулись в направлении осмысления и репрезентации ресурсных состояний индивида, достигаемых с помощью адекватного взаимодействия с упомянутыми инстанциями психического. Решение данного аспекта проблемы представляет собой ответ на второй, основной для социальной психотерапии, вопрос о возможности разработки и использования универсальных механизмов воздействия на условия формирования и распространения социальных эпидемий.

3. СТРАТЕГИЯ РЕАЛИЗАЦИИ МЕТАМОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОТЕРАПИИ

Идентификация универсальных механизмов, способствующих вовлечению определенной части населения в орбиту социальных эпидемий, открывает возможности для разработки эффективных стратегий гуманитарного (а не силового) решения рассматриваемых проблем в профилактическом ключе. Вместе с тем следует иметь в виду, что определенные группы населения вовлекаются в процессы социальных эпидемий по-разному. Следовательно, общая стратегия социальной психотерапии должна предусматривать

возможности дифференциальной диагностики, а также возможность дифференциальных профилактических, терапевтических и реабилитационных подходов для населения, представляющего:

- группы повышенного риска;
- группы непосредственно вовлекаемых в орбиту социальной эпидемии;
- группы прямо или косвенно пострадавших от деструктивных социальных процессов;
- группы с неадекватными реакциями на факты распространения социальных эпидемий (депрессия, страх, неадекватные действия и т. д.).
- группы лиц, профессионально противодействующих распространению деструктивных социальных процессов по профилю соответствующих социальных эпидемий.

Для каждой из поименованных групп масштаб, интенсивность и общий вектор усилий, предпринимаемых в контексте метамодели социальной психотерапии, должны быть точными и адекватными.

К обозначенным диагностическому, профилактическому и терапевтическому (реабилитационному) направлениям, представляющим практический и наиболее активный полюс метамодели социальной психотерапии, следует добавить еще три направления, формирующие организационный и перспективный полюсы развития данной концепции. Речь идет о необходимости форсированного развития психотерапевтической науки и практики, параллельных усилиях по трансляции основных психотерапевтических технологий (в том числе образовательных) в институализированные развивающие практики. А также о дальнейшей проработке идеи «кольцевого научного архетипа» как подлинно нового способа мышления (прообраз когнитивной психотерапии, проводимой в масштабах всего общества), с одной стороны, и технологического аспекта данной проблемы, с другой.

Успешная реализация метамодели социальной психотерапии, в принципе, может дать весьма действенный инструмент ускорения социального развития и вывода общества из того кризисного горизонта, где его существенная часть платит весьма высокую цену за несостоятельность институтов, ответственных за индивидуальное и социальное развитие.

А. А. Рудовский, И. А. Волошина, И. В. Аксенова[1]

Отдел экстренной психологической помощи МСПП и его участие в ликвидации последствий драматических февральских событий 2004 года в г. Москве

Отдел экстренной психологической помощи создан в соответствии с постановлением Правительства Москвы от 18 марта 2003 года № 163 — ПП «О создании Государственного учреждения города Москвы «Московская служба психологической помощи населению» в качестве ее структурного подразделения. Одной из причин создания психологической службы города Москвы послужили драматические события с захватом заложников в культурном центре «Норд-Ост» на Дубровке. Подобная структура была создана ранее в США после террористического акта 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке.

Основными задачами отдела экстренной психологической помощи являются:

- Оказание экстренной психологической помощи пострадавшим при катастрофах, стихийных, антропогенных, техногенных и других бедствиях в Москве и предотвращение их негативных последствий.

[1] Рудовский Александр Александрович — начальник отдела экстренной психологической помощи МСПП, кандидат медицинских наук; Волошина Ирина Александровна — заместитель директора МСППН, кандидат психологических наук; Аксенова Ирина Владимировна — начальник отдела медико-психологической реабилитации МСПП, врач-педиатр.

- Разработка и совершенствование концепции оказания психологической помощи пострадавшему населению.
- Прогнозирование возникновения психотравмирующих ситуаций на территории города Москвы.
- Формирование постоянных групп психологической помощи для работы в эпицентре чрезвычайной ситуации.
- Изучение общих закономерностей течения психологических нарушений, связанных с ЧС, разработка новых методов их экспресс-диагностики и коррекции.
- Разработка критериев экспертной оценки психологических нарушений, возникающих во время и после чрезвычайных ситуаций.
- Организация курсов повышения квалификации психологов и врачей, ответственных за оказание психологической помощи на местах, издание научной и учебно-методической литературы, посвященной вопросам организации экстренной психологической помощи.
- Подготовка и проведение учений, имитирующих деятельность психологической службы в условиях ЧС с отработкой вопросов взаимодействия с медицинскими работниками и представителями других служб.
- Координация и организационно-методическое обеспечение деятельности психологов филиалов Службы в административных округах города Москвы.
- Подготовка и организация научно-практических конференций, совещаний и семинаров по проблемам психологической подготовки, психологической поддержки и коррекции состояния пострадавшего населения.
- Привлечение для участия в решении вопросов психологического обеспечения населения, пострадавшего в ЧС, специалистов других ведомств, общественных и негосударственных структур.

«Боевое крещение» отдел экстренной психологической помощи прошел в ходе участия в ликвидации негативных последствий террористического акта в метро и обрушения кровли в «Трансваль-парке» в феврале 2004 года.

Анализ деятельности по оказанию экстренной психологической помощи пострадавшим, их близким и родственникам, очевид-

цам и всем нуждающимся в психологической поддержке в результате террористического акта в метро 6.02.04 г. на ст. «Автозаводская» и катастрофе в «Аквапарке» 14.02.04 г. показал следующее.

Оказание экстренной психологической помощи осуществлялось бригадами специалистов непосредственно на месте событий, в оперативном штабе, Департаменте социальной защиты населения г. Москвы, а также в Московской службе психологической помощи на 2-м Саратовском проезде. Помощь осуществлялась в течение всех дней с начала теракта, на начальном этапе — круглосуточно.

Основной направленностью экстренной психологической помощи являлось поддержание психического и физического самочувствия, борьба с вновь возникшими негативными переживаниями и профилактика развития симптомов посттравматического стрессового расстройства (ПТСР).

Пострадавшие были представлены следующими категориями:

- непосредственные участники событий;
- родственники погибших и пострадавших в результате взрыва;
- очевидцы драматических событий;
- отдельную категорию пострадавших составили лица с психоэмоциональными нарушениями, индуцированными рассказами очевидцев, СМИ, беспокойством и поисками родных и близких.

В сложившихся условиях наиболее эффективной тактикой оказания экстренной помощи оказался двухэтапный принцип.

Экстренная психологическая помощь на первом этапе оказывалась бригадами психологов (2–3 человека) на месте событий, а также в учреждениях социальной защиты, органах здравоохранения, оперативных штабах, отделениях милиции в сокращенном объеме для купирования острых стрессовых реакций. Далее пострадавшие направлялись в отделы Службы психологической помощи в плановом порядке в зависимости от степени нуждаемости.

Важно учитывать, что не все лица, пережившие драматические события, нуждаются в оказании экстренной психологической помощи, так как некоторые обладают достаточными защитными свойствами. Направление к психологу лиц, не нуждающихся в психологической помощи, препятствует формированию естественных механизмов психологической адаптации и индуцирует ятрогенные

(спровоцированные врачами и психологами) невротические расстройства.

На втором этапе пострадавшим оказывалась квалифицированная и специализированная психологическая помощь с применением дебрифинга травматических событий, когнитивной и др. психотерапии, аппаратурных методов диагностики и коррекции состояния для предотвращения развития ПТСР. Оказалось, что обращение за психологической помощью нарастает в последующие за драматическими событиями дни, когда осмысливается негативный травматический опыт, формируются фобии и другие невротические расстройства.

Лица, которым была оказана экстренная психологическая помощь, составили два основных потока: по направлению психологов после оказания помощи на первом этапе и лица, обратившиеся за психологической помощью самостоятельно.

Оценка востребованности экстренной психологической помощи показала, что наибольшее число нуждающихся обратилось спустя 2–3 дня от начала событий.

В целом психологическая помощь пострадавшим была оказана: при теракте в метро — 277 человек; в «Трансвааль-парке» — 278 человек.

В процессе деятельности были выявлены следующие проблемы:

- в первые часы на место драматических событий прибыло чрезмерное количество психологов из различных организаций, не реализовавших своих возможностей по оказанию психологической помощи, поскольку их действия не были достаточно скоординированы;
- возникали трудности с формированием психологических бригад из-за отсутствия надежной системы оповещения и связи;
- недостаточной оказалась система информирования населения о возможности получения психологической помощи, и только вмешательство Правительства Москвы позволило оперативно организовать оповещение населения в метро и через СМИ;
- в части лечебных учреждений, куда поступали пострадавшие, нет штатных психологов (больницы № 7, 36 и др.). Поэтому пострадавшим не всегда удавалось воспользоваться услугами

психологов, кроме того, они не получали информацию, куда бы они могли обратиться за психологической помощью после выписки из больницы.

Для преодоления подобных трудностей представляется необходимым сделать следующие предложения.

1. Целесообразно включение в общую действующую систему ликвидации последствий ЧС (МЧС, скорая медицинская помощь, МВД и др.) звена экстренной психологической помощи.
2. Необходимо включение представителей структур по оказанию экстренной психологической помощи в оперативный штаб для координации деятельности служб — участников ликвидации последствий ЧС.
3. Создание системы информирования населения об оказании экстренной психологической помощи в СМИ, метрополитене, других информационных структурах.
4. Необходимо создать межведомственный Координационный Совет, рассматривающий вопросы психологической помощи населению, в том числе в условиях ЧС.
5. Необходимо проведение пролонгированного научного исследования с целью разработки эффективных методов оказания экстренной психологической помощи населению в условиях ЧС.
6. Для повышения психологической грамотности населения необходимы: организация телепередач и тематических публикаций, создание постоянно действующего семинара повышения квалификации для психологов и участников ликвидации последствий ЧС с привлечением ведущих специалистов в этой области.

Реализация указанных мероприятий позволит усовершенствовать систему оказания экстренной психологической помощи придаст психологической службе необходимую мобильность и эффективность, а также повысит психологическую устойчивость жителей города Москвы к неизбежным в современных условиях драматическим событиям.

А. А. Бакин, Т. Ю. Маликова, А. Г. Журкин

Особенности психической дезадаптации у девочек-подростков, пострадавших в чрезвычайных ситуациях

Подростковый возраст является одним из сложнейших этапов развития человека. Этот период наиболее уязвим к различным стрессовым воздействиям. Политические, межнациональные, межрелигиозные конфликты нередко сопровождаются террором, захватом заложников, полной дестабилизацией общества. По оценкам международных экспертов, миллионы подростков во всем мире ежегодно становятся жертвами насилия (Круг Г., Дальберг Л. Л., Мерси Д. А., Зви Э. Б., Лозано Р., 2003). Перечень психотравмирующих ситуаций, имеющих место у данной категории лиц, чрезвычайно широк и включает в себя большинство известных в литературе «травматических стрессовых событий» (Figley C., 1985). Пациенты с диагнозом «реакция на тяжелый стресс и нарушения адаптации» составляют не менее 5% от общего количества больных, обслуживаемых психиатрическими клиниками. Данная патология встречается в любом возрасте, но особенно часто у детей и подростков (Вид В. Д., Попов Ю. В., 2000). В целом же, распространенность расстройств в популяции зависит от частоты катастроф, чрезвычайных ситуаций и т. п. Большинство больных на долгие годы сохраняют воспоминания о травмирующих ситуациях. Нередко эти переживания становятся основополагающими в жизни пациента, деформируют личностное функционирование в виде образования стойких девиантных и делинквентных тенденций. Имеются данные, что реакция на человеческий стрессор (рейпиренцию) переносится более травматично, интенсивно и длительно, чем реакции

на боевые действия, природную катастрофу (Каплан Г. И., Сэдок Б. Д.,2004; Комер Р., 2002).

Коррекционные мероприятия в отношении пострадавших зависят в первую очередь от своевременной и адекватной диагностики психических расстройств. Состояния психической дезадаптации (особенно в подростковом возрасте, у пострадавших в чрезвычайных ситуациях) проходят красной нитью сквозь пограничные нервно-психические и психосоматические расстройства, отражая направленность отклонений в системе биологического, психического и социального функционирования организма. Как правило, дезадаптация реализуется при наличии легкой мозговой дисфункции (Тржесоглава З., 1986; Шигашов Д. Ю., 2000; Глущенко В. В., 2002). Интенсивность симптоматики, как правило, усиливается при дополнительных негативных воздействиях (Шаев Д. Н., 1996).

Нами было проведено обследование 54 девочек-подростков в возрасте от 14 до 18 лет, обратившихся в Городской консультативно-диагностический центр «Ювента». Все пациентки являлись членами семей беженцев и вынужденных переселенцев, прибывших из зон локальных военных конфликтов (Чечня, Абхазия, Южная Осетия). Обследуемые находились в Санкт-Петербурге не менее 1,5–2 лет и уже получали психотерапевтическую помощь в различных реабилитационных центрах города. Подростки являлись очевидцами боевых действий, гибели мирных жителей, сами неоднократно переносили ситуации, связанные с угрозой для жизни.

Целью исследования является изучение индивидуальных психогенных факторов, связанных с перенесенной психотравмой, оценкой ее последствий, разработка вопросов клиники и обоснование лечения девочек-подростков, пострадавших в чрезвычайных ситуациях.

Психиатрическое обследование верифицировалось патопсихологическими методами исследования с использованием: 1) ведущего личностного радикала (тест ПДО, Н. Я. Иванов, А. Е. Личко, 1994); 2) метода цветовых выборов (модифицированный Л. Н. Собчик тест М. Люшера, 1990). Также были изучены анамнестически-биографические вопросники, заполняемые родителями, подростками и психологами, медицинские сведения о предыдущих обследованиях, учитывались данные электроэнцефалографических показателей.

Выявленные психогенные реакции соответствовали расстройствам адаптации (F 43. 2). В отличие от посттравматического стрессового расстройства, интенсивность стресса у обследуемых не обусловливала собой тяжесть расстройства. Симптомы варьировали по структуре и степени выраженности. Для группы девочек-подростков оказались весьма характерны неврологические нарушения по дизонтогенетически-энцефалопатическому типу с минимальной мозговой дисфункцией. Цветовой выбор расценивался как беспокойство, отмечалась недостаточно контролируемая эмоциональность.

Особенности поведения девочек-подростков укладывались в рамки трех обобщенных типов личностного реагирования. Первый — преимущественно адаптированный. Наблюдался у 25% человек в возрасте 17,6±0,42 лет. Характерны невротические реакции с сохранением активности, отрицанием тяжести нарушений. У подростков доминировало стремление к независимости, к повышению своего социального статуса. При обследовании выявлены психосоматические расстройства в виде пограничной артериальной гипертензии, заболеваний желудочно-кишечного тракта. Второй тип реагирования — дезадаптация с интрапсихической направленностью, с преобладанием тревожно-депрессивных, ипохондрических реакций. Данный тип наблюдался у 52% обследованных в возрасте 15,8±1,47 лет. У подростков имело место преувеличенное внимание к своему здоровью, нередко тяжесть состояния переоценивалась. Подростки стремились получить выгоду от своего заболевания: привлечь к себе внимание родных и близких, уменьшить требования к себе. Характерны ригидные пассивные формы психологической защиты: «регрессия», «уход в болезнь» и т. д. При истерических расстройствах основным механизмом соматизации клинической картины является конверсия, обусловливающая трансформацию психологических конфликтов в функциональные сматоневрологические проявления. Третий тип реагирования — выраженный деструктивный. Наблюдался у 23% в возрасте 16±1,9 лет. Нарушения поведения проявлялись в устойчивом,

сознательном, избирательном нарушении социальных норм. Поведенческие аномалии нередко сопровождались аффективной неустойчивостью, злобой, ожесточением, бескомпромиссными суждениями. Имели место неоднократные употребления психоактивных веществ, сексуальная расторможенность, проституирование. Психотерапевтическая работа с данной категорией подростков имеет свои особенности. Так, на начальных этапах нежелательно применять групповые формы психотерапии. На наш взгляд, наиболее целесообразным представляется использование личностно-ориентированных методов с одновременной психокоррекционной работой в семье.

Проблемы, затронутые в данном исследовании, представляются чрезвычайно важными, актуальными и нуждаются в более глубоком изучении. При изучении девочек-подростков, пострадавших в чрезвычайных ситуациях из числа беженцев и вынужденных переселенцев нами не обнаружены симптомы собственно посттравматического стрессового расстройства, однако проявления психической дезадаптации отличались значительным полиморфизмом. Перенесенные стрессовые события значительно затрудняют адаптацию подростков, и могут способствовать формированию девиантного и делинквентного поведения.

С. П. Шклярук, В. В. Горанчук[1]

Ресурсные кризисы, этнические конфликты и терроризм

В основе большинства этнических конфликтов, как показывает анализ, лежит отношение к ресурсной базе. Доступность или недоступность ресурсов (запасов недр, финансов, технологий, информации и др.), эффективность их трансформации, распределения и потребления, очевидно, можно считать одной из важнейших характеристик этносов, определяющих отношения между ними и внутри них. Объективно существующая ограниченность обновляемой и невозобновляемой ресурсной базы, скорость ее расходования и специфика доступности предопределяют риск возникновения этнических конфликтов и террора как экстремальной формы их проявления.

Нормальные отношения социальной группы к ресурсам характеризуются тем, что она включается в устойчивую систему ресурсного круговорота с разделением этапов последовательной трансформации используемых материалов и включением продуктов каждого этапа в качестве источника ресурсов для другой группы. Конкуренция за ресурсы является одним из объективных источником межгрупповых проблем, обусловливающих необходимость поиска компромиссного их разрешения. Неспособность государства или лидеров этнических групп предупредить конфликт, несовершенство или истощение имеющихся механизмов социально-экономической саморегуляции приводят к возникновению многочисленных форм межэтнической напряженности, к числу которых отно-

[1] Горанчук Валерий Валентинович — доктор медицинских наук, профессор кафедры Психологии кризисных и экстремальных ситуаций СПбГУ, Шклярук Сергей Павлович — старший научный сотрудник, кандидат медицинских наук, доцент кафедры Психологии кризисных и экстремальных ситуаций СПбГУ.

сят террор, наркобизнес, воровство, грабежи, вымогательство и т. п.

Можно полагать, что к основным причинам этнических кризисов относятся неадекватное решение проблемы доступа к ресурсной базе (или ее недостаточность), отсутствие конструктивных форм совместной или последовательной ее эксплуатации. Ухудшение эффективности функционирования этнической группы вследствие конфликта при определенной его длительности может привести систему в неустойчивое состояние, которое разрешается через катастрофу или эукатастрофу. Первая приводит к деградации системы и даже к ее разрушению, вторая — к снятию проблемы и развитию системы.

Приведенное краткое обоснование позволяет заключить, что одним из конструктивных способов разрешения этнического кризиса является разработка новых форм совместного использования ресурсов, разделение способов их трансформации, формирование устойчивого круговорота ресурсов и их вторичных продуктов.

С точки зрения каждой из конкурирующих этнических групп, наилучшим способом разрешения кризиса представляется обеспечение абсолютной доступности ко всему объему имеющихся ресурсов. Такое положение традиционно достигается путем реализации направленного против конкурентов агрессивного поведения. Психологически «здесь и сейчас» агрессивное поведение воспринимается как достаточно результативное, однако его необдуманное использование в последующем нередко приводит к эскалации насилия и определяет деструктивные последствия кризиса. Причем наиболее негативными исходами агрессии, наряду с гибелью части популяции, можно считать закрепление в коллективном сознании этноса установок на «успешность и полезность» такого способа разрешения противоречий. Последующая динамика этих деструктивных индивидуальных и общественных этнопсихических образований сопровождается их регламентацией в виде традиций, ритуалов, юридических норм, в том числе закрепленных и в международном праве.

Особое значение в последнее время приобретает одна из форм агрессивного поведения — терроризм. Терроризм можно определить как демонстративно агрессивное поведение, направленное против незащищенного населения и осознаваемого его субъектами как приемлемый способ решения межгрупповых проблем. Именно осознавание необходимости отказа от общепринятых «норм» применения силы и ориентация на нетрадиционные (или уже ставшие традиционными после возникновения новых этнических «традиций») способы ее применения относят к одному из самых неблагоприятных механизмов эскалации террора. Терроризующая группа при этом, провоцируя эскалацию страха, рассчитывает на облегчение доступа к ресурсной базе за счет уступок со стороны терроризируемых. Реакции нарастающего страха и ужаса, в ответ на террористические акты, усиливают социальное напряжение и разрушают устойчивость управления терроризируемой группы, что ведет к уступкам требованиям террористов. Террор может быть и способом защиты сверхприбылей при паразитировании на интересах других этнических групп, уводя реальные причин кризиса в другую плоскость, защищенную от разрешения международными традициями и правом.

Накопленный ранее опыт отношения к терроризму как к злому умыслу некоторых этнических лидеров, сохранение стереотипов реагирования на него создает иллюзию того, что террористические акты можно предупредить, договорившись с лидерами террористов или уничтожив их. Важно понимать, что переговоры относятся к паллиативным способам разрешения этнических конфликтов и дают временный эффект. Радикально терроризм можно устранить только путем выявления причин и источников кризиса, закономерностей эскалации насилия, выработки конструктивной формы предупреждения и силового разрешения кризисов доступа к ресурсам. При этом нельзя исключать того, что такое разрешение требует изменения политики доступа к ресурсам всех этнических и социальных групп и, что еще более важно, должно закрепить нормы права, препятствующие использование террора в международной практике.

Способность государства разрешать этнические конфликты и связанные с ними террористические акции определяется не столько качеством и количеством экономических, политических, социально-психологических мероприятий, сколько оформленностью парадигмы антитеррора, основанной на понимании политическим истэблишментом их обусловленности ресурсными причинами (аграрной перенаселенностью, дефицитом образования, бед-

ностью, отсутствием запасов недр и т. п.). К сожалению, предпринимаемые способы разрешения ресурсных кризисов нередко обеспечивают временный эффект, ослабляя остроту конфликта и не разрешая саму кризисную ситуацию. Часто предпринимаются действия, решающие проблемы данного момента кризиса, но не превентирующие его катастрофический исход в целом.

Несомненно, одним из важных аспектов, имеющих как прикладной, так и научный интерес, является вопрос о механизмах (психологических, социальных, психофизиологических) вовлечения представителей этноса в сферу терроризма. Не рассматривая в настоящей публикации идеологические корни терроризма, остановимся на личностных характеристиках непосредственных исполнителей террористических актов. В любой популяции имеются индивидуумы с гетеро- и аутоагрессивным поведением как крайними вариантами «популяционной» нормы. В эту группу, по-видимому, включаются как лица с индивидуальной непереносимостью экстремального психофизиологического напряжения, так и люди с врожденной (или приобретенной) потребностью в интенсивной сенсорной стимуляции. Идеологические манипуляции с культуральными нормами (социальными, этническими, конфессиональными), приводящие к размыванию границ использования силы, способствуют возрастанию в этносе числа индивидов с такими свойствами и, соответственно, пополнению людских ресурсов терроризма. Еще более значимым стимулом к пополнению рядов террористов становится закрепление в этническом сознании связи между террористическими актами и улучшением социально-экономических условий жизни. Такое «положительное» оперантное обусловливание приводит к фатальному закреплению привлекательности террора для большинства представителей этноса и извращению этнического сознания с принятием единственно правильным только террористического способа разрешения кризисных ситуаций.

Обсуждение взаимосвязей между ресурсными кризисами, межэтническими конфликтами и проявлениями терроризма привело нас к размышлениям о способах борьбы с ним. Условно можно разделить их на три группы:

1. Способы ситуативной борьбы с терроризмом, заключающиеся в выявлении «силовиками» террористических группировок,

уменьшении негативных последствий терактов и оказании помощи жертвам. При этом снижение непосредственного ущерба от насилия может достигаться методами психокоррекции экстремальных состояний у пострадавших, участников ликвидации последствий катастроф, профилактики паники и апатии в терроризируемой группе, предупреждения проявлений ответного насилия и переживаний фрустрирующей ситуации, коррекции посттравматических стрессовых расстройств.
2. Работа с этническими и социальными группами, направленная на разрушение привлекательности терроризма, слом механизма «положительной» оперантной обусловленности терактов, переориентирование неагрессивных представителей этноса на альтернативных лидеров, формирующих компромиссные модели разрешения этнических конфликтов.
3. Устранение причин ресурсных кризисов. Комплекс социально-экономических и политических решений, обеспечивающих разрешение этих кризисов, должен обязательно включать приемлемые для большинства формы обеспечения доступности ресурсов. Нельзя не признать, что последнее условие относится к практически нереальным.

Н. Л. Иванова[1]

Социальная идентичность и проблема разрешения межгрупповых конфликтов

Терроризм — сложная и вместе с тем малоизученная социальная проблема нашего времени. На наш взгляд, сегодня необходимы междисциплинарные исследования причин и факторов, которые приводят к смещению устоявшихся моральных норм и обесцениванию человеческой жизни. Важно найти новые подходы к выявлению стратегий разрешения конфликтов, а также к проведению реабилитационных мероприятий для людей, переживших сложные последствия конфликтных ситуаций.

В данном докладе рассматривается проблема самоидентификации как психологического фактора межгрупповых конфликтов. Интерес к этой проблеме отражает реакцию науки на трансформацию общественных условий (Андреева, 1999; Ядов, 2000). Многие проблемы хозяйственного, экономического, политического и культурного плана современной динамичной жизни постоянно подвергают проверке устоявшиеся представления человека о себе и в конечном итоге оказываются вопросами об идентичности (Заковоротная, 1999).

В последнее время крупные геополитические изменения, военно-политические столкновения, социально-экономические

[1] Иванова Наталья Львовна — доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии ИПРАН. E-mail: Nat@yspu.yar.ru.

кризисы, этнические конфликты усилили культурное и социальное разнообразие и обострили вопросы личностного самоопределения. Человек оказывается в плену противоречий между группами, иерархически расположенными внутри существующих общностей. Кроме того, развитие информационного общества обусловливает множественность и многоплановость самосознания, которое находится под влиянием противоречивых факторов.

Кризис социальной идентичности имеет не только когнитивные, но и ценностно-мотивационные показатели, выражающиеся в обострении негативных переживаний, противопоставлении «своих» и «чужих». Как влияют эти переживания на последующее поведение? Можно ли говорить о границах терпимости по отношению к «чужим»? При каких условиях эти границы нарушаются? Эти и другие вопросы относятся к новой теоретической и практической области исследований в социальной психологии личности — проблеме социальной идентичности.

Вопрос о роли социальной идентичности личности в развитии межгрупповых конфликтов является очень сложным и вместе с тем слабо разработанным. Но обращение к этой проблеме, по нашему мнению, поможет найти новые подходы к анализу причин, последствий и способов разрешения конфликтов.

Конфликт — это столкновение противоположно направленных целей, интересов, позиций, мнений или взглядов оппонентов или субъектов взаимодействия. В основе любого конфликта лежит ситуация, включающая либо противоречивые позиции сторон по какому-либо поводу, либо противоположные цели или средства их достижения в данных обстоятельствах, либо несовпадение интересов, желаний, влечений оппонентов и т. д.

В исследовании межличностных конфликтов легче показать проявление индивидуально-психологических факторов. Но когда речь идет о группах, то представления индивида о себе, его личностные особенности часто оказываются спрятанными за групповыми характеристиками, такими как групповые интересы, статус, динамика группы.

Как известно, основными причинами конфликтов между социальными группами являются разногласия относительно социальных ресурсов; социальных статусов; социокультурных ценнос-

тей. Эти разногласия могут существенно усилиться под влиянием резких социальных перемен, миграционных процессов и других факторов, которые влияют на межгрупповые противоречия, приводят к возникновению новых «горячих точек». В этом контексте проблема самоидентификации также может быть существенным фактором межгрупповых противоречий и конфликтов.

Поиск собственной общности и последующее разделение на своих и чужих, потребность в идентичности, то есть в сохранении целостности и специфичности самой группы, при определенных условиях может выходить на первый план, вызывая новые или обостряя уже имеющие место конфликты. При этом группа будет, например, включаться в борьбу за новые ресурсы, стремиться занять другое положение в обществе, подчинить себе других и т. д. В связи с этим возникает много вопросов относительно условий, которые приводят к усилению потребности в самоидентификации и последующим конфликтам.

Членство в группах поддерживается целой системой внутригрупповых и межгрупповых отношений и действий, поэтому социальная идентичность может оказаться фактором, усиливающим межгрупповую дискриминацию и межгрупповые противоречия (Tajfel, 1974, 1982). Наиболее последовательная аргументация этого тезиса предложена в теории социальной идентичности (ТСИ) А. Тэшфела и Дж. Тернера. Под влиянием идей когнитивной психологии и детерминизма идентичность в рамках этого подхода рассматривается как важнейшая психологическая структура, сквозь которую преломляется восприятие социального мира и которая влияет на последующую модель поведения. Это индивидуальное знание о собственной групповой принадлежности, сопровождающееся определенными эмоциональными переживаниями и ценностями (Tajfel, 1972; Tajfel, Turner, 1986).

Цель первого эксперимента Тэшфела заключалась в ответе на вопрос: может ли идентификация человеком себя с группой влиять на межгрупповое поведение? Иными словами, как проявляется в отношении между группами определение человеком своего группового членства? Эксперимент показал, что в тех случаях, когда групповое членство более выражено (соответственно более выражено и чувство принадлежности к определенной группе, т. е. социальная идентичность), поведение человека сдвигается в сторону межгруппового, т. е. разница между собой и другими членами своей группы становится меньше.

Основная посылка ТСИ: человеку свойственно стремление принадлежать к группе. При этом даже простое бытие в группе сопровождается появлением чувства принадлежности, параллельно с которым возникает позитивная межгрупповая дифференциация. Основным механизмом этого процесса является социальное сравнение, основанное на категоризации, поскольку благодаря последней устанавливается различие между собой и другими. По мнению Тэшфела и Тернера, приобретение данных различий — это ранняя и необходимая часть социализации. Чувство себя и знание «кто я такой», способность «отражать» и осознавать себя — все это формируется в социальном взаимодействии. Этот процесс связан с нравственными канонами, воспитанными в семье и транслируемыми в обществе (Tajfel, Turner, 1986).

Категории, которые существуют на уровне самосознания, продуцируют определенное отношение и поведение между группами. Например, был выявлен феномен межгруппового фаворитизма, который проявляется в тенденции более благосклонного отношения к своей группе по сравнению с чужой. Идентичность рассматривается в ТСИ как один из источников этого фаворитизма (Tajfel, Turner, 1986). Социальное сравнение является основным процессом, который запускает актуализацию и развитие социальной идентичности, что нередко приводит к конфликту (межличностному или межгрупповому).

Подход Тэшфела явился основой многих эмпирических исследований социальной идентичности. Например, М. Бревер и С. Шнейдер обратились к уровням социальной идентификации при изучении проблемы социальных дилемм, т. е. процесса социального выбора в затруднительных условиях (Brewer, Schneider, 1990). Они показали, что социальная идентичность соответствует объективно установленной коллективной взаимозависимости. К членам коллектива автор относит тех, кто имеет доступ к общим ресурсам или услугам и понимает при этом, что персональное использование этих ресурсов влияет на возможности всех других членов. Вклад социальной идентичности в кооперацию в условиях социальных дилемм может зависеть от того, является ли эффект общего категориального членства одинаковым в разных по разме-

ру и отличительным признакам группах. Социальная идентификация может помочь уменьшить тенденции деструктивной конкуренции с группами, когда цена внутригрупповой связи не увеличивается.

Теория Тэшфела формировалась в основном на примерах межгрупповых отличий, которые наблюдались в экспериментальных условиях на малых группах, поэтому ее перенос на объяснение межгрупповых конфликтов между реальными группами весьма затруднителен, поскольку во втором случае группы должны быть рассмотрены в контексте истории межгрупповых связей, экономических и социальных позиций конфликтующих сторон (Brown, 1986). Поэтому в последующих работах проводилось много исследований социальной идентичности в реальных группах с различными статусами и структурами.

Надо отметить, что в социальной психологии исследований идентичности по отношению к нескольким группам представляет собой очень сложный вопрос и до сих пор не найдено наиболее подходящей модели исследования.

Очевидно, что социальный мир создан из большого количества групп и каждый человек одновременно принадлежит к многочисленным группам и имеет соответственные установки, признаки, противоречия. Но, как показали исследования, провести качественный эксперимент на 4-х и более группах по изучению эффекта категоризации очень сложно. Тем не менее есть попытки выяснить, как влияет членство индивида в нескольких группах на уровень внутригруппового фаворитизма и межгрупповой дифференциации (Andersen, 1987; Deschamps , 1977, 1984; Deschamps J. C., Doise, 1978, Roccas S., Brewer, 2003).

Эксперимент по изучению членства в четырех группах, как правило, объединяют две дихотомии. Например, в исследовании, которое проводилось в Северной Ирландии, к дихотомии «католик—протестант» добавляется разный уровень стимуляции «слабо стимулированных и сильно стимулированных» (Augoustinos, Walker, 1995).

В большинстве экспериментов, посвященных данному вопросу, доказывается, что в условиях пересечения двух и более дихотомий уменьшаются внутригрупповые предубеждения и фаворитизм (Deschamps, Doise, 1978; Brown, Turner, 1979 Vanbeselaere 1987). По предположению Ж.-К. Дешама, уменьшенное, но все еще очевидное внутригрупповое предубеждение могло быть продуктом возрастающего количества категорий, которые субъекты должны рассматривать (Deschamps, 1984). В то же время есть и обратные данные, которые показывают, что обострение контраста при межгрупповом сравнении усиливает межгрупповую дифференциацию, поэтому лучший способ уменьшить межгрупповой конфликт заключается в уменьшении различий между группами или развитии более широкой или многогрупповой социальной идентичности (Oakes, 1987).

В данном докладе нам важно показать, что изучение социальной идентичности как одного из факторов, приводящих к развитию противоречий и конфликтов между группами, способствует пониманию психологической природы межгрупповых конфликтов. Несмотря на то, что данная проблематика находится на стадии своего становления, можно отметить, что традиция исследования социальной идентичности, основанная А. Тэшфелом и его последователями, является весьма плодотворной для изучения самоидентификации в таком ракурсе. Согласно теории социальной идентичности, процессы межгрупповых конфликтов во многом связаны с развитием группового членства, чувством принадлежности к определенной группе, т. е. социальной идентичностью. При выраженном групповом членстве индивид меньше воспринимает разницу между собой и другими членами своей группы и в то же время острее чувствует разницу между своей и чужой группой, что приводит к межгрупповой дискриминации. В основе этого процесса лежит социальное сравнение, т. е. человек постоянно анализирует других людей с позиции их категориальной принадлежности: свой—чужой.

Не умаляя достоинства концепции Тэшфела, отметим, что она только обозначила основные проблемы психологической обусловленности межгрупповых конфликтов и явилась толчком многочисленных эмпирических исследований.

Перспективным развитием этого подхода, на наш взгляд, является исследование структуры социальной идентичности и последующий анализ роли различных компонентов этой структуры

в межгрупповом поведении. В нашем исследовании мы рассматриваем социальную идентичность в качестве целостного динамичного образования, системы ключевых социальных конструктов личности. Она активно конструируется субъектом, оказавшимся в ситуации пересмотра своего места в социальной среде, в ходе взаимодействия, социального сравнения и является когнитивно-мотивационным основанием восприятия индивидом новых социальных ценностей (Иванова, 2003).

В структуре социальной идентичности сложным образом переплетены когнитивные, мотивационные и ценностные компоненты, объединение которых создает функциональные блоки, связанные с различными социальными общностями: от тех, которые даны от рождения (этнические, семейные и т. п.), до тех, которые приобретаются в течение жизни (профессиональные, деловые и др.). В условиях социальных перемен происходят изменения в структуре идентичности, что влияет на адаптационные возможности индивида и его поведение по отношению к своим и чужим. Этот подход позволяет наметить эмпирическую программу исследования, направленную на анализ сложившихся идентификационных характеристик, а также прогнозировать их трансформации и влияние на межгрупповое взаимодействие при изменении социальных условий. Кроме того, он может помочь в проведении реабилитационных мероприятий с людьми, пережившими террористические акты, поскольку позволит усилить стремление выйти из кризиса за счет конструирования новых критериев социального сравнения и ценностей взаимодействия.

Полученные нами данные хорошо согласуются с представлениями о способах возникновения социальных групп: биполярном и многополюсном, которые во многом определяют место группы в системе «социальных координат» и характер будущих действий (Hinkle, Brown, 1990). В первом случае группы имеют смысл только в противопоставлении друг другу. Одна из противостоящих групп всегда живет как бы «за счет» другой. Механизм конфликтов этих групп будет основан на неравном распределении ресурсов, власти, навязывании чужеродных ценностей и т. д. Это должно сопровождаться более выраженным внутригрупповым фаворитизмом и межгрупповой дискриминацией. Во втором случае, при

множественном способе образования социальных групп, таких как профессиональные группы, общество в данном случае «дробится» не на две, а на сотни различных частей, что ослабляет силу противопоставления групп и возможность проявления межгрупповой дискриминации. При этом механизм конфликтов должен быть иным по сравнению с биполярными группами.

Таким образом, в идентичности фиксируются результаты усвоения человеком социального опыта, поэтому ее исследование позволяет выявить возможные «ответы» человека на социальное влияние. Проблема идентичности тесно связана с особенностями социальной динамики в целом, в частности, с процессами детерминации психологических реальностей под влиянием различных социокультурных условий. Анализ происходящих изменений самосознания, структуры социальной идентичности поможет выявлению влияния сложных социальных ситуаций на поведение личности по отношению к «не таким, как я», формирование новых стратегий разрешения конфликтов и способов преодоления последствий конфликтных ситуаций.

А. Н. Лавров[1]

Психологическое насилие в тоталитарных сектах

Религиозный терроризм необходимо рассматривать как составную часть духовного терроризма, охватившего всю Россию уже на протяжении не одного десятилетия через увеличение числа деструктивных религиозных, псевдопсихологических, коммерческих и иных культов. В обиходе русскоязычного населения чаще приходится слышать термин «секта». Понятие это неоднозначно. В нормативно-правовых документах Российской Федерации понятие «секта» не используется. Само по себе это понятие, а также понятие «культ» не имеют оскорбительной смысловой нагрузки, как бы этого не хотелось лидерам различных сектантских организаций, предпочитающих регулярно защищать свои права в судебных инстанциях. В различных словарях и научных исследованиях определения слов «секта» и «культ» нигде не трактуется в уничижительном, презрительном или оскорбительном смысле, не несут отрицательного, негативного отношения к религиозным движениям. Эти термины определяют всего лишь понятия о некоторой обособленной группе по отношению к той или иной религии. Использование термина «секта» в средствах массовой информации по отношению к той или иной религиозной организации не обусловливает ее общественной обструкции или уголовного преследования.

[1] Лавров Алексей Николаевич — преподаватель Восточно-Европейского Института Психоанализа.

Тем не менее в обиходной практике термин «секта» несет однозначно негативную окраску.

Для снятия данного противоречия целесообразно оперировать такими понятиями, как «тоталитарная секта», «деструктивная организация», «тоталитарный культ». Следует отметить, что религиозная или иная организация является деструктивной или тоталитарной не по причине пропаганды или манифестации определенных, не общепринятых религиозных верований, психологических или психотерапевтических концепций (среди которых, кстати, немало абсолютно ненаучных и даже вредных и разрушительных для психики), а по причине *варварских и преступных технологий вовлечения* людей в эти организации, связанных с жестким контролем сознания, физическим, психологическим, сексуальным насилием и почти всегда с мошенничеством.

Наибольших успехов в борьбе с деструктивными культами достигла Франция, где проблема сект рассматривается на самом высшем уровне. Так, во Франции была запрещена деятельность организации «Свидетели Иеговы». Депутаты Национального собрания единогласно приняли законопроект, в котором впервые в мировой практике вводится понятие такого уголовного преступления, как «манипуляция сознанием». После массовых самоубийств членов религиозной организации «Орден храма Солнца» в 1994—1995 годах во Франции был создан межведомственный наблюдательный Совет, состоящий из членов Сената и Национальной ассамблеи, для борьбы с опасными религиозными группами. Наблюдением за сектами во Франции занимается спецслужба МВД «Рансеньман Женеро».

В большинстве федеральных земель Германии имеются особые уполномоченные по проблемам сектантства и мировоззрения. Существуют аналогичные консультационные центры римско-католической церкви, различных протестантских конфессий Германии, Австрии, Швейцарии, Дании, Англии и Чехии.

Очевидно, что в зарубежных странах противодействием деятельности религиозных деструктивных организаций занимаются правоохранительные органы, общественность, спецслужбы. При этом общественное мнение является самым объективным критерием оценки деятельности той или иной религиозной организа-

ции, особенно деструктивного характера. Наряду с этим в вышеперечисленных странах действуют реабилитационные центры для пострадавших от деятельности деструктивных сект.

В нашем государстве деятельность тоталитарных сект рассматривается в плоскости ортодоксальных религиозных конфессий. Русская Православная Церковь чуть ли не единственная организация, которая вплотную занимается проблемой вовлечения населения в сектантские объединения, объявив им непримиримую войну. К сожалению, подобные благие действия не поддерживаются государственными институтами, формирование и развитие тоталитарных сект в России идет бесконтрольно, имеет характер неприкрытой экспансии, которая наносит непоправимый вред физическому и психологическому здоровью людей, грубо нарушает их права, создает угрозу семье и обществу.

В итоговом документе Международной научно-практической конференции «Тоталитарные секты — угроза XXI века», проходившей в апреле 2001 года в Нижнем Новгороде, было сформировано понятие «тоталитарные секты». *Сразу оговорюсь, что это понятие не является юридическим.* Итак, тоталитарные секты определяются как особые авторитарные организации, лидеры которых, стремясь к власти над своими последователями и к их эксплуатации, скрывают свои намерения под религиозными, политико-религиозными, психотерапевтическими, оздоровительными, образовательными, научно-познавательными, культурологическими и иными прикрытиями. Тоталитарные секты прибегают к обману, умолчаниям и навязчивой пропаганде для привлечения новых членов, используют цензуру информации, поступающей к их членам, прибегают к другим неэтичным способам контроля над личностью, к психологическому давлению, запугиванию и прочим формам удержания членов в организации. Таким образом, тоталитарные секты нарушают право человека на свободный информированный выбор мировоззрения и образа жизни. Деструктивные культы активно пытаются внедриться в органы образования, здравоохранения, государственного управления, производства и коммерции. При этом они часто меняют названия и мимикрируют, прибегают к конфессиональной анонимности, часто действуют под прикрытием ими же созданных подставных организаций, зачастую не скрывающих свою связь с сектой.

Я остановлю свое внимание лишь на двух организациях ввиду их подавляющей численности и высокой степени распространения по всей Российской Федерации. Прежде всего это «Церковь сайентологии» и «Свидетели Иеговы».

«ЦЕРКОВЬ САЙЕНТОЛОГИИ»

Это «авторская секта» Рона Хаббарда (моряка торгового флота), которая собрана из обрывков различных концепций и идей, почерпнутых из психологии, науки, религии, но, естественно, в преломлении автора. Данная секта зарегистрирована как религиозная организация, не являясь таковой. Сайентология стремится продвинуть на ключевые посты властных политических, административных структур и коммерческих организаций своих людей. Методы действия весьма агрессивны. Это может быть подкуп, шантаж и угрозы. Из-за подобных действий сайентология запрещена во многих странах Европы (Германия, Франция, Бельгия, Австрия), где находится на нелегальном положении. Принято считать, что данная организация угрожает национальной безопасности перечисленных государств. Не обязательно вдаваться в подробности теоретических доктрин данной организации. Перечислю структуры, являющиеся производными «Церкви сайентологии» в России.

Это:

- *«Церковь сайентологии», «Сайентологичекая церковь»* — религиозная организация;
- *«Центр дианетики»* («дианетика» — современная наука о душевном здоровье) — психологическая организация, которая по методам привлечения, вербовки и «преподавания образовательных программ» чем-то напоминает организации «ЛайфСпринг» и «Синтон». Основная декларируемая цель — оказание психологической помощи населению;
- «Гуманитарный цент Хаббарда»;
- *«Центры детоксикации» и «Нарконон»* — организации, занимающиеся псевдомедицинской практикой, направленной на профилактику и лечение наркомании и токсикомании; данные центры манипулируют несчастьями и бедами человека, связанными с наркотической зависимостью;

- Образовательная организация *«Студема»;*
- *«Хаббард-колледжи»,* проводящие обучение среди топ-менеджмента предприятий и коммерческих организаций; данное обучение направлено на достижение максимальной эффективности руководителей в управлении, бизнесе и, в конечном счете, в получении прибыли.

«СВИДЕТЕЛИ ИЕГОВЫ»

Известна под названием «Общество Сторожевой башни». Существуют различные определения данной организации. Последнее, наиболее емкое, дано в книге «Сектоведение» А. Л. Дворкиным Александром Леонидовичем, ведущим экспертом по проблемам экспансии новых религиозных движений в России, заведующим кафедры сектоведения Православного Свято-Тихоновского Богословского института: «Псевдорелигиозная коммерческая организация, основанная на квазикоммунистической идеологии с элементами язычества и прикрывающаяся несколькими христианскими образами и концепциями».

Определение довольно спорное, однако организация успешно развивается, и по последним статистическим данным численность организации на сегодняшний день достигла 5 млн человек.

Главные печатные органы: журналы «Пробудитесь!» и «Сторожевая башня» (тираж 23 млн экз., издается на 139 языках мира). В России тираж составляет 5 млн экземпляров. По многим показателям секта является коммерческим культом и финансово-торговой пирамидой с идеологически-псевдорелигиозной надстройкой.

Адепты организации основное время посвящают реализации пропагандистской литературы и осуществляют «служение по домам».

«Свидетели Иеговы» отрицают любое земное правительство и существующие законы и обязанности граждан: службу в армии, присягу на государственные должности, государственные праздники, государственные символы (флаг и гимн), голосование и избрание на выборные должности. В большинстве стран Европы «Свидетели Иеговы» вообще никогда не считались религиозной организацией. В 1999 году секта была лишена религиозного статуса во Франции. Из-за неуплаты налогов имущество организации во Франции до сих пор арестовано.

Однако многочисленные факты дескридитации организации в Европе никоим образом не влияют на распространение «Свидетелей...» в России. И в Петербурге в том числе. В нашем городе создано несколько залов-конгрессов «Свидетелей Иеговы», дорогих и красивых. Что является оборотной стороной деятельности данной организации — догадываются немногие. Лица, покинувшие секту, подвергаются преследованиям адептов, у многих в данной организации остались близкие и друзья. Психологическая помощь пострадавшим не оказывается практически нигде, а услуги частных психотерапевтов оплатить могут далеко немногие.

Стивен Хассен, психолог и эксперт по культам, в своей книге «Освобождение от психологического насилия. Деструктивные культы, контроль сознания, методы помощи» («Олма-Пресс», Москва, 2003 г.) выделяет три общих для разных деструктивных организаций этапа.

Первый этап — отказ от прошлого, разрыв прежних связей. Это необходимо для адептов, так как новые пропагандируемые и внушаемые вовлеченному ценности ни в коем случае не должны подвергаться сомнению. Близкие, друзья и другие значимые лица способны помешать этому процессу. Есть и другое направление реализации данного этапа — обязательное вовлечение в секту ближайших родственников — муж, жена, дети (как, например, у «Свидетелей Иеговы»).

Второй этап — разделение сознание и воли человека. В религиозных организациях это достигается посредством молитв и мантр, которыми необходимо заполнять сознание будущих адептов. Таким образом, сознание контролируется и управляется.

Третий этап — тотальная индоктринация «освобожденного» сознания. Это внушение нового учения, новой веры или нового мировоззрения. Для более эффективного внушения применяются различные методы. В наиболее жестких сектах будущие адепты лишаются общения с кем-либо, кроме своих контролеров; испытывают депривацию сном и голодом, достигая максимального уровня психоэмоциональной и физической усталости и истощения. Все это способствует высокой степени внушаемости и зави-

симости от членов и руководителей секты. В псевдопсихологических культах принято проводить тренинги по 15–24 часа подряд, что консультанты оправдывают необходимостью более полного погружения в «рабочий процесс» с целью трансформации.

Нельзя не сказать о самой противоправной и наглой технологии удержания людей в сектах. *Внушение фобий* — самая мощная методика, которая используется культами в целях превращения адептов в послушных рабов. Культы систематически внушают фобии своим адептам. А значит, чтобы помочь члену культа избавиться от зависимости и вновь обрести свободу сознания, необходимо помочь ему избавиться от фобий.

Навязанная культом фобия — это психическое заболевание, спровоцированное убежденными адептами, участвующими в вербовке и вовлечении новичка в культ, и являющееся неотъемлемой частью тотального контроля сознания. Ниже будут приведены наиболее распространенные культовые фобии, характерные практически для всех деструктивных организаций. Говоря языком пропаганды, новоиспеченные культисты программируются таким образом, что в случае неповиновения группе или ухода из группы они *обязательно* испытают на себе следующие страдания и беды:

Физическое здоровье (например, внезапно умрут или погибнут от несчастного случая, совершат акт самоубийства, будут избиты или изнасилованы, станут наркоманами, обязательно заболеют тяжелым и неизлечимым заболеванием); психологическое здоровье (заболеют психическим заболеванием, навсегда останутся неудачниками, никогда не будут счастливы, потеряют душевное равновесие и цель в жизни); духовная жизнь (Бог откажется от них за непослушание, не будут спасены, подвергнуться дьявольскому искушению и погубят себя); социальная жизнь (утратят безопасность и защищенность, потеряют любовь окружающих, будут отвергнуты близкими людьми, будут покинуты в старости, станут одинокими, потеряют работу и никогда не обретут материальную стабильность, попадут в тюрьму).

Эта информация направлена на то, чтобы обратить внимание российских научных кругов и организаций, административных и властных структур, организаций здравоохранения, всех практикующих социологов и психологов на факт присутствия и активной

деятельности в нашем государстве тоталитарных сектантских объединений. Их деятельность, ранее практически не заметная, в настоящее время не прикрыта ничем вследствие несовершенства законодательства, отсутствия в государстве института оказания практической помощи, направленной на реабилитацию пострадавших от культов и сект, на профилактические и просветительные мероприятия, которые бы выполняли охранную функцию.

Используемая и рекомендуемая литература по теме

1. *Волков Е. Н.* Консультирование жертв интенсивного манипулирования психикой: основные принципы, особенности практики // Журнал практического психолога, 1997, №1.
2. *Волков Е. Н.* Методы вербовки и контроля сознания в деструктивных культах // Журнал практического психолога, 1996, №3.
3. *Волков Е. Н.* Преступный вызов практической психологии: феномен деструктивных культов и контроля сознания (введение в проблему) // Журнал практического психолога, 1996, №2.
4. *Волков Е. Н.* «Основные модели контроля сознания», Журнал практического психолога, 1996, №5.
5. *Джиамбалво К.* Консультирование о выходе: семейное воздействие. Как помогать близким, попавшим в деструктивный культ. Нижний Новгород: ННГУ, 1995.
6. *Исполатова Е. Н.* Работа с личной историей как часть консультирования о выходе // Журнал практического психолога, 2000, №1–2.
7. *Лебедев В. И.* Личность в экстремальных условиях. Москва, Политиздат, 1989.
8. *Дроздов А. Д.* Как спасти себя и своего ребенка от тоталитарной секты. Санкт-Петербург: Литера, 2000.
9. *Дворкин А.* Сектоведение. Нижний Новгород: Издательство братства во имя Святого князя Александра Невского, 2002.
10. *Полищук Ю. И.* Влияние деструктивных религиозных сект на психическое здоровье и личность человека // Журнал практического психолога, 1997, №1.
11. *Скородумов А. А.* Сектантство как социальное явление. Санкт-Петербург: СПВУРЭ ПВО, 1995.

12. *Скородумов А. А.* Социально-психологический анализ дезадаптации личности (на примере внеконфессиональных течений). СПбГУ, 1996.
13. *Сыропятов О. Г.* Тоталитарные секты и психическое здоровье нации // Журнал практического психолога, 1997, №4.
14. *Халперн Д.* Психология критического мышления. Санкт-Петербург: Питер, 2000.
15. *Хассен Стивен* . Консультирование о выходе: Свобода без принуждения. Убеждения, лежащие в основе моего подхода // Журнал практического психолога, 2000, №1–2.
16. *Хассен Стивен*. Освобождение от психологического насилия. Деструктивные культы, контроль сознания, методы помощи // Москва: Олма-Пресс, 2003.
17. *Целикова В. В.* Групповое мышление как механизм влияния на личность в деструктивном культе // Журнал практического психолога, 1997, №1.
18. *Целикова В. В.* Психологические механизмы влияния на личность в культе // Журнал практического психолога, 1996, №5.
19. *Юнг К. Г.* О психологии восточных религий и философий. Москва : Медиум, 1994.
20. *Юнацкевич П. И., Кулганов В. А.* Психология обмана. Санкт-Петербург: Атон, 1999.
21. *Кривельская Н. В.* «Причины распространения в России деструктивных религиозных орагнизаций», доклад на заседании Государственной Думы, 1998.
22. Инициативное письмо депутата Государственной Думы Российской Федерации Н. В. Кривельской Министру внутренних дел России генералу армии А. С. Куликову (январь 1997).
23. «Тоталитарные секты — угроза XXI века», итоговый документ Международной научно-практической конференции, проходившей в Нижнем Новгороде 23–25 апреля 2001.

И. А. Акиндинова[1]

К проблеме психологической реабилитации лиц, задействованных в ликвидации последствий ЧС

В данной работе обсуждается тема вторичной травматизации и психологической реабилитации помогающих специалистов, описывается опыт участия в реабилитационной программе для психологов и психотерапевтов, работающих с посттравматическими стрессовыми расстройствами, а также представляются результаты анализа условий деятельности поисково-спасательных формирований МЧС России с последующими рекомендациями к организации реабилитационных программ для спасателей.

Выделяя различные категории лиц, пострадавших в результате чрезвычайных ситуаций и нуждающихся в реабилитации, необходимо относить к ним людей, задействованных в ликвидации последствий трагических событий. К этой группе, наряду со специалистами, осуществляющими непосредственно спасательные работы, относятся специалисты помогающих профессий — психотерапевты и психологи, работающие с людьми, пережившими экстремальную ситуацию.

Как известно, помогающая деятельность подразумевает повышенную личностную включенность и эмоциональную вовлеченность специалиста во взаимодействие с другими людьми. В результате профессионал оказывается подвержен значительным

[1] Акиндинова Ирина Александровна — кандидат психологических наук, доцент, сотрудник Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. E-mail: irina_akindinova@mail.ru.

эмоциональным нагрузкам, которые существенно возрастают в работе с людьми, переживающими острые травматические и посттравматические стрессовые расстройства. Как следствие подобного участия, у специалиста становится вероятным возникновение особого состояния, названного «вторичной травмой». Данное понятие было описано в работах Karen W. Saakvitne & Laurie Anne Pearlman.

Вторичная травма, или «травма помогальщика» (Vicarious Traumatization) — это изменения внутреннего опыта помогающего специалиста, которые возникают в результате его вовлеченности в отношения с клиентом, переживающим травматическое состояние. Это результат процесса сопереживания клиентам, столкнувшимся со смертельной опасностью, насилием, унижением, предательством, разрушениями, потерями и т. д., который приводит к изменению базовых представлений о мире.

Симптомы вторичной травмы практически идентичны проявлениям ПТСР, их разделяют на общие и специфические. *Общие*: у специалиста наблюдаются недостаток времени и сил для себя, нарушение отношений с близкими, социальная изоляция, повышенная чувствительность к жестокости, цинизм, глобальное ощущение отчаянья и бессилия, ночные кошмары. *Специфические:* происходит изменение мироощущения, духовных ценностей, ослабляются эго-ресурсы (развивается астенизация), снижается уверенность в своих способностях, а также проявляются изменения в сенсорном опыте — возможно появление навязчивых образов, диссоциация, деперсонализация.

Факторы, влияющие на возникновение вторичной травмы, включают в себя две группы. К первой группе относятся *особенности рабочей ситуации специалиста*: условия и режим работы, тип и количество клиентов, характер травматических расстройств, с которыми приходится иметь дело. Ко второй группе относятся *особенности личности помогающего*: его профессиональная идентичность, внутриличностные ресурсы, наличие внешней поддержки (близкие люди, профессиональное сообщество единомышленников), личная история (уровень собственной травматизации), жизненная ситуация в настоящем, личные стратегии преодоления трудностей.

Возможности преодоления вторичной травмы обеспечиваются двумя направлениями психологической работы: снижение уровня стресса (или психопрофилактика) и трансформация отчаянья.

Снижение уровня стресса проводится за счет развития самоосознавания и стимуляции заботы человека о себе на различных уровнях своего существования: физиологическом, психологическом, эмоциональном, духовном, профессиональном. На *физиологическом уровне* забота о себе может выражаться в регулярном и качественном питании, отслеживании своего соматического здоровья, посещениях врача, занятиях физическими нагрузками, получении сеансов массажа, достаточном количестве сна, отдыха, секса, в обеспечении себя комфортной и приятной одеждой и т. п. На *психологическом уровне* она может проявляться в выделении достаточного времени для саморефлексии, для встреч с личным психотерапевтом, в ведении психологического дневника, выделении времени для занятий своим хобби, отслеживании и регуляции своих границ (например, позволении себе отказывать другим людям в их просьбах) и т. д. На *эмоциональном уровне* это может быть общение с приятными людьми, совершение подарков самому себе, позволение любить себя, позволение на проявления своих эмоций — смех или слезы, общение с детьми и т. д. Забота о своем *духовном состоянии* может выражаться в поездках на природу, в выделении времени на религиозные обряды, переживаниях моментов вдохновения, общения с искусством и т. п. Забота о своем *профессиональном существовании* заключается в поиске баланса между работой и личной жизнью, создании удобных условий работы, запросе и получении супервизорской поддержки, отстаивании своих финансовых интересов и т. д.

Трансформация отчаяния — видимо, более сложная задача. Особенно усложняется эта задача при переработке последствий террористических актов, где люди являются источником опасности, в результате чего подрывается базовое доверие к миру и окружающим. Достигать ее можно такими путями, как: поиск смысла во всем происходящем (как в значительных, так и в обыденных событиях жизни); стремление бросать вызов негативным убеждениям и отчаянию; действия по созданию сообщества (поиск единомышленников и передача своего опыта и своих взглядов другим людям).

В современных условиях, когда увеличивается количество чрезвычайных ситуаций социогеной природы, возникает необходимость в специальной подготовке помогающих

специалистов для работы с последствиями террористических актов, а также в создании специальных возможностей для их обеспечения психологической поддержкой. Эти возможности, например, могут принимать форму реабилитационной программы для помогающих специалистов (специалистов ППБ).

Автор данной статьи имеет опыт участия в проекте «Развитие региональной рабочей сети по оказанию психологической помощи пострадавшим в результате конфликтов в горячих точках», реализованном на протяжении 2002 года в Северо-Кавказском регионе Институтом психотерапии и консультирования «Гармония» (Санкт-Петербург) при поддержке института «Открытое общество (Фонд Сороса). Россия».

Проект проводился в четырех городах: Владикавказе, Махачкале, Минеральных Водах, Ростове-на-Дону. В каждом городе была сформирована группа в количестве 20 человек из специалистов — психологов и психотерапевтов, — работающих с пострадавшими. Для каждой группы путем проведения нескольких серий из пяти-четырехдневных сессий в течение года реализовалась программа, состоящая из двух блоков — *реабилитации и супервизии* (200 часов). В рамках программы 17–19 мая 2002 года была также проведена Всероссийская конференция «Война и травма», а также опубликованы следующие материалы: «Методическое пособие по работе с посттравматическими стрессовыми расстройствами» и информационно-методический справочник «Конфликт и травма».

Целью реабилитационной работы являлась проработка специалистами собственного травматического опыта, возникшего или актуализировавшегося в процессе оказания психологической помощи людям с ПТСР, т. е. вторичной травматизации. *Структура реабилитационной программы* соответствует структуре психологической работы с людьми, переживающими ПТСР, и включает три основных этапа: создание безопасной атмосферы, проработку травматического опыта и интеграцию нового опыта в личную и профессиональную жизнь. *Супервизорская практика* проводилась в групповом формате — 2 дня каждая сессия, которая следовала за реабилитационной сессией.

Благодаря участию в данном проекте осуществилась возможность взаимодействия со специалистами МЧС из состава поисково-спасательных служб Северо-Кавказского и

Северо-Западного регионов России. Взаимодействие со спасателями включало в себя индивидуальные беседы и наблюдение за организацией деятельности поисково-спасательных служб (ПСС), в том числе во время выездов на ЧС. Опыт общения со спасателями, среди которых находились участники событий в Буденовске, а также террористических актов в других городах Северного Кавказа (Ессентуки, Каспийск и др.), позволяет зафиксировать следующие наблюдения.

Рассмотрение ситуации *с позиции личности специалиста МЧС* показывает, что у спасателей проявляются симптомы ПТСР. У них *существует потребность в психологической реабилитации*. Одновременно с этим сильно выражено *недоверие «приходящим» специалистам-психологам*, большее доверие вызывают коллеги, находящиеся в зоне ближайшего окружения, которые готовы обсуждать травматичные темы. В резкой форме проявляется внешнее *сопротивление* первому обращению к травматическому опыту (агрессия, недоверие, цинизм, отстранение), но действует оно непродолжительно — при условии возникновения контакта с собеседником происходит *постепенное личностное раскрытие*. *Динамика контакта амбивалентна*: периоды доверительного отношения сменяются отстранением. Доверившись, человек начинает проявлять обостренную потребность во внимании и чувствительность, которая может принимать форму *зависимости* (или переноса). Обращение к травматическому опыту актуализирует мощный подавленный материал и провоцирует *кризисное состояние*. У опытных спасателей существуют собственные схемы совладания со стрессом. Наряду с широко распространенной алкоголизацией используются *конструктивные внешние и внутренние ресурсы*: вкусная пища, общение с женщинами, игра на гитаре, рыбалка, безделье, спорт, секс, уединение в горах и т. п. Большое значение имеет *психологическая атмосфера в отряде*. Так, дежурство в смене с проверенными, вызывающими доверие людьми существенно понижает уровень стресса как в режиме ожидания, так и в работе по ликвидации ЧС.

Рассматривая ситуацию *с позиции организации деятельности ПСС* (на примере ПСС Северо-Кавказского и Северо-Западного регионов), можно видеть, что психологическое сопровождение деятельности поисково-спасательных отрядов *практически не*

осуществляется. Единичные контакты психологов со спасателями сводятся к проведению психодиагностических процедур (получение информации) или теоретическому обучению (предоставление информации), которые в большинстве случаев воспринимаются спасателями с равнодушием или неприятием. Основная причина — *отсутствие обратной связи*, *диалога,* или, другими словами, субъект-субъектных отношений между специалистами МЧС и психологических служб. Отсутствие этих условий делает невозможным реализацию первого и основного принципа психологической переработки травмы — построение безопасной атмосферы, которая позволит обращаться к болезненному травматичному материалу. В некоторых отрядах *отсутствует помещение*, приспособленное для обучения, не говоря о помещении для психологической работы, которое требует особой обстановки. При попытках организации психологических мероприятий остро ощущается *недостаток соответствующих установок со стороны администрации*. Встречи с психологом не предваряются соответствующими комментариями со стороны руководства, что создает впечатление недостатка поддержки данного вида работы в отряде со стороны начальства.

На основе опыта ведущей реабилитационной группы, супервизора и наблюдателя, а также участия в НИР «Разработка комплекса психопрофилактических мероприятий, направленных на сохранение психического здоровья у лиц, вовлеченных в чрезвычайные ситуации» на базе ВЦЭРМ МЧС России, можно предоставить следующие рекомендации к организации программ психологической реабилитации для лиц, задействованных в ликвидации последствий ЧС. Программа психологической реабилитации для спасателей должна соответствовать следующим условиям:

1. Доступность помощи специалиста (психолога, психотерапевта). Обращение к травматическому опыту провоцирует ощущение беззащитности, уязвимости, небезопасности, что формирует временную зависимость от помогающего специалиста. Поэтому, приступая к реализации реабилитационной программы, помогающему специалисту необходимо учитывать вероятность возникновения кризисного состояния и обеспечить спасателям возможность встречи с ним так часто, как это потребуется. Должна существовать возможность длительного контакта.

2.Первостепенной задачей реабилитационной программы должна являться *активизация внутренних ресурсов*. Обращение к травматическому опыту актуализирует интенсивные страдания. Чтобы не потерять ощущение контроля над своим состоянием, человек должен иметь навыки обращения к собственным ресурсам. Поэтому задача формирования и активизации резервов психики должна являться приоритетной по отношению к задаче переработки травматического опыта. Автор идеи *«Активной реабилитации спасателей»* — А. И. Гофштейн (40-й Российский центр подготовки спасателей) — и вовсе утверждает, что суть психологического воздействия активной реабилитации должна заключаться в том, чтобы, не затрагивая травматичный опыт прошлого, периодически инсталлировать в психику специалиста значительную дозу позитивных эмоциональных переживаний, которые будут восстанавливать состояние эмоционального гомеостазиса, уравновешивая негативные переживания спасателя МЧС. Как *средства позитивного воздействия* он выделяет обучение новым знаниям и практическим профессиональным навыкам в природных условиях, специальные тренировки, купание в озере, рыбную ловлю, любительские соревнования, песни и разговоры у костра, туристические прогулки, обстановку поддержки и уважения друг к другу, юмор и т. п. По утверждению самих спасателей, повышение профессионального мастерства приводит к снижению общего напряжения и уровня профессионального стресса.

3.Реабилитационная программа как форма плановой психологической помощи должна предполагать *сочетание с методами экстренной психологической помощи*. После работы на масштабных и разрушительных ЧС у спасателей повышается вероятность обострения стрессовых расстройств. Понятно, что в таких условиях оказывается востребован метод кризисной интервенции или его групповая форма — дебрифинг, нацеленный на отреагирование и переработку недавно полученной травмы.

4.Структура реабилитационной программы должна учитывать *особенности региона*, для которого составляется. Как известно, в различных регионах страны различаются режим деятельности ПСС, интенсивность нагрузки (количество спасательных работ на единицу времени) и характер преобладающих спасательных работ.

5. Реабилитационная программа должна являться *частью общей административной политики*, предписанной и поддерживаемой руководством ПСС. Данная политика, наряду с реабилитационной программой, должна включать в себя следующие элементы: организацию *системы и условий обучения* в качестве психопрофилактики; общеорганизационные мероприятия с целью *оптимизации психологического климата*; налаженную *систему информирования* об изменениях в индивидуальном режиме деятельности спасателя; выработку и *соблюдение этических принципов взаимоотношений* внутри коллектива (поддержание атмосферы взаимного уважения в сочетании со строгой дисциплиной).

6. *Осуществлением реабилитационной программы* для спасателей может заниматься штатный психолог ПСС[2], при условии что он имеет специальную профессиональную подготовку в сфере работы с ПТСР, кризисными состояниями и другими стрессовыми расстройствами. Также для эффективной работы специалисту-психологу необходимо обладать определенными личностными качествами и высокой мотивацией. Как помогающий специалист, работающий с выраженными стрессовыми расстройствами, он должен быть обеспечен профессиональной поддержкой в форме супервизии, а также возможностями собственной реабилитации, направленной на переработку возникающей вторичной травматизации.

[2] Позволю себе сделать одно важное примечание: психолог или психотерапевт, занимающийся психопрофилактическими и реабилитационными мероприятиями, где бы и с кем бы он ни работал, будь то МЧС, МВД, ГУИН или школа, должен быть *вне системы*, что со всей очевидностью ставит задачу создания самостоятельной психолого-психотерапевтической службы (прим. ред. — *М. Р.*).

В. Б. Куликов, П. Е. Суслонов[1]

Социально-психологический аспект политического экстремизма и терроризма

Важным аспектом политического экстремизма, выделяемым исследователями данного феномена, является особый психологический склад индивида, тяготеющего к экстремистской деятельности. Экстремизм — это не только и не столько радикальная идея, сколько особый тип и склад мышления. Экстремизм является развитием и приложением радикализма, но далеко не всякий носитель радикальных идей может реализовать их на практике. Характерно, что идеолог и вождь экстремистского движения, как правило, не совпадают в одном лице.

Психология экстремизма сама по себе является интереснейшей темой исследования. Классической работой в этой сфере является исследование С. Н. Булгакова «Героизм и подвижничество». Написанное в начале прошлого века (1909 г.), оно не потеряло своей актуальности до сих пор. С. Н. Булгаков был весьма критично настроен по отношению к тогдашней российской интеллигенции, считая ее питательной средой для революционного экстремизма. В основе личности экстремиста лежит так называемый «героизм самообожания». Экстремист убежден, что он обладает абсолютно верным знанием того, как преобразовать общество, и верит, что кроме него никто этого сделать не может. Экстремист воспринимает

[1] Куликов Владимир Борисович — профессор кафедры профессиональной педагогики и психологии Уральского юридического института МВД России, доктор философских наук. E-mail: vbkulikov@list.ru; Суслонов Павел Евгеньевич, доцент кафедры философии Уральского юридического института МВД России, кандидат философских наук.

себя как Мессию, Спасителя, то есть неизбежно приходит к обожествлению самого себя. Для экстремиста это безусловно значимо и приятно, так как он чувствует себя одновременно и пророком, и героем — носителем высшей истины и спасителем человечества от всех бед. Это ощущение сходно с ницшеанской идеей «сверхчеловека», которому позволено то, что не позволено обычному человеку. Экстремист тем самым оправдывает применение самых жестких, насильственных средств достижения политических целей. Экстремист в своих целевых установках отличается от обычного уголовного правонарушителя (преступника) и сознательно ретуширует криминальную сторону своих поступков, но в то же время создает психологическую атмосферу оправдания возможного или уже творимого насилия. Наиболее вероятный путь практического развития экстремизма — терроризм. «И те горькие разочарования... та не изгладимая из памяти картина своеволия, экспроприаторства, массового террора, все это явилось не случайно, но было раскрытием тех духовных потенций, которые необходимо таятся в психологии самообожания» (Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество // Вехи. М., 1909. С. 49)

Такой «героизм» возникает в определенных условиях, среди которых С. Н. Булгаков называл отсутствие серьезных знаний и исторического опыта, оторванность от почвы, изолированное положение в стране. Все это указывает, что социальной средой, наиболее способствующей генерации экстремистски настроенных личностей являются маргинальные слои общества. Любопытно, что этот факт особо отмечает в своей работе «Вторая Россия» один из современных радикальных мыслителей и теоретиков Э. Лимонов. Он обращает внимание, что в руководстве большевистской партии, идеологически декларировавшей социальный примат пролетариата, пролетариев (рабочих) как раз почти что не было. Еще в большей степени это можно сказать о «крестьянской» партии социалистов -революционеров (эсеров). Аналогично в нацистском движении в Германии большинство лидеров были людьми со сложной социальной судьбой и туманным расовым происхождением. Таким образом, маргинальность является одним из существенных факторов формирования экстремистской личности.

Еще одним чисто психологическим фактором экстремизма является так называемый максимализм — требование полного переустройства мира. Максимализм — внеидеологическое явление,

качество личности, «душа и сердце героя». Максимализм является необходимым «психологическим двигателем» экстремизма. «Даже если он и не видит возможности сейчас осуществить этот максимум и никогда ее не увидит, в мыслях он занят только ими. Он делает исторический прожект в своем воображении и, мало интересуясь выбранным путем, вперяет свой взор в светлую тоску на краю исторического горизонта. Такой максимализм имеет признаки идейной одержимости, самогипноза, он сковывает мысль и вырабатывает фанатизм, глухой к голосу жизни» (Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество // Вехи. М., 1909. С. 43).

Максимализм в силу объективных причин социально-психологи ческого плана в наибольшей степени присущ молодежи. Во-первых, молодой человек в большей степени обладает психофизической силой, необходимой для решительных действий. Во-вторых, молодежь является группой, не обладающей в полной мере социальными благами и возможностями. «Благодаря молодежи с ее физиологией и психологией, недостатку жизненного опыта и научных знаний, заменяемых пылкостью и самоуверенностью, благодаря привилегированности социального положения молодежь выражает с наибольшей полнотой тип героического максимализма» (Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество // Вехи. М., 1909. С. 47).

Психологическая сущность экстремизма наиболее полно раскрывается в понятии «фанатизм». В современном мире у экстремистов слишком мало политико-организационных возможностей и объективных предпосылок для создания массовых политических движений и организации революции. Наиболее вероятной тактикой современного экстремизма является терроризм. Но терроризм требует в качестве исполнителей личностей особого склада. Как правило, подлинный терроризм избирает только непредсказуемые методы и направления атак, прибегая к помощи фанатично преданных сторонников, готовых отдать жизнь ради достижения цели .

Фанатик — это человек, находящийся во власти сверхценных и сверхзначимых для него идей. Они придают его жизни смысл, и он готов жертвовать во имя этих идей собственной жизнью и жизнями других людей. Фанатик обладает так называемым «туннельным» мировосприятием, то есть воспринимает через очень жесткую призму все то, что не согласуется с его мировоззрением. Именно

к позиции фанатиков можно отнести следующую поговорку: «если факты не согласуются с нашими идеями, тем хуже для фактов». Для фанатиков характерно некритическое отношение к любой информации, подтверждающей все, что идет вразрез с их убеждениями. Фанатизм обычно существует на уровне группы, так как фанатики находят поддержку во взаимном признании и совместном разжигании своих эмоций по поводу общих идей.

Фанатично настроенная личность есть идеальная кандидатура для совершения террористических действий. Террористический акт практически всегда является риском с очень малой степенью вероятности счастливого исхода лично для террориста. Террорист рискует и, следовательно, жертвует собой. Поэтому террорист — не наемный убийца, а психологически заряженный носитель идеи, которая должна быть немедленно воплощена в действие-устрашение. Он обладает всеми характерными признаками фанатизма: нетерпимость к инакомыслию, пренебрежение к морали и закону, убежденность в исключительность собственной миссии, готовность к самопожертвованию. Другое дело, что для воплощения террористических актов идеологи терроризма часто используют, путем обмана, элементарное пушечное мясо ничего не подозревающих исполнителей, далеких от знания целей и выполняемых задач. Убежденный носитель идеи, фанатик и максималист, чаще всего играет значение аккумулятора террористической программы, организатора террористического сообщества, хранителя террористической цели и распорядителя средств.

Сегодня малопродуктивно исходить из образа террориста-одиночки, более уместно предполагать обобщенный, хорошо организованный, функционально эффективный образ современного терроризма. Поэтому бессмысленно идентифицировать данный образ с цветом волос или кожи, с половозрастными или национальными признаками, но социально-психологически е факторы — наличие общности, организационные признаки, иерархическая структура взаимоотношений, функциональная закрытость и сопричастность политически к экстремистским идеям, экстремистским идеалам прошлого и экстремистски настроенным поступкам и вождям — наиболее плодотворный путь идентификации, выявления причин и противодействия современным формам терроризма.

Приложение

М. М. Решетников

Глобализация – самый общий взгляд

ВВЕДЕНИЕ

К каким бы вопросам мы не прикасались в настоящее время, они не могут рассматриваться вне проблемы глобализации. Попытаемся ответить: почему? Но вначале попробуем дать определение: что такое глобализация?

Определение понятия

В данном сообщении нами предпринимается попытка обобщения и некоторого структурирования материалов ряда дискуссий, организованных Информационным Агентством «РосБалт» (руководитель проекта — Н. Черкесова), а также публикаций других авторов, посвященных этой проблеме [1, 2, 5, 6, 8, 9, 11, 12].

В настоящее время существует несколько десятков определений понятия «глобализация». Ряд из них грешат претензией на всеобъемлющее толкование и в итоге — не дают никакого. Мы предпримем попытку начать с простейшего.

Дж. Сорос — один из авторитетных специалистов по этой проблеме, считает, что «глобализация — это слишком часто употребляемый термин, которому можно придавать самые разные значения» [9]. Но наиболее точным и удачным представляется определение М. Делягина [2], которое (несколько модифицируя его) можно сформулировать следующим образом: глобализация — это процесс формирования единого (мирового, но одновременно — имеющего четкие и достаточно узкие границы) военно-политического, финансово-экономического и информационного пространства, функционирующего почти исключительно на основе высоких и компьютерных технологий.

По мнению ряда квалифицированных экспертов, с точки зрения технического прогресса, глобализация знаменует собой качественно новый этап развития современной цивилизации и носит относительно закрытый характер, обусловленный концентрацией интеллектуальных ресурсов и высоких технологий в нескольких странах — лидерах глобализации [2, 5, 6, 11].

Причины

Развитие цивилизаций — это асинхронный естественноисторический процесс, но в XX веке он приобрел *социально-исторический характер, так как роль человеческого фактора неизмеримо возросла. Соответственно возросла роль идей, определяющих решения планетарного масштаба. Попытаемся обобщить причины и следствия этого процесса, а также его противоречия, апеллируя к уже упомянутым и другим разработкам современным авторов [1, 2, 5, 6, 7, 8, 11, 12].*

Качественное изменение роли высоких технологий, скорости распространения и форм передачи информации, а также ограничения возможностей практического использования последней — даже при ее полной доступности — приводит к тому, что финансы как источник конкурентоспособности корпораций и стран постепенно утрачивают свое значение.

Накопление капитала или перемещение легко «утилизируемых» финансовых потоков (включая кредиты) становится вторичными по сравнению с формированием прорывных идей, созданием, передачей и использованием высоких технологий. Это обусловливается тем, что для создания и даже простого использования высоких технологий требуются ряд исходных условий, в частности, наличие высоких технологий предшествующего уровня, а также мощного научного и высококвалифицированного кадрового потенциала (соответствующего этим задачам количественно и качественно), объединенного единым информационным полем.

В результате сама возможность создания новых высоких технологий приобретает «закрытый» или «эксклюзивный» характер, даже при полной открытости и доступности информации о них (не говоря уже о таких дополнительных факторах, как запреты и ограничения на передачу высоких технологий ряду стран).

Как следствие, в мире формируется ограниченное количество центров глобализации и постоянно расширяется число стран, не включенных в эти процессы. Одни становятся все более монополизирующимися разработчиками и производителями новых научных идей и высоких технологий, а другие — сырьевыми придатками или в лучшем случае потребителями продукции, полученной на основе высоких технологий. Ключевым вопросом конкуренции стран и цивилизаций, отметим это еще раз, становится фактор формирования «прорывных» идей и их реализации на основе и в виде высоких технологий.

Следствия

В ближайшие десятилетия мир будет все более интенсивно разделяться на страны-производители интеллектуальных разработок и высоких технологий и страны-потребители продукции, полученной в результате применения этих технологий. При этом значительная часть стран не войдет ни в первую, ни во вторую категорию, так как главными барьерами для подключения к процессам глобализации (или даже условиями простого пользования ее продуктами) являются: традиционно обозначаемый как «европейский» уровень образования и высокий уровень благосостояния населения в целом.

Качественно изменится само понятие «освоения новых территорий». Если в предшествующий период это осуществлялось преимущественно через создание и развитие производственных мощностей, обеспечивающих заселение тех или иных регионов, то в период глобализации основным вариантом «освоения новых территорий» станет (все более высокотехнологичное) изъятие природных ресурсов, интеллектуального и кадрового потенциала с закономерно однонаправленным вектором их движения: в страны — лидеры глобализации. Таким образом, известная фраза о том, что «все мы в одной лодке, но некоторые — в качестве провианта», будет приобретать все более реальный смысл.

В период глобализации качественно изменятся представления о международной кооперации и сотрудничестве. Интенсивное развитие высоких технологий, системы образования и все более технологически и финансово емкой подготовки научных кадров, а также рост благосостояния в странах — лидерах глобализации будет

сопровождаться разрушительными и даже катастрофическими изъятиями ресурсов, финансов и интеллекта из стран-аутсайдеров глобализации и даже стран, которые были обозначены нами как «потребители» (в отличие от производителей) продукции глобализации.

Понятие «конченые страны» будет приобретать все более конкретный смысл (особенно если принять во внимание такие аспекты, как эпидемическая и экологическая ситуация, истощение природных энергоносителей, продовольственных ресурсов и запасов пресной воды — в последнем случае: вначале для нужд земледелия). Это понятие («конченые страны») появилось совсем недавно, и в первую очередь оно соотносится с утратой интеллектуальных ресурсов (научной и культурной элиты), но еще более — с утратой способности их воспроизводить [2]. Однонаправленность миграционных процессов вышеупомянутых категорий (в страны — лидеры глобализации) уже сейчас достаточно очевидна. При этом для остальных категорий населения стран-аутсайдеров глобализации будут последовательно создаваться все новые и новые «миграционные барьеры» [2, 8].

Особое значение приобретут информационные технологии, связанные с производством информации, формированием сознания и воздействием на общественное сознание [12], а также — противодействие этим технологиям.

Противоречия

Последовательное ухудшение уровня жизни и условий существования значительной (и наиболее активно растущей — преимущественно афро-азиатской) части населения планеты (до 85–90% планетарной популяции к концу XXI века) на фоне постоянно увеличивающегося благосостояния (неуклонно сокращающегося — евро-североамериканского) меньшинства (до 10–15% планетарной популяции к концу XXI века — так называемый «золотой миллиард»)[1] вызовет кризис всех гуманитарных концепций, выработанных за предшествующие тысячелетия [5].

[1] По авторитетным прогнозам, предполагаемое увеличение количества населения в наиболее развитых странах в 2001–2050 годах составит 4%, в странах с «пограничной» экономикой — 58%, в беднейших странах Африки — 120%.

В странах-потребителях и аутсайдерах глобализации будут последовательно нарастать антиглобалистские настроения и движения, включая уже упомянутые террористические, враждебно настроенные к лидерам глобализации (и населению стран-лидеров). Как следствие, возникнет объективная необходимость ужесточения визового режима, «избирательное» ограничение свобод передвижения и, возможно, своеобразные варианты «резерваций» для целых стран или регионов [8].

Даже если эти прогнозы оправдаются лишь частично, в любом случае существенно изменится роль и место стран и народов, рас и религий.

Дополнительным и нарастающим противоречием будет являться неравномерность распределения природных ресурсов, особенно уже упомянутых энергоносителей, пищевых продуктов и пресной воды, дефицит которых начнет реально ощущаться уже в XXI веке. В связи чем основной может стать стратегия выживания стран и народов, возможности для реализации которой у большей части населения планеты весьма ограничены. При этом гуманитарные аспекты сохранятся либо в форме деклараций, либо вообще упразднятся (а ведущим императивом станет глобальная и бескомпромиссная конкуренция).

Самостоятельное значение имеют такие факторы, как нарушение баланса между частными (транснациональными) и государственными интересами (всех стран), отчасти «спекулятивный базис» современной мировой валюты, а также хорошо известное из теории игр правило, что все объединяются против самого сильного игрока (появление новой денежной единицы — евро — можно рассматривать в качестве варианта такого объединения, а связанное с этим формирование надгосударственной — частично национально обезличенной — европейской бюрократии требует самостоятельного анализа). Это, безусловно, не полный перечень противоречий.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Является ли глобализация «новой цивилизацией» или манифестацией заката европейской? Это пока вопрос.

Предшествующие цивилизации развивались чрезвычайно медленно. Одной из причин этого являлась чрезвычайно низкая

скорость распространения идей (и вообще информации), а также скорость интроекции (то есть принятия как своих собственных и незыблемых) этих (новых) идей популяцией [3, 7, 9, 10, 11]. Интроекция предполагает также «погружение» этих идей в бессознательное, где формируются преобладающие мотивы поведения человека и социума. В силу этого глобализационные процессы не могут рассматриваться без апелляции к новым технологиям воздействия на массовое сознание и бессознательное.

Развитие средств массовой информации будет последовательно способствовать модификации поведения как отдельных индивидуумов, так и больших масс людей (7), при этом воздействие на психику будет, скорее всего, принимать все более «интернациональный» характер, но не в обычном смысле этого слова, а в смысле последовательного преобладания наднациональных и надгосударственных потоков распространения информации, направленной на «размывание» традиционных стереотипов поведения и отношений, включая суверенные проблемы государств, не входящих в число лидеров глобализации.

Глобализация вызовет модификацию не только поведения, но и форм государственной власти, тем более что все существующие ее модели, включая демократию, безнадежно устарели и именно поэтому так массово подвергаются несанкционированной «коррекции» практически во всех (самых демократичных) странах.

В целом, как отмечалось рядом экспертов, мы приближаемся к смене парадигмы развития, и эта смена, скорее всего, будет осуществляться чрезвычайно болезненно и нецивилизованно.

«НОВЫЕ» АСПЕКТЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Информационные аспекты

Как показывает современная практика, информация становится сырьем, подвергающимся все более высокотехнологической обработке. При этом ранее существовавшая культура, которая, по сути, манифестируется и существует в рамках коммуникативных процессов, постепенно утрачивается и замещается символическим отражением объективной и виртуальной реальности [1].

Гуманитарные аспекты

Практически все предшествующие эпохи опирались на реальные или иллюзорные гуманитарные концепции. В некотором смысле гуманизм был стрежнем развития европейской цивилизации. Поддержка слабых, забота о сирых и убогих, борьба за справедливость, равенство и братство наполняли человечество духовными силами, даже несмотря на то, что осуществление этих гуманитарных проектов часто граничило с расточительностью огромных человеческих и иных ресурсов и нерациональностью. Глобализация, скорее всего, в первую очередь подвергнет сомнению именно эти аспекты поведения и именно такие (гуманитарные) проекты [12].

Современные достижения в сфере духовной жизни не могут быть сформулированы в терминах технических систем и уже поэтому чужды глобализации. При этом одновременно с кризисом гуманитарных идей будут ставиться под сомнения традиционные понятия смысла жизни, духовных ценностей и веры, которые входят в число важнейших механизмов «социальной механики» — системы власти и управления.

Эмоциональные аспекты

Смысл жизни, цель жизни и ценности жизни (как стержневые структуры бытия) подвергнутся переосмыслению и деформации, точнее — их трансформация и утрата уже сейчас стали «глобальными» проблемами практически во всех развитых странах мира.

Поиск ощущений и удовольствий (положительных или условно положительных), как заместителей утраченного смысла, приведет к новому витку преступности, наркоманий, алкоголизма и насилия, а также развитию так называемых «экстремальных» видов «отдыха» и «развлечений», которые уже сейчас заявили о себе в «полный голос». Самостоятельным направлением станет «индустрия страха», призванная показать, что все происходящее в реальной жизни менее страшно.

Психологические аспекты

Все еще весьма трудно представимые для большинства населения планеты высокие технологии («High-Tech») — это отчасти

уже вчерашний день. «Передний край» наступающей глобализации последовательно смещается в область нейрокомпьютерной и генной инженерии [12], при этом приоритетными для обеих сфер являются разработки нейрокомпьютерных технологий и технологий воздействия на общественное и индивидуальное сознание («High-Hume»).

Подойдя к некоторому пределу возможностей воздействия на окружающий мир и использования его ресурсов, а также — некой границе его познания с помощью точных наук, ведущие умы человечества обратились к еще менее познанным процессам сознания и подсознания. При этом целью современных разработок является не столько познание этих процессов, сколько создание методов и технологий воздействия на них.

Психиатрические аспекты

Психиатрические и психотерапевтические аспекты проблемы пока даже не осмысливались. Предварительные оценки позволяют предполагать, что в силу безусловных эмоционально-психологических аспектов глобализма, а также кризиса гуманитарных ценностей во всем мире следует ожидать роста психопатологии, особенно депрессивно-агрессивного, фобического и шизоидного «регистра». В среднем, прогнозируемый рост составит, по разным оценкам, от 50% до 150% в каждые последующие 50 лет. Этот рост будет достаточно асимметричным, но в равной степени затронет как аутсайдеров, так и население стран — лидеров глобализации, чувство вины которого (за случайную принадлежность к «золотому миллиарду») уже сейчас проявляется в мощной волне антиглобализма, пока преимущественно деструктивной и левоэкстремистской направленности. Но цивилизованный антиглобализм уже существует.

Социально-экономические аспекты

Возможности «срочного» перемещения мобильных капиталов в любую страну, где есть реальные условия для получения сверхприбылей, и столь же быстрый уход с «использованной территории», безусловно, будут провоцировать рост социальной напряженности во всем мире. Более того, в силу изложенного

выше социальный прогресс в конкретных обществах (странах) будет все более утрачивать смыслообразующий вектор, национально-культурную идентичность и динамику. «Расцвет» глобализации в нескольких странах будет сопровождаться чередой глобальных энергетических, экономических, экологических и — в перспективе — продовольственных кризисов на самых обширных территориях. Это самый мрачный аспект проблемы, о котором даже не хочется писать ввиду его очевидности.

ЛИДЕР ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Обращаясь к проблеме лидера глобализации, следует выделить два исторических периода: до 11 сентября 2001 года и после.

Безусловным лидером глобализации являются США, которые внесли в этот объективный процесс значительный «субъективный» фактор. При этом главным является не экономический и военный потенциал США (безусловно, имеющий чрезвычайно важное значение), а интеллектуальный (к этому тезису мы еще вернемся).

Одним из ведущих принципов американской внешней политики на протяжении всего XX века являлось и продолжает оставаться «поддержание нестабильности», при этом не только в развивающихся странах, но и (гораздо более изощренно) — в регионах интересов своих стратегических союзников (например, в Западной Европе).

Вторым, не всегда достаточно очевидным принципом политики США является всегда довлеющая установка на то, что проблемы остального мира должны качественно превосходить проблемы американской экономики и общества.

Эта стратегия «прагматического эгоизма» вовсе не основана на неком злом умысле, а является составной частью ментальности большинства населения США, отношение которого к мировым проблемам определяется, по сути, только одним фактором: затрагивают или не затрагивают они интересы США? Как заявил недавно госсекретарь США К. Пауэлл при обсуждении проекта войны против Ирака: «Даже если наши союзники не согласны, мы будем делать то, что отвечает нашим интересам». В сформировавшемся после распада СССР униполярном мире

Америке больше не нужны союзники. Надолго ли?

Другим неочевидным «новшеством» американской политики является систематическая апелляция к гуманитарным ценностям, носящая в ряде случаев сугубо декларативный характер, в сочетании с пренебрежением и постоянным манипулированием этими ценностями с помощью хорошо отработанных информационных технологий. Характерной особенностью является то, что эти технологии ориентированы в первую очередь на общественное мнение национальной элиты США, которая затем «слепо транслирует» их (без специальных затрат). Следует отметить, что в соответствии с западными пособиями по политической пропаганде, успешная военная операция рассматривается как один из вариантов последней.

Многие из современных западных информационных разработок США проводятся на стыке психологии, психиатрии и психоанализа, апеллируя к бессознательным мотивам и чувствам массовой аудитории, что позволяет легко исключить точность и адекватность их восприятия или придать то или иное (ситуационно выгодное) направление оценок реальной ситуации общественным мнением.

Фактор безусловного экономического и военно-стратегического доминирования в мире уже давно не является для рядового американца предметом какой бы то ни было дискуссии. Этот фактор на протяжении многих десятилетий подавался и широко пропагандировался как единственный залог личной безопасности каждого гражданина США (перед лицом внешнего врага — СССР). Разрушение образа этого внешнего врага значительно ослабило национальный дух, а этот (пока недооцениваемый в современной России) мировоззренческий фактор неизбежно проецировался на состояние американской экономики и общества США. Теракт 11 сентября 2001 года оказал мощное мобилизующее влияние и способствовал как решению ряда стратегических проблем США, так и снятию с «повестки дня» их значительной части (особенно во внутренней политике).

Апеллируя к материалам М. Делягина [2], перечислим лишь основные:

— в геополитике: поставленная (Западом) под сомнение после распада СССР необходимость всемирного военного

доминирования США вновь получила веское и долговременное оправдание; США вновь подтвердили свою особую роль главного защитника интересов их союзников, которые будут вынуждены («в обмен») ограничивать любые сколько-нибудь «антиамериканские» проекты и экономическую конкуренцию;

— в морально-политическом аспекте: получено право если не монополии, то во всяком случае индульгенции на определение (без доказательств, которые, как показывает опыт, могут быть отложены и найдены позднее): «Кто есть враг?» — при этом в отношении этого врага (человека, народа или страны) единоличным решением США приостанавливается действие международного права;
— в экономике: найдено веское оправдание структурного кризиса экономики США (который «оказался» не связанным с внутренними причинами); продемонстрирована устойчивость мировой экономики под руководством США и лидирующие позиции доллара; «автоматически» снижены обязательства государства по социальным программам; усилилось «бегство» капиталов из азиатского региона в США;
— во внутренней политике: достигнуто сплочение нации; объединение нации вокруг ранее не имевшего такой популярности президента; есть повод для «чистки» (в том числе этнической) во всех силовых структурах; есть возможность для усиления репрессивного аппарата государства и потенциального ограничения гражданских свобод;
— во внешней политике: появилась реальная причина для оправдания выхода из договора по ПРО и создания новых систем обороны, разработка которых имеет не столько военное значение, сколько станет важнейшим фактором поддержания технологического лидерства (уже не в отношении СССР или России, а западноевропейских партнеров США и Китая).

Основа американского лидерства

Основа этого лидерства носит сугубо прагматический и научно-обоснованный характер. Еще в 30-е годы, исходя из достижений психологической науки того времени, Конгресс США

принял специальное постановление, суть которого сводилась к проведению специальной политики по привлечению в страну со всех континентов одаренной молодежи и научной элиты, независимо от национальности, расы и т. д., включая создание особых условий для того, чтобы они оставались в США.

В основу этого и ряда других постановление Конгресса США об одаренных детях и научной элите были положены основополагающие исследования, проведенные в XX веке. В частности, было установлено:

— количество людей, способных к формированию новых прорывных идей (в науке, культуре, управлении и т. д.), в любой национальной популяции весьма ограничено и не превышает 3–5%[1];
— интеллектуальная элита общества формируется столетиями и тысячелетиями и является самовоспроизводящей и чрезвычайно хрупкой системой;
— интеллектуал — это особый, в определенной степени искусственный тип личности, для проявления которого именно в этом его качестве требуется ряд особых условий:
  - наличие задатков (генетический фактор — абсолютное большинство интеллектуалов — прямые потомки столь же интеллектуальных родителей);
  - максимально раннее (в 3–5 лет) погружение в высокоинтеллектуальную семейную или профессиональную среду определенной направленности (химия, физика, медицина, законотворчество и т. д.), что получило наименование фактора «специфически социального наследования»;
  - максимально раннее (до 5–7 лет) выявление преобладающих способностей и склонностей, которые имеют свои периоды

[1] Причем здесь нельзя путать человеческий и интеллектуальный потенциал — 5% потенциально способных делать новые открытия, создавать новые технологии, новые изобретения, шедевры литературы и искусства — это от качественно высокой и количественно широкой интеллектуальной элиты, а не от всего населения.

«манифестации» (если конкретная способность не была замечена и не было начато ее развитие в этот период, она может быть утрачена навсегда);

- наличие талантливых учителей (одаренный ребенок, погруженный в обычную образовательную среду, в большинстве случаев очень быстро усредняется и как талант утрачивается навсегда);
- для самораскрытия и проявления творческого потенциала одаренной личности весьма существенным способствующим фактором является отсутствие у нее (или ограждение ее от) озабоченности материальными и бытовыми проблемами;
- абсолютное большинство одаренных личностей отличается высоким уровнем самоуважения, чрезмерно чувствительно к любым психотравмирующим факторам, аполитично, не склонно к сотрудничеству (в том числе с коллегами, представителями власти и т. д.);
- значительная часть высокоодаренных личностей отличается специфической моральной динамичностью (отсутствием склонности следовать принятым в обществе нормам и правилам, в том числе — в сфере сексуального поведения и т. д.).

Исходя из этих обоснованных положений, в США на протяжении почти 70 лет чрезвычайно активно работала система «приглашений» и обеспечения солидными грантами талантливых учащихся школ, стажеров, аспирантов и докторантов из зарубежных стран[2], государственная система выявления детей с «ранним умственным подъемом» (которые, как показали 40-летние исследования, в своих достижениях опережают сверстников на протяжении всей последующей жизни), государственная система школьного тестирования и создания специализированных колледжей (по важнейшим направлениями науки и техники) для особо одаренных детей (с полным и очень высоким государственным финансированием).

[2] Исключением на протяжении длительного периода был только СССР, значительно пострадавший от этой политики лишь в последние десять лет.

Самостоятельным фактором в стимуляции творческой активно научной элиты является эффективно действующее авторское право (и соответствующее ему вознаграждение).

ГДЕ РОССИЯ ПРОИГРЫВАЕТ БОЛЬШЕ ВСЕГО?

Интеллигенция и власть

Отношения интеллигенции и власти на протяжении всей истории российского государства, и особенно в течение двух последних столетий, по образному выражению Д. Лихачева [4], характеризовались некой «таинственностью». Но главным оставалось одно: власть с неизменной закономерностью уделяла внимание почти исключительно оппозиционной и послушной интеллигенции. Критически настроенная государственно-ориент ированная интеллигенция всегда оставалась невостребованной. В связи с этим на протяжении практически всей истории России у нее не было просвещенного правящего класса. Пока здесь не произошло существенных перемен. И это имеет и может иметь далеко идущие последствия. Исход культурной и научной элиты из России начался задолго до Октябрьского переворота. Герцен, Сеченов, Брюллов, Тургенев, Сикорский — лишь наиболее известные имена. Затем были «ленинские пароходы», сталинские репрессии, хрущевская «оттепель», горбачевская «перестройка», сопровождавшиеся массовой утратой научной и культурной элиты. Этот «исход» пока не имеет тенденций к снижению. Только за последнее десятилетие из России выехало более 200 тысяч ученых, и пока нет никакой социальной политики для предотвращения этой губительной для страны тенденции.

Мы можем обогнать весь мир по количеству компьютеров, как раньше были впереди по танкам и ракетам, но это не даст качественных перемен в жизни общества: 80% изобретений и открытий мирового уровня, так же как и 80% нобелевских лауреатов, будут по-прежнему в США, где действует принципиально иной и финансовый, и прежде всегосоциально-психологический климат для интеллектуалов.

К этому следует добавить, что именно интеллектуалы (а не столь популярная в России ныне артистическая элита) создают

нравственные модели поведения и социальные образцы для подражания. Они же являются катализаторами общественного оптимизма и доверия к наличной власти. Поэтому общество, утрачивающее свою интеллектуальную элиту, безусловно, может быть отнесено к реально или потенциально депрессивным. А попытки преодолеть экономическую депрессию, опираясь на депрессивное общество, следовало бы признать малопродуктивным занятием.

Литература

1. *Голофаст В.* Глобальное и локальное как контексты и как контрасты // Телескоп, № 1'2002. С. 2–8.
2. *Делягин М.* 11 сентября 2001 года: завершение формирования постсоветского мира // В сб.: Глобализация: варианты для России. Материалы круглого стола. СПб.: РосБалт, 2001. С. 38–49.
3. *Лебон Г.* Роль идей в развитии цивилизаций // В кн.: Психология масс и народов. СПб.: Макет, 1995. С. 106–138.
4. *Лихачев Д.* Знание и диктатура // Психоаналитический Вестник, № 1'1999. С. 149–161.
5. *Малашхия Г.* Тенденция гуманизации и дегуманизации экономики / Под ред. Б. Маркова, Ю. Солонина, В. Парцвания // В сб.: Отчуждение человека в перспективе глобализации мира. Вып. I. СПб.: Петрополис, 2001. С. 87–99.
6. *Марков Б.* Человек и глобализация мира / Под ред. Б. Маркова, Ю. Солонина, В. Парцвания // В сб. Отчуждение человека в перспективе глобализации мира. Вып. I. СПб.: Петрополис, 2001. С. 100–122.
7. *Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Центр психологии и психотерапии, 1996.
8. *Решетников М.* Исламское противостояние и проблема терроризма // Вестник Психоанализа, № 2'2001. С. 172–185.
9. *Сорос Дж.* Тезисы о глобализации // Вестник Европы, № 2'2001. С. 38–49
10. *Фрейд З.* Массовая психология и анализ человеческого «Я» // В кн.: Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. М.: Прогресс, 1992. С. 256–324.

11. *Эко У.* Несколько сценариев глобальной войны. http://www.antropologia.spbu.ru/xxx.
12. *Юрьев А.* Глобализация как новая форма политической власти // В сб.: Глобализация: варианты для России. Материалы круглого стола. СПб.: РосБалт, 2001. С. 38 –49.

Исламское противостояние и проблема терроризма[1]

Часть 1. ФЕНОМЕН ТЕРРОРИЗМА

Введение

Предлагаемый материал посвящен одной из актуальных проблем современной геополитики, в частности — проблеме взаимоотношений арабского мира и европейской цивилизации. При этом арабская проблема ставится в несколько нетрадиционном дискурсе и позволяет предполагать необходимость пересмотра основных способов и подходов к решению актуальных вопросов взаимоотношений с исламским миром.

Первая публикация этого материала, когда весь цивилизованный мир, за исключением значительной части мусульманского, с сочувствием и болью наблюдал за последствиями событий в США, была, возможно, несколько преждевременной, но ряд специалистов, наоборот, считал такую публикацию чрезвычайно актуальной.

Материал опирается на консультации с рядом европейских и американских специалистов, которые согласились с автором, что в настоящее время было бы неверно сосредоточить все внимание только на ситуационно выигрышном феномене терроризма, а следует взглянуть на проблему арабов как «других», которые

1 Материал был подготовлен в сентябре 2001 года и опубликован рядом изданий Москвы и Санкт-Петербурга в октября того же года.

долгие годы были своеобразной «игрушкой» в руках западных цивилизаций, сверхдержав и их спецслужб. Так, даже по мнению ряда американских экспертов, трагические события 11 сентября 2001 года отчасти являются «естественным следствием» предшествующих подходов США к политике в отношении арабских стран.

Предпринимаемая попытка осмысления не предполагает строго научного доказательства. Значительная часть проблем только формулируется или ставится, но сама постановка таких проблем имеет самостоятельное и чрезвычайно важное значение. Некоторые идеи и даже разделы имеют противоречивый характер, но нередко это отражает реальную одновременность и значимость этих противоречий.

Две тенденции современного вооруженного противостояния

Одной из особенностей современной эпохи межгосударственных и межнациональных отношений являются две основные тенденции. Первая из них заключается в том, что в сфере вооруженного противостояния явно наблюдается сдвиг в сторону все более частого возникновения локальных конфликтов с использованием «ограниченных контингентов войск» и осознание бесперспективности массовых вооруженных столкновений (стран и народов). В силу этого решающими факторами современных вооруженных конфликтов становятся небольшие по составу, но превосходно физически и психологически подготовленные, хорошо вооруженные и технически оснащенные спецподразделения, как правило, действующие при постоянной поддержке соответствующих спецслужб. Судя по всему, это тенденция в ближайшее время получит свое дальнейшее развитие.

Второй тенденцией является то очевидное обстоятельство, что современные войны и вооруженные противостояния приобретают все более затяжной характер, требуя значительных материальных ресурсов. Если обе мировые войны XX века длились не более шести лет, то последующие (современные) вооруженные конфликты растягиваются на десятилетия (Вьетнам, Афганистан, Ближний Восток и т. д.). При этом их исход нередко характеризуется специфическим феноменом «ни мира ни войны».

Условия существования террористических организаций

Одним из проявлений особенностей современного вооруженного противостояния является международный терроризм. Длительному существованию феномена современного терроризма способствует ряд объективных факторов и обстоятельств, которые можно было бы попытаться классифицировать.

1) Заинтересованность некоторых влиятельных кругов и держав в существовании терроризма и использовании его в своих экономических и политических целях.
2) Вытекающее из первого — качественное материально-техническое снабжение и стабильное финансирование. Отчасти успех любой террористической акции в значительной степени зависит от поддержки той или иной страны или крупной международной организации. Вспомним, например, что Ближний Восток долгие годы был полем «холодной войны», где США активно противодействовали столь же активной экспансии СССР и обе сверхдержавы не жалели сил и средств для поддержки и организации противоборства.
3) Обеспечение высокой военно-технической, теоретической и тактической подготовки террористов, которая обычно проводится в специальных лагерях и базах на территории (заинтересованных) зарубежных государств или даже на территории стран — участниц конфликта, в последних случаях при безусловном попустительстве (или с ведома) их собственных спецслужб (примеры также хорошо известны).
4) Предоставление террористам надежных убежищ и обеспечение функционирования ряда мест их постоянной дислокации. Здесь можно было бы упомянуть базы афганских мождахедов в Пакистане и даже убежище членов «Фракции Красной Армии» на территории бывшей ГДР.
5) Мощное идеологическое (включая религиозно-фанатическое) и политическое обеспечение деятельности террористов. Именно посредством возвышенных мотивов, религиозных установок и эффектных вооруженных акций террористические организации привлекают новое пополнение (финансовая сторона вопроса, безусловно, существенна, но не является ведущей).
6) Все более явное слияние терроризма с наркобизнесом, при безусловной ориентации на европейские и североамериканские рынки сбыта, при этом цель наркотического «порабощения» Европы и Америки уже давно никем не скрывается. Наркобизнес уже десятки лет является основным источником финансирования афганских моджахедов, таких организаций, как «Хезболлах», «Тигров освобождения Тамил Ислама» и др.
7) Менее явное, но, безусловно, присутствующее взаимодействие террористических организаций с ведущими международными корпорациями, финансово-промышленными группами и спецслужбами ведущих стан мира.
8) Упомянутая в пунктах 6 и 7 система «самофинансирования» различных террористических групп и движений должна быть дополнена еще несколькими аспектами. В первую очередь их активной «экспансией» на «криминальную среду», которая не в силах конкурировать с хорошо подготовленными, идеологически консолидированными и прекрасно вооруженными «оппонентами», которые легко вытесняют «бытовой» криминалитет из традиционных сфер его деятельности. В дополнение к уже упомянутому наркобизнесу здесь следует назвать такие высокодоходные сферы, как торговля оружием, игорный и алкогольный бизнес, а также проституция.
9) Особый фактор, пока еще очень мало учитываемый: публичность, зрелищность и обеспечение непременного участия СМИ стали обязательными условиями проведения любой террористической акции в последние годы. Вообще взаимодействие СМИ и террористов требует самостоятельного изучения.
10) Символичность и персонифицированность основных террористических актов. По мнению одного из лидеров радикального крыла Народного Фронта Освобождения Палестины, убийство одного (известного) человека в мирной обстановке (с точки зрения их задач) более эффективно, чем ликвидация сотни солдат в ходе сражения. К идее символичности (в том числе— применительно к Мировому Торговому Центру) мы еще вернемся.

11) Постоянное присутствие в качестве важнейшего императива идеи консолидации всех мусульман, где бы они не жили и гражданами какой бы страны они не являлись. В более простом виде эта идея декларируется как «Священная война», предполагающая противопоставление воинствующих исламистов всему остальному миру, что в силу специфических популяционных и миграционных процессов создает уникальную возможность для экспорта терроризма в любую страну или за океан без существенных трудностей.

Это, безусловно, далеко не полный перечень всех факторов, но противодействие терроризму предполагает осуществление такового по всем упомянутым направлениям.

Возникновение современного терроризма

Существует один немаловажный исторический парадокс — первое террористическое движение на Ближнем Востоке было создано теми, кто сейчас больше других нуждается в защите от него. В свое время израильские спецслужбы сформировали первые современные террористические организации и группы для борьбы против англичан в Палестине. Эти факты хорошо известны, в том числе в арабском мире, так же как и сведения о совершенных тогда множестве террористических акций. Практикуемый спецслужбами Израиля до настоящего времени так называемый «превентивный антитерроризм»[2] также вряд ли может быть отнесен к цивилизованным или правовым формам государственной или межгосударственной деятельности. Результаты такой деятельности Израиля неоднозначны: он является одним из основных объектов террористических актов, а израильские специалисты считаются лучшими экспертами по борьбе с терроризмом (у них есть соответствующий опыт).

Мощная материальная и финансовая база и, как правило, негласная государственная поддержка, которые уже упоминались,

[2] Имеется в виду уничтожение потенциальных террористов при получении сведений о планирующихся или обсуждаемых в перспективе терактов без суда и следствия. Доказательность таких сведений всегда является гипотетической, а они сами могут использоваться как в интересах решения частных проблем, так и в силу необходимости обоснования самого существования таких спецслужб и подразделений.

составляют главное отличие современного терроризма от его исторических аналогов.

Причины возникновения терроризма в его современном виде

Все войны и вооруженные конфликты, как известно, возникают по нескольким традиционным основаниям: борьба за власть, влияние, территорию, источники сырья или рынки сбыта (или их перераспределение), а также отстаивание национальных и культурных приоритетов, включая вопросы национально-культурной и религиозной государственности и идентичности. По силе воздействия на консолидацию масс (наций и народов) последние факторы имеют первостепенное значение.

Какова специфика этих процессов в современных условиях?

Во-первых — это невозможность для некоторых стран вести военные действия традиционным способом (в частности, с сопредельными государствами и мировыми лидерами — причины достаточно очевидны и не требуют специального обоснования).

Применительно к конкретной ситуации можно упомянуть, что большинство исламских стран не обладают адекватной военной организацией и не могут противостоять современным армиям западных государств, что наглядно продемонстрировали «дистанционные краткосрочные войны» XX века («Шестидневная война», «Буря в пустыне»). Но при этом некоторые из исламских стран обладают серьезным экономическим потенциалом, базирующимся в основном на запасах нефти. Этот экономический потенциал будет, безусловно, расти, так же как и амбиции все более активно — количественно и качественно — развивающегося исламского мира. Но пока в наличии есть средства, но нет возможностей. Это требует серьезного переосмысления в долговременной геополитической перспективе.

Во-вторых, в терроризме, как уже частично упоминалось, были и продолжают быть заинтересованными конкретные политические лидеры и руководители некоторых режимов и государств, которые уже не раз прибегали к использованию террористических организаций в качестве инструмента своей (тайной) политической деятельности, в первую очередь — для дестабилизации враждебных или сомнительных режимов.

Характерно, что обычно такая «дестабилизация» сопровождалась всеобъемлющей информационной поддержкой «независимых» и государственных СМИ, облекаемой в форму содействия национально-освободительным или национально-охранительным движениям. Например, со стороны СССР — на Ближнем Востоке, в Восточной Европе, Азии и Африке, а также — на Кубе, со стороны США — в Европе, Латинской Америке и т. д.

И это не было «советским» или американским изобретением. Так, например, еще в прошлом веке спецслужбы Великобритании активно поддерживали басмаческое движение в Средней Азии. Здесь же уместно вспомнить знаменитый «ирангейт», когда ЦРУ на деньги, вырученные от продажи оружия Ирану, финансировало движения «контрас» в Никарагуа, члены которого вели вооруженную борьбу против своего правительства. В 70–80-е годы Израиль активно и, разумеется, тайно поддерживал арабских фундаменталистов из «Исламского движения сопротивления» и «Хамаза», в надежде, что последние помогут справиться им с левым крылом Организации Освобождения Палестины. Те вначале вроде бы выполняли свои «обязательства», но затем переключились на Израиль. Следующий пример — «Джихад» в Афганистане, куда ЦРУ вложило около 3 млрд долларов, и, как было недавно признано — это, вне сомнения, крупнейшая со времен Второй Мировой войны операция спецслужб США и Великобритании. После вывода советских войск из Афганистана США активно помогали талибам в их борьбе против правительства Рабани и так называемого «Северного альянса». Сейчас США готовятся если не к войне, то, во всяком случае, к массированным военным действиям против тех же талибов. Психологические составляющие и последствия такой (мягко говоря, непоследовательной) политики будут рассмотрены ниже.

Эта политика сейчас только начинает пересматриваться. Но то, что события 11 сентября здесь что-то качественно или быстро изменят, представляется весьма сомнительным.

Проблемы борьбы с терроризмом

Основная проблема борьбы с терроризмом заключается в том, что до настоящего времени она в качестве таковой, строго говоря, не очень ставилась. Косвенным свидетельством этого

является то, что международное сообщество на протяжении 15 лет не могло дать четкого и ясного определения: что такое терроризм и террористический акт?

Как известно, в 1986 году ООН уже приняла резолюцию, согласно которой все террористические акты объявлялись преступлением, но в этой резолюции отсутствовало само определение террористического акта.

Сейчас уже никто не отрицает необходимости консолидированных усилий всего международного сообщества. При этом совершенно справедливо подчеркивается, что «терроризм давно стал интернациональным и обезличенным», что он «не имеет своего лица или нации». Это очень важная констатация, но все-таки она имеет определенную декларативность, так как мы не можем отрицать, что наряду с «просто терроризмом» есть очень специфический «арабский терроризм». Попытка вскрыть причины этой специфической «национальной окраски» будет предпринята ниже.

Сейчас же было бы важно понять и признать, что именно международное согласие, а если быть еще более точным — отсутствие такового, будет главным препятствием для разработки международных антитеррористических актов и акций. Причина многомерна хотя бы потому, что для некоторых (далеко не единичных) государств признать существование подобных документов, принятых международным сообществом, будет означать расписаться в собственной неблаговидной деятельности. Здесь, безусловно, будет нужен определенный компромисс относительно предшествующего периода, позволяющий некоторым странам и их руководителям «сохранить свое лицо».

Вторым существенным аспектом международного правового решения проблемы, вне всякого сомнения, станет сугубо политический (и для многих стран — сугубо ситуационный) вопрос: где грань между акциями «городских партизан» или представителей тех или иных национально-освободительных движений и террористическими актами экстремистских групп правого или левого (партийного, религиозного или иного) толка? Достаточно вспомнить «рейд Басаева» и события в Буденновске. В России это оценивалось как террористическая акция, сам Басаев именовал ее «диверсионным рейдом в тыл противника», мировое (в том числе цивилизованное) сообщество заняло, как известно, весьма неоднозначную позицию. И это притом, что здесь было абсолютно очевидным нарушение всех международных норм

и правил, ибо даже во время полномасштабной войны сохраняются различия между уничтожением противника на поле боя и убийством мирных граждан или расстрелом безоружных пленных.

Есть ощущение, что, несмотря на трагические событие, пока еще не воспринято в полной мере то, что исламские фундаменталисты заявляют во всеуслышание: они борются против национальных и религиозных притеснений *и будут использовать для этого любые доступные им возможности и средства*. К первой (не выделенной) части этого тезиса будет целесообразно еще раз вернуться, так как это не совсем так (а возможно, и совсем не так).

Терроризм, безусловно, должен нести ответственность за свои преступления. Безусловно, необходимы четкие определения того, что есть террористическая деятельности и осуждение стран, которые прямо или косвенно финансируют, готовят, скрывают или даже просто «покрывают» террористов. Необходимо новое международное право в области регулирования военных действий и конфликтов. Старые нормы и правила, сложившиеся в послевоенный период, уже не соответствуют реалиям современного мира, в практику которого в последние десятилетия уже прочно вошло новое понятие «неконвенциональной войны».

Сейчас, после «американской трагедии», мировое сообщество как никогда ранее могло бы инициировать новую постановку и новые подходы к решению этих вопросов.

Но за решительными и жесткими действиями операции возмездия и, скорее всего, последующими ответными акциями этот момент и этот императив могут быть упущены (на многие годы).

Часть 2. ГЕОПОЛИТИКА И ИСЛАМСКАЯ ПРОБЛЕМА (ПОПЫТКА ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИСЛАМСКОГО МИРА)

Стоит все-таки надеяться, что пройдет немного времени и после завершения операции возмездия наступит период для более спокойного и более глубокого изучения и анализа современной ситуации в мире.

Предваряя изложенное ниже, нужно сразу отметить, что здесь нет ни малейшей попытки оправдать терроризм. Но многолетняя практика (в том числе участие в ряде международных комиссий по национальному примирению) много раз предлагала ситуации,

когда нужно было стать на позицию или даже принять на какое-то время (как свою собственную) точку зрения оппонента и взглянуть (в том числе на самого себя) его глазами.

Совсем немного статистики[3]

В современном мире живет около 60% представителей арабско-азиатской цивилизации и около 21% европейской. Лишь около 30% населения Земли являются белыми, а 70% — нет. Примерное такое же соотношение всех христиан и представителей других конфессий (30% к 70%), среди которых безусловным идеологическим лидером является ислам. По прогнозам демографов, социологов и геополитиков, в XXI веке это соотношение будет интенсивно меняться с сохранением тенденции к росту арабского мира и его единства на основе осознания общности интересов и проблем (при этом религиозное единство, как своеобразный политический фактор, может быть более лабильным).

Об арабской экспансии

В последние десятилетия во всем мире все чаще звучат тезисы об «исламском наступлении» и «арабской экспансии» в Европу и Америку. Тревогу по поводу постоянного роста числа граждан — «неевропейцев» можно обнаружить и в Париже, и в Лондоне, и в нейтральном Стокгольме, и в США, и в России. Может быть, стоило бы задуматься — почему эти характеристики имеют такой «фронтовой» характер: «наступление», «экспансия»? Почему межнациональные конфликты возникают и с такой закономерностью повторяются в таких, казалось бы, мало сопоставимых регионах мира — на Ближнем Востоке, в Югославии, на постсоветском Кавказе... Почему «вдруг» у терроризма появилось почти исключительно исламское лицо?

Может быть, стоило бы признать, что речь идет о столкновении двух цивилизаций? У одной из которых нет (пока нет!) возможности открыто противостоять лидирующей (европейской), например, в традиционных формах политического или военного давления, но

[3] Автор не имеет абсолютно точных данных, но в целом отличие от реальной ситуации не превышает погрешности в 1–3 %.

уже есть финансовые возможности, ресурсы и амбиции заявить о своих претензиях. Не является ли все более фанатичный исламский фундаментализм, усиленно культивирующий пренебрежение к смерти и нетерпимость к иноверцам, лишь фасадным проявлением неких более глубоких процессов?

И еще один не менее важный вопрос: будут ли военные, полицейские и иные меры устрашения и подавления, которые, безусловно, потребуют миллиардных затрат, эффективными?

Вероятно, скорее всего, будут, ибо уважение к силе составляет одну из архетипических характеристик исламского менталитета. Но будет ли это эффективным в долгосрочной (исторической) перспективе?

Даже если исходить из циничного тезиса о том, что экологический планетарный кризис в первую очередь коснется популяции развивающихся стран, арабское население Европы и Америки, безусловно, будет прогрессивно расти.

Может быть, мы все еще пытаемся анализировать, безусловно, ужасающие любого здравомыслящего человека, но — следствия? А причины остаются ускользающими от нашего внимания или даже более того: мы не хотим их видеть?

Может быть, стоило бы признать, что все эти конфликты являются результатом различий и даже несопоставимости представлений о том, что есть справедливость и прогресс (в европейской и арабской культуре)? Убийство позволительно только в отношении тех, кого не считаешь людьми... Для подобных (находящихся вне запретов культуры ситуаций) обычно изобретаются или стихийно входят в язык специальные определения типа «нацист», «фашист»... Неужели в исламском фундаментализме такой же оттенок приобрело слово «иноверец», «европеец» или «американец»? Почему они нас так ненавидят?

А любим ли мы (европейцы) их? Так ли уж искренни наши подходы к ним, наши оценки их повседневности, культуры, обычаев, религиозных взглядов и ...наши мирные инициативы? Является ли вообще «любовь» политической категорией?

Может быть, нам стоило бы чаще вспоминать о десятилетиях косвенной колонизации, притеснений, преследований и блокад полунищих стран и народов, в том числе за неприемлемое для нас — европейцев (или считающих себя таковыми) — инакомыслие, которое не могло не спровоцировать ненависть и насилие? Действие рождает противодействие.

Что происходит с евроцентризмом?

Обратимся к нашему времени. Евроцентризм и (его преемник) американоцентризм во взглядах на то, что есть прогресс и цивилизация, в стиле мышления, политике и, соответственно, современных моделях мирных инициатив остаются преобладающими и... традиционно европейскими. И в общем-то, неудивительно, что эти «мирные инициативы» остаются неприемлемыми для народов Азии, Ближнего Востока и Кавказа.

Для всего мира, который мы (отчасти нарциссически) привыкли именовать цивилизованным, приемлемы, а для них — нет? Почему? Потому что это немного, а, скорее, даже качественно иная цивилизация. Они вообще — другие: другая культура, иная традиция, непонятная для нас символика и ментальность (которая в первую очередь определяет преобладающие способы постановки и решения всех вопросов и задач — от бытовой повседневности до глобально политических).

На вопрос, вынесенный в заголовок, здесь нет ответа (есть только вопрос). Уже хотя бы потому, что те же европейские мирные инициативы (неприемлемые для воинствующих исламистов) одновременно оказываются приемлемыми для других неевропейских (качественно иных) цивилизаций, также переживших столетия колонизации и притеснений. Например, Индии или Китая. Но и их позиция пока не очень очевидна, и по историческим меркам, упоминаемые периоды притеснений: для них — как представляется со стороны, это все-таки то, что было уже «давно». И с тех пор мир существенно изменился. Что именно изменилось? Все ли эти изменения учтены? Не устарел ли традиционный (прежде всего политический) евроцентризм? Одинаково ли отношение к прошлым историческим «недоразумениям» и «естественным» (для давних времен) ситуациям обидчиков и обиженных? Что есть давнее, а что — нет для конкретных народов? Как это проецируется на все прошлое, и еще важнее — на перспективное будущее?

Совсем недавно в выступлении одного из политологов на радио прозвучало примерно следующее: «Если мы (европейская цивилизация) хотим сохранить наше лидирующее положение, нам следовало бы пересмотреть западные стандарты и способы разрешения конфликтов в отношении арабских стран...» Ключевой фразой здесь было, безусловно: «Если мы хотим...» Но, как

представляется, это нужно делать в любом случае и без всяческих ссылок на желание «сохранить лидирующее положение». Потому что, если это не будет осознано как то, что «нужно сделать», это проблема все равно появится, но уже в варианте того, что «придется делать». А это, как хорошо понимают политики, качественно иная моральная и нравственная ситуация. И еще один вопрос: а если мы не сможем (пусть и в далекой исторической перспективе) сохранить свое лидирующее положение? Что тогда? Неужто станем исходить из принципа: «пусть все будет как есть, или вообще не будет»?

Историческая перспектива

В исторической перспективе (примерно через 100 лет), хотя здесь все достаточно зыбко и весьма дискуссионно, европейцы будут составлять лишь около 10—15% популяции планеты. Представляется крайне маловероятным, что к этому периоду столь же определяющими (в глобальном масштабе) останутся все те же полузакрытые «клубы лидеров» (семерок или «восьмерок» — второй смысл последнего термина хорошо известен велосипедистам и упоминается здесь не случайно). Не оказались ли мы в некоторой степени заложниками и не запутались ли слегка в экономических и политических системах двойных стандартов для сверхдержав и развивающихся стран? Не окажется ли однажды, что 90% населения планеты живет в уже упомянутых, все более густонаселенных, странах или — того хуже — в «странах-изгоях»?

Стоит ли об этом подумать? Какие здесь возможны решения? Одно из них недавно высказал мой знакомый — добродушнейший и бесхитростный человек: «А может быть, лучше бы “сделать их поменьше”?» И это не такая уж редкая или «свежая» идея...

Российские, европейские и американские академические институты и дипломатические ведомства, а также ведущие международные организации, включая ООН, разрабатывают и пытаются реализовать все более эффективные (на их взгляд) модели разрешения конфликтов в обществах и государствах, надгосударственных и наднациональных сообществах, культура и традиции которых не только существенно отличаются, а нередко вообще не сопоставимы с культурой и традицией разработчиков. Это отчасти та же «хрущевская кукуруза» в нечерноземье или акклиматизация апельсинов в Норильске.

Эффект этих разработок в значительной степени предсказуем, и наиболее вероятной или сравнимой моделью является результат законодательного запрета многоженства в Ингушетии. Запрет существует сам по себе, а повседневность — сама по себе. Такие запреты и принуждение к следованию определенным моделям, безусловно, с некоторым полупрезрительным отношением и даже отвращением будут выполняться политической элитой (всегда — более зависимой), но не народом. При этом национальная мораль и ментальность всегда будут отчасти или совершенно несопоставимыми с официальной точкой зрения. Самый яркий пример: это печальный, по-европейски выражающий соболезнования американскому народу Ясир Арафат и ликующий народ Палестины 11 сентября 2001 года...

Конечно, любой закон и право должно гарантироваться в том числе легитимным насилием со стороны государств или международных сообществ. Это их (и государств, и сообществ) — одна из основных функций. Но отношение (еще раз повторим) к легитимности этих функций требует изучения и новых подходов.

Упомянутое выше (с европейской точки зрения, кощунственное) ликование, как и сами трагические события 11 сентября, вне всякого сомнения, вызывало диаметрально противоположные чувства в Европе и Америке и в исламском мире. И здесь мы снова сталкивается с различием «точек отсчета», оценок и точек зрения.

Ключевым является очень непростой вопрос: может ли вообще какой-либо народ принять негативную внешнюю оценку своей культуры и традиции (пусть даже косвенную, существующую только на бытовом уровне)? И даже если это удалось с тезисом об «империи зла», возможен ли тот же эффект от провозглашения «стран-изгоев», в каждой из которых есть еще и народ? Можно ли предсказать, как такой «народ-изгой», нередко — окруженный экономической и информационной блокадой, будет реагировать на угрожающе-увещевательные предложения отказаться от своей культуры и традиции, своих амбиций, от любви к своим лидерам, приверженности своим идеалам, а также тейпам, родовым кланам или племенам, от своих (нередко, малопонятных нам — европейцам) представлений о чести и достоинстве, мести и возмездии? Этот вопрос следовало бы повторить еще раз, но уже

на фоне, безусловно, присущего некоторым из нынешних «изгоев» осознания собственной силы, большинства и растущей значимости в современном, в том числе евро-американском, мире.

Даже такое, казалось бы, по-европейски цивилизованное государство, как Израиль, в некотором смысле — со всех сторон окруженный врагами и функционирующий в условиях перманентной войны, не очень-то прислушивается к советам евро-американской дипломатии. Почему?

Безусловно ли наше лидерство?

Осознавая свое безусловное лидерство в современной цивилизации, мы (европейцы), тем не менее должны были бы признать, что пришли к началу XXI века со своим очень противоречивым и пока малоосмысленным историческим багажом и... с нарциссической уверенностью в неизбывном желании «всего прогрессивного человечества» присоединения к нашей европейской культуре и ценностям. Так ли это на самом деле?

Если да, то почему тогда быстрорастущее арабское население мировых столиц (Парижа и Лондона, Нью-Йорка и Стокгольма и т. д.), резко сменив национальные одежды на европейский костюм и в срочном порядке приобщившись к техническим благам нашей цивилизации, не проявляет такой же поспешности в изменении структуры повседневности — обычаев, традиций и ритуалов, не поощряет смешанные браки, трепетно поддерживая родовые и семейные связи, сохраняя самобытность культуры и языка и связи со своими историческими родинами? Здесь мы еще раз возвращаемся к необходимости переосмысления того, что происходит в быстрорастущем количественно и качественно и начинающем осознавать свою политическую и историческую перспективу исламском мире.

Американский коллега, с которым обсуждался этот материал, легко согласился с предыдущим абзацем, но заметил, что все это справедливо только для первого поколения выходцев из арабских стран. Второе поколение, по его мнению, — это уже типичные американцы. На вопрос: «Много ли у него знакомых среди арабов?», ответ был: «Не очень». На второй вопрос: «Есть ли среди них у него друзья?» — ответ был еще более кратким: «Нет». И на третий: «Допускает ли он вероятность породниться с кем-либо из арабов, скажем, в результате брака его детей или внуков?» — ответ был: «Теоретически это возможно».

Как представляется, и в первом, и во втором поколении, где бы выходцы из арабских стран (в силу тех или иных причин) не жили, проблемы исламского мира никогда не будут для них внешними. И фактором, способствующим этому, будет наша (в чем-то по-европейски снисходительная) «особая осторожность» в установлении контактов с этой частью граждан наших стран. Но чем дальше, тем больше они будут влиять и на оценку этих проблем, и на подходы к их разрешению, в том числе через законодательные органы, если только новая «гримаса демократии» не лишит растущее (и в перспективе — преобладающее) неевропейское население Европы и Америки права избирать и быть избранными.

Возможен ли стабильный мир?

Что необходимо для установления стабильного мира на стыках исламской и неисламских культур? Это очень большой и очень больной вопрос. Мир, который будет восприниматься как ущемление прав или наказание за причиненный ущерб или как результат вынужденного соглашения и повиновения под влиянием мощи стран-примирительниц или внешней угрозы, никогда не будет долгим. Самый яркий пример — Кэмп-Дэвидское соглашение (так и не получившее в общественном мнении иного понятийного статуса — только «соглашение»[1]). И это естественно, так как большинство арабов восприняли его как временную меру, основанную на соглашательской позиции (прозападных и проамериканских) правительственных структур своих стран и даже как предательство интересов арабов.

Самое главное, что при этом не был решен ключевой вопрос — как восстановить честь и достоинство обеих сторон? Как найти конструктивные принципы, которые обеими сторонами (точнее — народами, а не только их правительствами) оценивались бы в качестве справедливых и безусловно приемлемых?

В силу нерешенности этих ключевых вопросов, с точки зрения

[1]Более близкий нам пример — Хасавюртское соглашение.

широких масс региона (в том числе — неправительственных и даже неподконтрольных правительствам этих стран структур, коих огромное множество в арабском мире), и процедура, и исход упомянутого выше и иных соглашений о перемирии оценивались и оцениваются как нечто очень «западное», не апеллирующее к национальным интересам арабов и... не имеющее для них существенного значения.

Для большинства на Ближнем Востоке предлагавшиеся и предлагаемые программы разрешения конфликтов — не более чем отвлеченные схемы, придуманные кем-то в США или Европе, исходя из их (евро-американских) интересов и представлений (о том, что есть благо для, например, арабов).

В некоторых конфликтах посредниками выступали ближневосточные страны, но они также — так или иначе — всегда были вовлеченными в эти конфликты. В силу этого все более явно встает проблема незаинтересованной «третьей» мощной силы, которая не идентифицировалась бы ни с Западом, ни с Востоком. Что это может быть? Пока неизвестно, но требует исследования. Но это, как показывает предварительная оценка, скорее всего, будет уже не ООН в его нынешнем облике, которая даже в демократической России воспринимается большинством почти как сугубо американский институт.

Во всех подобных случаях также нужны аналитические исследования глубинных психологических корней того или иного (иногда в полном смысле — длящегося с добиблейских времен) конфликта, истоки которого не поддаются логическому объяснению или пониманию и требуют специальных исследований с использованием знаний об иррациональных аспектах индивидуального и группового поведения, а также мистическом содержании и смысле обычаев и ритуалов.

Ограниченность западных моделей

Неприменимость западных моделей разрешения конфликтов в незападных странах становится все более очевидной. Специалисты в этой области все чаще вспоминают о необходимость учета национальных архетипов, установок, стереотипов эмоциональных реакций, специфики истории страны, особенностей национальной

традиции и местных ритуалов разрешения конфликтов в арабо-исламских обществах.

У европейцев, например, нет традиции кровной мести, но примирение пострадавшей и виновной сторон при уголовном преследовании убийцы законодательно исключено. А во многих исламских странах такое примирение между семьей убитого и убийцей возможно и даже — нередко, включая обязательность совместной трапезы сторон после улаживания дела (без всякого суда и следствия). Характерно, что в таких ситуациях и ритуалах примирения в исламской культуре обязательна не только моральная и материальная компенсация (так называемые «кровные деньги») семье жертвы, но и защита чести и достоинства семьи убийцы.

Нам нужно было бы более серьезно изучать не только официальное арабское право (тяготеющее к просвещенному европейскому), но и традиционные схемы и ритуалы примирения в этих странах, включая такие, на первый взгляд, малозначимые вещи, как «традиционные символические словари» конкретных народов и вовлеченных в конфликты племен и тейпов, где все еще преобладают «частные варианты правосудия». Эти «варианты» и соответствующие им ритуалы находятся вне государственного контроля, но при этом они нередко даже негласно поощряются государством в отдаленных (и труднодоступных горных или пустынных) местностях, где контроль государства практически отсутствует и существует почти первобытнообщинный патриархат и ориентация на традиционные религиозные ценности.

Исламские страны и граждане

Вероятно, следовало бы принять как объективную реальность, что в большинстве исламских стран пока практически нет граждан в европейском понимании этого слова, не говоря уже о неком «гражданском обществе». То есть люди там не связаны между собой и с государством той или иной — легитимной и единой для всех — системой прав, обязанностей и обязательств. В тех или иных общинах такие правила устанавливаются племенными или религиозными лидерами, по собственному усмотрению и прецеденту, с учетом культурной и религиозной традиции, но никак не закона или — уж тем более — далекого, как Луна, международного права.

Более того, в ряде исламских государств можно найти множество примеров весьма вольной интерпретации законов собственной страны, что в целом естественно для обществ, разделенных на секты и племена. Ни для кого не секрет всепроникающая коррупция во многих, если не в почти всех из этих стран. И закон здесь (в индивидуальном сознании граждан) — это то, что имеет значение (или выгодно) только для могущественных и богатых, покровительство которых всегда может обеспечить его (закона) индивидуальное применение или даже неприменение, в силу асимметричных отношений между властными структурами «бесконечно далеких» столиц и реальной власти местных лидеров в труднодоступных окраинных регионах.

Тенденция к «гомогенизации» и гуманизации международного права и законов в отдельных странах существует, но — как действующая и одинаково справедливая реальность — эта гомогенизация возможна только в рамках подобных культур. Надгосударственные структуры (типа НАТО и даже ООН), деятельность которых органически вытекает из безусловного признания вышеупомянутой тенденции, обеспечивают более выигрышную ситуацию для частных интересов, во-первых, стран-участников и, во-вторых, стран, относящихся к одной той же или подобной (по-европейски гуманной и относительно гомогенной) культуре. Инокультурные здесь оказываются в явно дискриминационном положении. Таким образом, мы еще раз возвращаемся к уже многократно обозначенной рядом квалифицированных экспертов идее кросскультурных моделей применения законов и разрешения конфликтов и даже идее национально адаптированного законодательства в рамках одной страны, например, такой, как Россия.

Тем более что некоторые из арабских стран вообще выпадают из контекста типичных (европейских) представлений, так как эти исламские государства не являются ни «традиционными», ни «современными». Во многих из них, как уже упоминалось, вообще не может идти даже речь о каком бы то ни было гражданском обществе или диалоге. Патриархальность и почтение к старшим и власти (ближайшей власти) — их основной закон. Поэтому в ряде случаев правительства этих стран оказываются лишь весьма условно признаваемыми в качестве легитимных структур в тех или иных процедурах или соглашениях по конфликтным ситуациям, так как и устройство, и механизмы функционирования государств в исламсих странах, мягко говоря, несколько иные.

В этой связи многими экспертами все чаще отмечается целесообразность более широкого включения негосударственных участников (включая религиозные группы и племенных и клановых лидеров), которые в некоторых из арабо-исламских стран являются не менее легитимными и влиятельными структурами, чем правительства этих стран.

Процедура посредничества

В арабском мире качественно иная процедура посредничества и статус посредников, как правило, не имеющий аналога в современной европейской культуре. В некотором смысле, как не кощунственно это звучит, 11 сентября США, долгие годы претендовавшие на роль главного посредника в арабском мире и арабо-израильском конфликте, «пожали плоды» небеспристрастного, ненадежного и небескорыстного посредничества. Традиционно европейская модель «кнута и пряника» и приоритет долговременных интересов над провозглашаемыми ситуационно (и перманентно изменяющимися) принципами и «дружбами» оказались порочными. Постконфликтный мир, воспринимающийся в основной массе населения этих стран как наказание или результат признания их вины в чем бы то ни было, скорее всего, никогда не будет принят и не будет надежным или сколько-нибудь длительным.

Чтобы стать более легитимными в глазах арабов, дипломаты-посредники должны занимать более нейтральную позицию, исходя из актуальных и исторически обусловленных потребностей всех сторон и их стремления к сохранению чувства самоуважению и безопасности.

Многие арабские мусульмане и даже христиане чувствуют, что их запросы не слышат или даже игнорируют. Постоянный вопрос в арабской политике сегодня — это: «Кто гарантирует установление мира?». Это ключевой вопрос. В последние годы преимущественно одна сверхдержава — США брала на себя роль «честного агента» и «посредника». Но общественное мнение в целом — на арабском Ближнем Востоке и даже в России — не очень уверено в том, что Соединенные Штаты являются беспристрастным и честным посредником.

Скорее всего, только сами США воспринимают себя одновременно в роли и главной стабилизирующей силы, и посредника. Нет ли здесь ошибок восприятия? Эта страна с ее экономическим потенциалом могла бы играть более значительную и исторически более перспективную роль, каковой (и более выигрышной в долгосрочной перспективе) представляется позиция активного помощника и партнера.

Россия (точнее — СССР) на протяжении длительного периода (холодной войны) была наиболее близка к этой роли (партнера). А сейчас?

Мы, безусловно, можем признать и согласиться с ведущими американскими политиками и экспертами, что США длительное время не стремились к расширению своего влияния военным путем. Это было и не нужно, так как это делалось совершенно другими, с точки зрения США — цивилизованными, но не всегда абсолютно безупречными методами. Например, принцип свободы перемещения и миграции, который в первую очередь ориентирован на интеллектуальную, научную, культурную и профессиональную элиты, вне всякого сомнения носит явный протекционистский характер, так как действует преимущественно «в одном направлении» и пополняет золотой фонд интеллектуалов и генетический фонд наций и народов лишь одной или нескольких избранных стран.

Американизация или исламизация?

Мы пока еще не успели осмыслить проблему американизации европейской культуры. Тем не менее тревога по этому поводу высказывается с самым высоких трибун и в Москве, и в Париже, и в Риме. Но за этим скрывается более серьезная проблема: страх утраты групповой (в том числе национальной) идентичности. Такая же тревога (хотя пока и с меньшими основаниями) существует и в арабском мире.

Но мы пока не осознали, что кроме тревоги американизации у европейцев сейчас, возможно даже в большей мере, начинает проявляться тревога поглощения арабским населением. И то, что эта тревога пока не сформулирована, еще больше усиливает ее фон и неочевидную роль в процессе любых оценочных суждений, установок и решений в отношении исламского мира.

Здесь также требуются новые идеи и подходы. Так как «американизация или исламизация» — это не единственный выход и есть другие альтернативы.

Террористы — «преступные безумцы»

Они, несомненно, преступны, но они — не безумцы. И в этом так часто звучавшем после событий 11 сентября определении проявляется не столько попытка психиатрической диагностики или унижения, сколько выражение нашей неспособности или даже отказ от желания понять.

Попытаемся посмотреть на них незатуманенным ненавистью и презрением взглядом. Исламские террористы готовы умереть, чтобы убить тех, кого они считают своими врагами и врагами их бога. Глядя на проблему с полуатеистических или умеренно религиозных позиций, мы можем высокомерно подозревать или даже почти быть уверенными, что их лидеры преследуют ничтожные или корыстные цели. Но мы должны подумать и о тысячах других. И в соответствии с российской военной традицией уважения к противнику мы не можем не признать, что их мужество безгранично, их самопожертвование — очевидно, так же как и их коварство.

Но мы видим также, что они готовы к любым преступлениям, в том числе в отношении невинных людей. Как это может сочетаться: мужество, самопожертвование и хладнокровное убийство невинных? Ответ не так очевиден, но он есть: для них (в их религиозно-фанатическом сознании) не бывает «невинных людей». С современной точки зрения — это ужасный анахронизм и средневековое варварство. Нам кажется, что XXI век — это уже не то время, когда уместны религиозные войны, «крестовые походы» и «священная инквизиция». Но это нам так кажется.

Мы называем их «маньяками», но это также неверно, так как их поведение совершенно осмысленно и даже логично, если учитывать их веру в те каноны и принципы ислама, которые ими признаются в качестве единственно верных. Они основываются на таком толковании Корана, которое современные мусульмане не признают, но они — несовременные. И в силу непонимания этого мы недооцениваем их и всю серьезность угрозы, которую они представляют.

Противники цивилизации (проблема рядового террориста)

После 11 сентября исламский терроризм неоднократно характеризовался как противник «демократии», «враг свободы» или даже, почти по-советски, — враг «капитализма» и «мирового империализма». Это не совсем так.

В некоторых других случаях определения террористической акции в Нью-Йорке давались в еще более глобальном масштабе — это «атака на цивилизацию в целом». Такое толкование, как представляется, уводит нас еще дальше от истины.

Рядовой исламский террорист, скорее всего, даже не помышляет об этих дорогих нашему сознанию завоеваниях последних столетий, уже хотя бы потому, что сами эти слова ничего для него не значат. И хотя он чаще всего не знает понятия «цивилизация», он не ставит своей целью уничтожения ее как целого. Он нападает именно на нашу цивилизацию, а если быть еще более точным — на нашу современность, которую он ненавидит и боится и которую... презирает.

Ибо (если сместить точку зрения на противоположную) там, где мы видим государство с современной экономикой, свободой, равенством, терпимостью, процветанием, он видит безбожие, разврат, плутократию, пьянство, взяточничество, беззаконие, непреодолимый контраст роскоши и нищеты, отвратительное его сознанию «порно», бесконечные привилегии и прочие пороки современной цивилизации. Мы знаем, что это есть, но для нас — не это главное. А он так не считает. Он искренне ненавидит наше общество потребления, и не только или вообще не потому, что ему недоступны его блага. Многие из террористов (и не только Бен Ладен) достаточно обеспечены, чтобы иметь все это. Продажность цивилизованного мира — вот главный его порок, который они ненавидят больше всего.

Символизм трагедии 11 сентября

Исходя из предшествующего тезиса, выбор в качестве объекта № 1 Всемирного Торгового Центра был вовсе не случаен. И безусловно, что эта атака и предупреждение адресовались не только Америке, так как исходно было ясно, что при такой атаке ни одна из ведущих стран мира не сможет избежать жертв среди ее граждан.

Но при этом — не любых граждан, а наиболее активно вовлеченных во всемирную торговлю или (в их понимании) — «всеобщую продажность». Это, как представляется, главный символический смысл вероломного нападения.

Еще об одной ошибке восприятия

Некоторые аналитики предлагают увидеть «корень проблемы» в неравномерности распределения мировых благ и надеются, что если бы мы были с ними «помягче», «подобрее» или «подельчивее», они, возможно, также были бы более склонны к переговорам и сотрудничеству. Как представляется, это серьезное и опасное заблуждение. «Социальная работа» для бедных, маргиналов, окраин и трущоб — это инструмент, относительно эффективно действующий в рамках нашей цивилизации (и в отношении только определенной группы населения — в значительной степени деидеологизированной и жаждущей хоть какого-то перераспределения, так как другого выхода ей никто уже давно не предполагает). Но акции террористов не имеют ничего общего с хулиганством, типичной поножовщиной или периодической стрельбой в обозленных кварталах обездоленной городской бедноты.

Исламские радикалы, скорее всего, совершенно не озабочены тем, что им не досталось чего-то или досталось слишком мало от «большого куска» нашей красивой, благоухающей и аппетитной современности. Потому что на самом деле, как уже упоминалось выше, ими движет отвращение к современности.

Мы – только «побочная» цель

Для исламского фундаментализма мы, безусловно, не главный враг. Фундаментализм и ислам — вот две противоборствующие стороны, и таким образом, мы должны понимать, что речь идет прежде всего о «внутриисламской» проблеме. Мы — лишь «побочная цель», которая виновна хотя бы уже в том, что соблазняет часть мусульман ненавистной фундаменталистам современностью. И именно современность является главным объектом нападения. Конечная цель борьбы — не мы, не чуждые им евреи или прочие народы Ближнего Востока, а все мусульмане.

Их врагами являются все государства, включая последовательно арабские, которые (с их точки зрения) уже испорчены своим сотрудничеством с современностью. Это пока не декларируется. И может быть, до этого и не дойдет, если... (нет ответа, так как таких «если» десятки).

Эти государства пока занимают выжидательные позиции. При позитивном исходе нынешней международной ситуации дипломатам придется многие годы ходить по тонкому льду идей антифундаменталистской коалиции, с постоянной демонстрацией уважения к арабскому единству и гарантий гражданских прав всем нейтральным мусульманам, где бы они не жили.

Как отзовется операция возмездия в этом мире? Так ли уж нелогично было бы ожидать сплочения мусульман Ближнего Востока или хотя бы простого сочувствия единоплеменникам перед внешней угрозой?

Новейшие реалии военной и геополитики

«Звездные войны» и другие системы обороны и нападения становятся детскими игрушками, ибо события 11 сентября со всей очевидностью продемонстрировали, насколько уязвима наша современность. А наша гордость (высокие технологии), как оказалось — это в равной степени: и гарантия нашей защищенности, и легкая доступность для противника самых мощных орудий разрушения в нашем глубоком тылу. Это принципиально новый вид ведения войн, к которому мы пока не готовы. Но надежда на то, что этот однажды изобретенный и успешно апробированный вид ведения боевых действия будет предан забвению — это иллюзия.

Ошибки и просчеты здесь недопустимы. Противостояние (не хотелось бы, чтобы борьба) будет долгим, потому что ни современность, ни радикальный исламизм не могут исчезнуть.

Что происходит с парламентаризмом и демократией?[1]

В ноябре 2002 года в Санкт-Петербурге был проведен интерактивный опрос о доверии к парламентариям, и оказалось, что лишь 5% населения считают, что депутаты всех уровней идут в политику, преследуя общественные интересы, а 95% уверены, что исключительно личные. Еще пять лет назад соотношение было близко к 50 на 50. Эта специфика изменения общественного мнения проявляется и в хорошо известном последовательном снижении электоральной активности за последние годы, и эта, безусловно, печальная динамика может иметь много ситуационных причин и объяснений, но, возможно, здесь следовало бы сделать попытку взглянуть на проблему более широко.

А именно: «Что происходит с парламентскими институтами?» Я попытался поискать ответ, но не могу сказать, что нашел его. Поэтому все изложенное ниже носит дискуссионный характер.

Каждый общественный институт имеет какое-то символическое выражение или идею, лежащую в его основе. После консультаций с несколькими квалифицированными экспертами я пришел к выводу, что таким символическим выражением идеи современного парламентаризма стал в свое время лозунг: «Свобода, равенство, братство»[2].

---

[1] Доклад на Международном семинаре парламентариев Европы «Конституционный статус верхних палат Парламентов», Москва, Совет Федерации РФ, 17–18 октября 2002 г.

[2] Мы здесь не будем касаться демократических принципов Древней Греции, где демократия носила исходно элитарный характер, а также особенностей английского парламента, который строился на принципиально иных основаниях.

Я позволю себе напомнить, что этот принцип общественного устройства был выдвинут и обоснован французскими просветителями Руссо, Вольтером, Дидро и др. еще в XVIII веке. И со времен Французской революции (1789–1794) стал стержнем новой мировой идеологии — идеологии Нового времени, и хотя мы с вами живем в Новейшей истории, эти принципы пока никем не пересматривались, а обозначение нашей эпохи в качестве «Новейшей» фактически подчеркивало преемственность или наследование принципов Нового времени.

В то, уже давнее, время (на фоне привилегий высших сословий, деспотического контроля государства и духовного гнета церкви) свобода воспринималась как настоятельная необходимость. Более того, в обществе сложился идеал ничем не ограниченной свободы, которая, как считалось, отвечает естественным потребностям человеческого духа и естественному порядку вещей. Естественность, разум и свобода духа становятся основными идеалами эпохи Просвещения. И хотя эпоха Просвещения закончилась к началу XIX века, но идеалы остались и продолжали определять общественные мнение и общественное устройство Новейшей истории.

Я позволю себе также напомнить, что понятие свободы трактовалось в нескольких смыслах, но прежде всего — в экономическом, политическом и этическом. В экономическом смысле свобода означала резкое снижение зависимости личности от государственной власти. В политическом — она понималась как право поступать по собственной воле. В этическом — по сути, предлагала новую веру: в величие свободы духа и свободной личности.

Последний тезис априори предполагал *естественное (или природное) равенство всех людей, а все имеющиеся формы неравенства рассматривались как искусственные, обусловленные сложившейся в обществе несправедливостью, пережитками и предрассудками, а также воздействием морально устаревших социальных институтов. Считалось, что достаточно освободиться от этих институтов, как человек проявится во всем величии своих духовных и физических сил (отчасти именно эти идеи лежали в основе всех революционных потрясений в России и других странах в начале прошлого века).*

И здесь было первое и глубочайшее заблуждение, ибо, как убедительно доказано современной наукой, а также всем историческим

и социальным опытом человечества, люди не равны по своим физическим, интеллектуальным и духовным качествам, и с этим, как отмечал даже Карл Маркс, «ничего нельзя поделать». Тем не менее на протяжении двух последних столетий критерием развития европейской цивилизации оставалась апелляция к тем правам и свободам, которые были записаны сначала во французской революционной «Декларации прав человека и гражданина», а затем, уже в середине XX века, — во «Всеобщей декларации прав человека».

И хотя провозглашенные принципы «Свободы, равенства и братства» фактически никогда не пересматривались, в XX веке они претерпели существенные изменения. Но пока — не были переосмыслены. Либеральная идеология, появившаяся как преемница идей Просвещения и провозглашающая приоритеты прежде всего экономической свободы (следствием чего стало еще более явное неравенство), закономерно привела к появлению социал-демократических, а затем и коммунистических идей.

Причина достаточно очевидна — дегуманизация идей Просвещения, из которых постепенно «выхолащивались» «равенство и братство» и, по сути, осталась только идея экономической свободы, обретшая новое звучание в иллюзорно-спекулятивном лозунге «равенства возможностей». В результате на смену идей «всеобщего равенства и братства» появились идеи «пролетарской солидарности», «пролетарского братства», «социалистического единства» и т. д. Эта попытка регуманизации общественных отношений (в форме социалистических и коммунистических идей) вначале получила огромную поддержку в первой половине XX века, а затем была последовательно профанирована «социалистическим строительством»... И это естественно. Прежде всего потому, что природному неравенству людей ничего не было и не могло быть противопоставлено.

Я не буду здесь напоминать, сколько братской крови было пролито «под знаменами» этих идей. Казалось бы, они уже не так важны. Но в результате этих воинствующих идей и страха их повторения в мировом сообществе была сформирована новая мораль — мораль силы, безапелляционная и беспощадная. Мы хорошо помним ее по периоду холодной войны, когда сформулированный еще в XVII веке принцип «цель оправдывает средства» давал право на все.

Можем ли мы признать, что эта мораль уже не действует?

Пережил ли мир «упоительность разрушительного созидания» и примитивную модель взаимодействия только по принципу разделения на «друзей и врагов»? Не является ли столь популярное сейчас и пугающее «фундаменталистское единство» лишь еще одной из форм исторического реагирования на утрату идей «всеобщего человеческого братства» и того, что (пока, безусловно, лидирующая) европейская цивилизация не смогла предложить сколько-нибудь адекватных Новейшей истории лозунгов и нравственных ориентиров?

Я попробую дополнить и расширить этот тезис. Как известно, никто не понимает друг друга лучше, чем бывшие враги. Всего один комментарий с этой точки зрения. К началу 90-х наш бывший враг № 1 остался в гордом одиночестве, со всеми своими вооружениями и военными доктринами, но без противника (и фактически без реальной победы). Что, безусловно, должно вызвать ощущение некой опустошенности и потребности замены. Замена нашлась. Найти врага всегда проще, чем друга. Но были ли найдены хоть какие-то новые идеи, объединяющие нас не против кого-то, а ради чего-то?

Я позволю себе еще раз напомнить очевидные вещи: в историческом аспекте власть всегда начиналась с силы и удерживалась по формуле «кто — кого?». Затем появилась ее вторая составляющая — право, базирующееся как на прямом наследовании, так и на преемственности власти. В последние века, с появлением парламентских институтов, в цивилизованных странах власть базировалась уже не столько на силе, сколько на морально выверенном праве, идеях нравственности и просвещенном знании. Нет ли у нас, в начале XXI века, ощущения, что тезис о том, что сила (как во внешней, так и во внутренней политике) является лишь вспомогательным (или крайним) аргументом, сейчас подвергается переоценке? Количественный и качественный рост право- и государственно-охранительного аппарата идет практически во всех странах, включая самые демократические.

Если для поддержания демократии требуется все больше сил и средств, не устарел ли морально этот институт общественного устройства? Не кроется ли в фетишизации принципа «всеобщего и равного избирательного права» (например, для политика-профессионала, просвещенного гражданина, бомжа и подследственного рецидивиста) лишь его безусловная приемлемость для фактически ничем не ограниченного манипулирования общественным мнением? Не является ли воинствующий фундаменталистский экстремизм лишь внешним выражением реакции на идеологическую (внутреннюю) слабость действующей политической системы европейской цивилизации?

Во всех демократических странах, включая Россию, все меньше и меньше тех, кто участвует в выборах, в связи с чем законодатели последовательно снижают «барьер явки» — уже до 25 и даже 20%. У меня возникает вопрос: как долго мы будем не придавать этому значения? До 15, до 10 или до 5%? Таким образом, те, из кого затем рекрутируются министры и президенты и кому доверяются судьбы человечества, будут избираться все более случайным образом, когда персональный имидж или поддержка ситуационно популярного исполнителя очередного модного шлягера становятся решающим фактором.

Может быть, уже правомерно поставить вопрос: что если в XIX веке «умер Бог», то в XX что-то подобное происходило со «свободой, равенством и братством» и, следовательно, демократией как общемировым принципом Нового времени и Новейшей истории?... Многие из общественных феноменов в России, да и не только, позволяют подозревать, что общество уже не заражено, как это было совсем недавно, а тяжело больно демократией. Что взамен?

С этим тезисом, конечно, можно и будут спорить. Но, как представляется, достаточно очевидно одно — в XX веке гуманистические идеи, ранее составлявшие стержень развития европейской цивилизации, последовательно дискредитировались, а свобода приобрела оттенок «права на неравенство». И, как это ни парадоксально, это — естественно, так как равенство среди исходно неравных людей предполагает их насильственное приведение к одному «знаменателю» (мы хорошо знаем это по советскому периоду). А если присутствует насилие, значит, нет свободы... Тем не менее нельзя не замечать, что развитие без насилия непременно порождает еще большее неравенство во всех сферах жизни. И это неравенство будет только нарастать. И тогда встает вопрос о «мере насилия» и «мере свободы».

К этому тезису можно было бы добавить еще одно веское обоснование: за последние 30 лет преступность во всем мире возросла в 4 раза, а в самых демократических странах, типа США — в 8 раз (в России — также в 8 раз!)[3]*. Средний рост мировой преступности составляет 5% в год. Это что — обязательный атрибут «последовательного развития» демократии или ее побочный продукт?*

Может быть, действительно наступает какая-то ИНАЯ эпоха? И требуются какие-то иные механизмы общественного и государственного регулирования. Более того, как мне представляется, эта эпоха уже наступила! Каковы ее лозунги и принципы?

Мир явно изменился. Но у нас нет осмысления картины этого изменившегося мира. И даже изменившейся страны. За традиционными вопросами «Что делать?» и «Кто виноват?» бесконечно ускользающими стали вопросы «Почему это происходит?» и «Зачем вообще все это нужно?!». Вопрос прежде всего нравственный.

Как свидетельствует история, именно парламентарии чаще всего были трибунами и глашатаями новых эпох. Нет ли сейчас у парламентской элиты определенного дистанцирования от этой функции, а именно — осмысления действительности, а если точнее — наполнения современной действительности смыслами? Не потому ли мы так часто корректируем законы, что не вполне определились по «коренному вопросу»: к какой цели и каким путем мы идем или будем идти? Не забыли ли мы за повседневным законотворчеством, что выше нравственного закона нет?

Как ни печально, но наступившее тысячелетие уже мало ассоциируется с идеями «свободы, равенства, братства». Еще раз тот же вопрос: что взамен?..

В процессе Международного семинара «Конституционный статус верхних палат парламентов» с участием парламентариев ведущих стран Европы, неоднократно поднимались проблемы централизации и децентрализации парламентов, приближения их к исполнительной власти и дистанцирования от последней и т. д. Не отражает ли эта дискуссия ситуацию поиска новой идентичности органов представительной власти? И тогда вновь возникает вопрос: на основе каких новых общественных императивов?

Мне трудно сказать, какими могут быть эти новые общественные (общемировые) идеалы. Но человек так устроен, что он обязательно должен во что-то верить и на что-то надеяться. Поэтому все предшествующие эпохи опирались на реальные или идеальные гуманитарные концепции. Как можно было бы определить современную гуманитарную концепцию? У меня нет ответа.

[3] В данном случае я ссылаюсь на данные В. В. Карелина: «Инновации», № 9–10 (46–47), 2001. С. 115–116.

Как известно, смысл жизни у каждого конкретного человека появляется тогда, когда у него есть какая-то благая (или даже иллюзорная) цель, общая с другими людьми и выходящая далеко за рамки его повседневного существования. Есть ли такая цель у нас всех как человечества сейчас? Или хотя бы у России как страны? Стремление к социальной защищенности и желание быть избавленным от терроризма — это условия или потребности, но они не могут быть целью жизни, хотя и определяют современное отношение к свободе.

Кому нужны права и свободы, если вы не можете их реализовать и живете в постоянном страхе, если вы боитесь даже днем выйти из дому, как это совсем недавно (после событий 11 января 2001 года) было в США?

Когда смотришь на наше внутреннее законотворчество, невольно возникает вопрос, а не решили ли мы, потерпев неудачу с коммунистическими подходами к созданию «человека будущего», попробовать решить ту же проблему демократическими методами? Я не говорю уже о международном терроризме, но тому криминальному террору, которому подвергается российское общество, может быть противопоставлен только столь же жесткий и последовательный государственный антитеррор и, может быть, даже осознанное самоограничение прав и свобод граждан, а уж никак не «дальнейшая демократизация».

Если западная демократия создавалась столетиями на основе последовательного принятия гражданами и государством взаимных обязанностей и обязательств и исходила преимущественно из потребностей экономически свободного и ответственного гражданина, то российская демократия (в полном смысле этого слова) «свалилась нам на голову» в одночасье, а затем «укоренялась» по модели не «свободного и ответственного гражданина» (его просто не было), а по модели правозащитников — в некотором роде — «демо-экстремистов». Как тут не вспомнить уже полувековой давности изречение русского философа И. Ильина, что после свержения коммунистического режима России, скорее всего, будет предложена вся и всяческая демократия, и его сакраментальное резюме к этому прогнозу: «У меня есть только один вопрос: кто потом за это все ответит?»

Что-то изменилось в мире, и это что-то еще не осмыслено. Позволяет ли старый либерально-демократический дискурс

сформировать у населения хоть какие-то представления о векторе движения общества, нравственных идеалах и смыслах бытия, не говоря уже о гуманитарно-правовой стратегии государственной политики? Я думаю, что нет.

У меня имеется еще одно маленькое подозрение, что столь длительное существование идеи западной демократии в ее «первозданном» виде не в последнюю очередь обусловливалось наличием «alter ego» в форме коммунистического режима, и с распадом последнего многие «маски» западной демократии будут сброшены.

Как мне представляется, Россия уже пережила период подражательной демократии и сейчас могла бы пойти не по пути фетишизации этой идеи или поиска «истинной демократии», а по пути переосмысления самой идеи демократии как уже мало адекватной современной картине мира. И эта идея способна не только привлечь, но и предельно активизировать самые высокие интеллектуальные ресурсы.

Наброски к психологическому портрету террориста

В абсолютном большинстве случаев это молодые люди в возрасте около 20 лет — плюс-минус пять лет, получившие воспитание в патриархальной и высоко-религиозной культуре.

В их сознании обычно есть устойчивые представления об исторической травме нации, и мощные эмоциональные связи с последней. Типичные социальные чувства — скорбь и горе в сочетании с ущемленной национальной гордостью. Чаще всего характерны особые (частично — искаженные и мифологизированные) представления об историческом обидчике и потребность в его наказании и возмездии, которые задаются устойчивыми паттернами поведения и оценок, активно культивируемыми в социуме.

Эти представления, скорее всего, дополняются актуальной психической травмой, связанной с реальными фактами гибели родных, близких или просто соплеменников, нередко непосредственно на глазах у будущего террориста.

В индивидуальной истории, как правило, присутствовало раннее лишение родительской заботы и внимания, а также — травматогенная юность, проведенные в лишениях и сопровождавшиеся многочисленными унижениями и утратами (имущества, дома, близких, социального и материального статуса и т.д.).

Отсутствие эмоциональных связей в детстве в последующем обычно компенсируется в их идеологическом или религиозном варианте, в частности, в фанатической преданности тем или иным лидерам или идеям, вплоть до идей богоизбранности и религиозно-утопических мечтах о совершенном мире (с весьма упрощенными представлениями о нем).

Характерные мировоззренческие составляющие и предпосылки:

- смещение чувства времени — прошлое включено в актуальное настоящее;
- стирание границ между реальностью и фантазией;
- некоторая наивность в сочетании с размытостью моральных ограничений;
- смешанность границ добра и зла, в отдельных случаях наличие апокалиптических переживаний и фантазий в сочетании с идеями мессианства;
- садомазохистическая позиция — жалость к себе и своим соплеменникам в сочетании с ненавистью к реальному или мифологическому противнику и готовностью к самопожертвованию;
- идентификация с агрессором, то есть наличие идей типа: «если я сам буду агрессором, то не стану объектом агрессии";
- ограниченная способность понимать и принимать доводы тех, кто мыслит иначе;
- определенная утрата рациональности, особенно в сфере представлений о доступных и недоступных целях и идеалах, при этом, если цель недоступна, эрзац-целью может стать тотальная ориентация на разрушение всего, что препятствует достижению цели, даже если это никак не приблизит реализацию последней;
- религиозное «обрамление» идей борьбы, мести или возмездия создает не столько особый кодекс поведения, сколько определяет специфическую социальную связь между членами конкретной национальной или социальной группы, что отражает общечеловеческую потребность слияния с чем-то большим (чем-то наполненным высоким смыслом), чем просто слиянием с конкретной группой;
- одним из важнейших факторов такого идейного слияния являются представления о смерти и загробной жизни;
- в культуре социумов, откуда пополняются ряды террористов, их смерть считается героической и благородной жертвой, подвигом мученичества, и практически всегда вызывает одобрение и поддержку, которые проецируются на семью и весь род террориста, окружаемых заботой и уважением;
- это не значит, что семьи поощряют смертников или не испытывают чувства горя, но и семьи, и молодые люди знают, что, наряду со скорбью и болью утраты, будут присутствовать и принятие жертвы, и понимание, и одобрение и даже гордость; такая смерть считается не самоубийством, а мученичеством, при котором конкретная личность навсегда сливается с историей общества или нации, с его прошлым, настоящим и будущим;
- смерть в молодом возрасте вообще не воспринимается как некий конечный (необратимый) феномен, и даже обычные самоубийцы (с атеистической установкой) в ряде случаев имеют фантазии о том, как они увидят то, что будет после их смерти; религиозные идеи вечного блаженства, безусловно, являются более мощными, и сопровождаются представлениями о переходе на другой уровень бытия и слияния с Богом или, во всяком случае — ощущениями идентификации с великой идеей или целью;
- особое место занимает понятие смыслообразования — то есть потребность ощутить, что мое существование имеет некий особый смысл, выходящий далеко за рамки серой, убогой и безнадежной повседневности (поэтому, чем более экономически, социально и политически бесперспективна ситуация в окружении, тем больше вероятности возникновения террористического типа мировосприятия).

В силу вышеизложенному, террорист практически не поддается рациональному разубеждению. Ему практически неведом страх и раскаяние в совершаемом или совершенном.

Попытка изобразить террориста как психически больного неверна, по сути, и никуда не ведет. Столь же неверны представления о террористе, как примитивном малообразованном человеке.

Существует огромная разница между человеком, который решил покончить с собой из-за непереносимых психических страданий, и смертником, который любит жизнь, полон сил, внутренней энергии и уверен в своей особой миссии.